

W. M. Manning

АСАН ЖАКШЫЛЫКОВ

Избранные
произведения
в V томах

Бишкек

1999

Копот
Н. 22

АСАН ЖАКШЫЛЫКОВ

Том V

Стихотворения
Поэма
Крылатые изречения
Публицистика

Бишкек
1999

ББК 84 Ки 7

Ж - 23

Редакционная коллегия:

Чоюн ӨМҮРАЛИЕВ, Калыбай ОСМОНАЛИЕВ,
Асанбек ИМАНБАЕВ, Жумадин КАДЫРОВ,
Алтынай ЖАКШЫЛЫКОВА, Галина ЕМЕЛЬЯНОВА.

Жакшылыков Асан.

Ж-23. Избранное: Т. 5 / Художник М. Асаналиев. - Б.:
1999. - 282 с.

ISBN 9967-20-117-7

ISBN 9967-20-157-6 (Т.5)

5-том избранных произведений Асана Жакшылыкова, рассчитанный на русских и русскоязычных читателей, лишь в небольшой степени знакомит их с творчеством поэта, так как многие его произведения в различных жанрах еще не переведены. Значение переводов неоценимо. Но, с другой стороны, в поэзии оригинал и перевод не всегда бывает адекватны. Однако надеемся, что поэзия Асана Жакшылыкова дойдет до души русскоязычного читателя.

Данный том включает в себя стихи поэта, переведенные в разные годы, ранее публиковавшиеся в сборниках его стихов "Пути земные" и "Побеги доброты", выпущенные в 1983 и 89 годах издательством "Советский писатель" в Москве.

В настоящий том включены также новые переводы, крылатые изречения и ряд публицистических статей, написанных поэтом на русском языке.

Ж 4702300600-99

ББК 84 Ки 7

ISBN 9967-20-117-7

ISBN 9967-20-157-6 (Т.5)

© Жакшылыков А., 1999

СТИХОТВОРЕНИЯ

СОВЕТ СТАРИКА

Мой сын,
Не умаляй значенья слов.
Не забывай,
Что в этом трудном мире
Слова врачуют и слова калечат.
И все решает
Кто их произносит:
Недобрый или добрый человек.

Пусть никогда слова твои,
Мой сын,
Не будут так мелки,
Как те песчинки,
Что ровно рассыпаются сквозь пальцы.
Не торопись.
Пусть слово в жарком сердце
Созреет перед тем, как прозвучать.

Родная речь.
Ты вслушайся в нее.
В ней вся душа народа отразилась,
Как небо в синей глади Иссык-Куля.
Скажи, не суетясь, —
И не придется
От слова отказаться своего.

Кто в жизни прям,
Тот в слове тоже прям.
Кто честен в жизни, —
В слове тоже честен.
Не говори бездумно и бездушно —

И будешь ты всегда готов
Ответить
За все, что было сказано тобой.

ЖИЗНЬ

Я по земле иду,
За шагом шаг,
Не ощущая скорости планеты,
С какой она стремительно летит
В немереном
Космическом пространстве
У солнца постоянно на виду.

Мне будут открываться
Гребни гор,
Простершиеся за горами дали,
Леса и степи,
Реки и моря —
И там лишь озарит меня сознание,
Что в мире этом
Что-то я постиг.

Мне с каждым шагом
Видится ясней
Мудрейшая несуетность природы.
Я припадаю к ней всем существом,
И солнце
Призывает быть высоким,
Земля —
Не отрываться от нее.

И кем меня ты, жизнь, ни нареки —
Травинкою родного Ала-Тоо,
Сбегающим в долину ручейком,
Медведем, белкой,
Лебедем или грифом —

Ты будешь, всемогущая,
Права.

Я, вышедший из глубины веков,
На этой
Самой солнечной планете
Невидимую осязаю связь
С летящей птицей
И бегущим зверем,
И деревом,
Растущим на земле.

О жизнь,
Не дай перед норой моей
Капкан поставить!
Отведи двустволку,
Когда устало крылья я сложу,
На озеро родное опустившись,
Или тропой пойду на водопой,

Обереги меня,
Обереги!
Пускай моих корней не перережут,
Которыми так связан я с тобой,
С моей землею,
С небом,
Ветром,
Солнцем —
Дитя твоё родное — Человек.

ВРЕМЯ

Гремит,
Бушует Времени река.
Неумолимо мчит его течение.
То, как мгновенья,
Тонут в нем века.
То, как века,
В нем высятся мгновенья.

Мудры в своем степенстве, но уже
Согбенны
И беспомощно усталы,
Не высказав всего
Что есть в душе,
Вверх по теченью смотрят аксакалы.
А день летит,
И горд, и быстроног, —
Успей за ним!
И обойди. А дальше —
Найди одну из тысячи дорог —
И не жалея себя
На трудном марше!

Ночь призывает лечь и отдохнуть,
Но не успеет первый сон присниться —
Встает заря
И освещает путь,
И день уже
На всем дыханье мчится.
Я день хочу стремительно прожить.
Чтоб к ночи лечь,
А встать опять на зорьке.
И снова в путь.
И скорость ощутить,
И захлебнуться свежим ветром в гонке.

ГИМН ЖИЗНИ

Как мир наш тесен!
Как наш мир просторен!
Один на всех — для каждого он свой,
Неповторимый в радости и в горе,
В заботах каждодневных
И в любви.

О времени великая стремнина!
Она летит!
И только эхо носит
То крик новорожденного,
То вздохи
На свой закат глядящих стариков.

Что там века!
Уже тысячелетья
Земные весны смотрят в наши очи.
Чем ты моложе,
Тем светлее небо
И тем крупнее звезды над тобой.
О эти звезды,
Сколько чувств и мыслей
Приносит нам задумчивый их свет!
А ручеек, сбегающий в долину
С крутой горы, —
Он разве не поет?

Я понимаю,
Что не всякий зрячий
Умеет видеть, как наш мир прекрасен,
И даже люди с музыкальным слухом
Порой не слышат
Жизни вечный гимн.
Но он звучит
И славит мир просторный,

И славит землю,
Милую для нас,
Единственную, может быть, планету,
Где в каждом человеке —
Целый мир.

ДЕТСТВО

А жеребят, резвящихся над речкой,
Табунщики пригнали к коновязи
И, всех взнуздав, надежно привязали —
Привычное и будничное дело.
И разве что-нибудь произошло?

Нет, просто мальчик маленький проснулся
От шума их. Из юрты тихо вышел
И, протирая сонные глазенки,
Стоит себе да смотрит с любопытством
На скучившихся жарких жеребят.

Он маленький, и он поймет не скоро,
Что значат эти жесткие уздечки
И коновязь для резвых жеребят.

ЗВЕЗДА ЛЮБВИ

Далекий путь ведет за горизонт,
Неведомая даль перед глазами.
Остановись. Да будь в решение тверд,
Не разводи беспомощно руками.

И если на заре свою звезду
За тонкий луч покрепче не ухватишь,

Любовью возгорясь, -- имей в виду,
За этот промах дорого заплатишь.

Все чаще твой напрасен будет труд,
Бесплодными окажутся стремленья.
И лисами матерыми начнут
Тебя подкарауливать сомненья.

Но если, брат, звезду любви ты сам
Не упустил, — жар в сердце не остынет.
И та гора, что чуть видна глазам,
Едва пойдешь, — сама навстречу двинет.

И отойдут все колебанья прочь,
Уже тебя удача не оставит.
Пусть вновь и вновь падет на землю ночь,
Но всякий раз и день высокий встанет.

Аркан не должен быть коротковат,
Со стригунка готовь коня к дорогам.
И люди пусть тебя благословят,
И помни их слова в пути далеком.

* * *

Мир для меня всегда был чист и светел.
И все-таки до встреч моих с тобой
Я многих в нем явлений не приметил,
Не ощутил гармонии живой.

Не понимал, что свет родной долины
И щебет весен и гуденье зим
Вовеки от меня неотделимы,
И я от них вовек неотделим.

Не оставляй на островке судьбы
Теряющего силы человека.
Когда над головою у него
Черна, как полночь, туча грозная,
Пусть все же он почувствует, что в мире
При всем при том не вовсе одинок.

Держи ее, связующую нить,
Меж ним и жизнью. И не дай порваться.
Пойми, что вся надежда на тебя,
Поскольку ничего страшнее нету,
Чем чувство одиночества в огромном
И многолюдном городе, мой друг.

КУМЫС

Когда издалека приехал гость,
Кумыс, как говорят, программы гвоздь,
И тут же не дает покоя мысль
Добыть для гостя стоящий кумыс.

Так принято. И в разные концы
Туда-сюда уже летят гонцы.
Из пригорода — это не кумыс,
За настоящим — в горы подались.

Все смотришь на дорогу: где ж гонец?
Волнуешься. Но мчится, наконец,
И если он удачлив и нашел —
Тогда на высоте киргизский стол.

Наверняка пойдет, как надо, пир,
Коль есть душе и телу эликсир.
И, спутница киргизского стола,
Наполнена кумысом пиала.
Гость делает глоток, еще глоток —

И на лице блаженство и восторг.
Ведь тот кумыс, что прежде он пивал,
Кумысом никогда и не бывал.

И все теплей у гостя на душе,
Застольный разговор потек уже.
Милее дом, уютнее вокруг,
А гость уже как давний-давний друг.

И мы ему поведаем тогда
Что значит гор великая гряда,
Как табуны идут на водопой
У самой-самой кромки снеговой.

О том, что значит — вечные снега,
Кочевья и альпийские луга.
О мальчике с обветренным лицом,
Что там живет с табунщиком-отцом.

Как он взбивает тщательно кумыс
И как на тучи смотрит сверху вниз.
Расскажем о звезде, что в свой черед
Над юртою табунщика взойдет.

И гость уже расспрашивает сам
О кочевом движении по горам.
И, словно звезды ранние в горах,
Мерцают огоньки в его глазах.

Я тоже с гостем душу отвожу, —
Ведь сам подолгу в городе сижу.
И не смотрю на тучи сверху вниз,
И пью в кафе разбавленный кумыс.

АРЧА

В глухую древность уходя корнями,
Вобрав в себя дыхание столетий,
Тяжелыми ветвями простираясь
Над почвой безнадежно каменистей,
По склонам гор бессмертно зеленеет
Свой возраст позабывшая арча.

Светлея перед солнцем восходящим
И к непогоде в думу погружаясь,
Она стоит свидетелем невольным
Печальных и трагических событий,
Покрытых пылью времени событий
В истории Киргизии моей.

Сменяет старость молодость живая,
Сменяют поколения друг друга —
Одна арча стоит в веках бессменно
И на крутых горах, и на пологих.
И вся земля родная перед нею,
И весь народ мой древний на виду.

Она-то помнит долгие кочевья.
Ведь дым костров, что разводили предки,
Проник в нее до самой сердцевины.
И слышала арча все их молитвы,
И долгие ночные разговоры,
И песни их, похожие на плач.

А если от земной глубокой скорби,
Что по корням до кроны поднималась,
Арча, теряя силы, засыхала,
Тогда она сама в кострах горела,
В кострах трудолюбивых наших предков,
И хорошо им было у огня.

Арча служила остоном для юрты,
Для юрты, на которую, казалось,
Обрушивались все земные беды.
А юрта все стояла! И спокойно
В ней детские качались колыбельки,
Сработанные тоже из арчи.

Я вижу древо вечности, в котором
Так совместимы молодость и древность.
В его большой, вечнозеленой кроне
Гнездится утро раннее, а рядом
Стоит на тонких ножках косуленок
И громко, несмышлениш, кличет мать

РАССВЕТ В ГОРАХ

Теперь представить это невозможно.
Не верится. И все же было так:
Остановилось для киргиза время,
Неслись в долинах мутные потоки
Печали, притеснения и нужды.

У драных юрт ослепшие от горя,
Не видящие выхода уже,
Недвижные сидели аксакалы.
Сил не было похоронить умерших
И приласкать заплаканных детей.

Скользили по долинам тени грифов,
Дыханье смерти чувствующих птиц.
Стонали люди, и земля стонала.
Тогда, спасаясь от голодной смерти,
Народ свой Ала-Тоо покидал.

Он разбредался нищими по свету,
Уже не веря больше ни во что.

И, запоздай октябрьские зарницы,
В те мрачные, глухие времена -
Последнего б киргиза погубили.

Так страшен был бесправия и гнета
Царящий век. Он ослеплял людей,
И человек вставал на человека.
И на прозрачных волнах Иссык-Куля.
Качалась вековечная печаль.

Но в пору ту, в те времена глухие,
Когда, казалось, вечны смерть и тлен
И жизни родникам не возродиться,
В далеком баррикадном Петрограде
Горела небывалая заря.

Вставало революции светило,
Тьму разрывали красные лучи,
И озарялись ими наши горы,
И становилось все виднее в жизни,
И ясно было с кем кому идти.

И загорался свет в глазах у горцев.
Он вспыхивал в измученных сердцах,
Когда они, еще не веря счастью,
Руками заскорузлыми хватались
За каждый лучик солнца Октября.

И лед беды в долинах наших таял,
И зацветали буйные луга,
И голубели воды Иссык-Куля.
И говорили слово аксакалы
О Ленине, о братстве, о земле.

И завещали помнить, вечно помнить,
Как просто оборваться здесь могли
Народ и жизнь связующие нити,

Когда б над милым краем Ала-Тоо
Не встала революции заря.

ПОКЛОН ПАВШИМ

Произнесите:
Двадцать миллионов...
Вы что-нибудь значительнее знали?
Вы чувствуете
В горле ком тяжелый?
По миллиону
Двадцать раз взяла
Проклятая война
Людские жизни.
Я четко вижу цифру "два",
А дальше
Сливаются ноли,
И в бесконечность
Их строй уходит.
Страшен этот строй.
Он душу леденит
И будоражит.

У нас в горах
Раз в десять меньше горцев,
А, может,
Ровно в двадцать раз их меньше,
Чем погребенных
В каждом том поле —
Такой простой,
Такой пустячной цифре.

Какая бездна
Скорби и печали!
И на земле такой горы
Не сыщешь,

Которая могла бы от людей
Скрыть это горе —
Двадцать миллионов...

И в черном вся
Перед могилой братской
Опять седая женщина застыла.
Она такой молоденькой была,
Когда пришла к ней с фронта
Похоронка.

Но пуля,
Пуля дважды убивает:
Сперва солдата,
А потом солдатку.
Молоденькая женщина тогда,
Ничком упав,
Совсем старухой встала.

Я повторяю:
Двадцать миллионов...
И каждый —
Это имя,
Это сердце
И песня, удивительно своя.
А что есть горше
Недопетой песни?

Нам виден подвиг
Каждого солдата
В величественном зареве
Победы,
В державной нерушимости
Границ,
В беспечных играх
Наших ребятишек.

Над нами солнце мира,
Солнце жизни,
Сады бушуют, и щебечут птицы...
Но пусть в груди
Не притупится боль
За двадцать миллионов
Павших братьев.

УКРАИНСКИЙ ЛЕС

Какая здесь зеленая земля,
Какой душистый, свежий веет ветер!
Под пенье птиц кружатся тополя...
Ну, есть ли радость большая на свете?

Когда-то здесь гвардейскому полку
Пришлось сражаться - здесь врага разбили.
И в честь победы той по топольку
В израненную землю посадили.

И принялись те саженцы. И вот
Листвой играют стройные деревья.
Шумит солдатский лес который год,
Как символ жизни, мира и доверья.

И солнцем кроны светлые полны.
И смотришь ты с желаньем сокровенным:
Чтоб все, что в мир пришло после войны,
Осталось на века послевоенным.

СТОКГОЛЬМСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ

Сегодня я свое поставил имя
Под мудрым обращением народа
Прекрасной нашей
Солнечной планеты,
Которая уже сейчас, быть может.
Несется
На трагическом витке.

И было ощущение такое,
Что расписался я не на бумаге,
А на рассветном чистом небосводе,
На синем море,
На зеленом поле,
На белом снеге древних наших гор.

Как сын великой
Матери-природы
Я расписался в том,
Что это небо,
Что это солнце,
Море, поле, горы
Мне дороги,
Как собственные дети,
Читающие первые слова.

Земля такая добрая планета.
Вот хлеб земли —
Он утолит ваш голод.
Вода земли — она спасет от жажды.
Торя пути
На всех просторах жизни,
Мы сладко дышим воздухом земли.

Кто мир отвергнет —
Тот отвергнет землю,

Отвергнет наших предков —
Наши корни.

Отвергнет тех,
Кто должен нас продолжить
В трудах,
В испепеляющей любви,
И, вызвав к жизни на себя похожих,
Передавать им наши имена.

Под страстным обращением к народам
Я написал довольно четко
Имя,
Которое
Столетия и столетия
На солнечной земле,
В горах, предгорьях
Передается сыну от отца.

Надеюсь я, что саженец мой скромный
Не упадет под злым,
Коварным ветром,
А глубоко
Уйдет корнями в землю
И высоко
Поднимет к солнцу крону,
И деревом надежды зашумит.

И мирная
Через простор Сибири
Протянется железная дорога,
Пройдет большой канал
Через пустыню,
Все тяжелее будет хлебный колос
И полновесней будет трудодень.
Рискующие жизнью космонавты
Всегда счастливо будут возвращаться
На землю,

На свою родную землю.
И будет их она встречать, цветами
И с доброю улыбками встречать.

И небо будет чистым над планетой.
Смерч атомный уйдет,
Как черный призрак.
И будет сад земли шуметь листвою
И будет среди множества деревьев
То дерево, посаженное мною.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Смотри, из края в край земли родной
Лежат пути высокого призванья.
Какой из них ни выберем — любой
Ведет нас под развернутое знамя.

Ни в чем победы легкой не суля,
Овеянное жесткими ветрами
Полотнище, как алая заря,
Полощется у нас над головами.

На нем играют отблески грозы,
В нем наша честь и наше достоянье.
Оно горит над нами, как призыв
Достойно пересилить испытанья,

Как те, кто в революцию ушли
От жизни беспощадной и убогой...
Идет, идет история земли
Своей краснознаменной дорогой.

Яснее мысль и громче сердца стук,
И алым светом озарились дали.

И держат древко миллионы рук
Живущих — нас — и тех, кто в битвах пали.

Тернист наш путь, и крут его подъем,
Но солнце все ясней на небосклоне.
Нас больше на планете с каждым днем,
Давай, джигит, пойдем в одной колонне.

Все голубей планеты ореол,
И всюду над землею мгла редееет.
Кто с нами жил, кто вместе с нами шел,
Тот о своей судьбе не пожалеет.

ДОБРОЕ УТРО

В рассветной дымке горы-исполины;
Но так их очертания легки.
Минута — и на белые вершины
Заря наложит алые мазки.

Чист небосвод, земля вокруг прекрасна,
Ночная тень уходит без следа.
До будущего вечера погасла
Венера — величавая звезда.

Повеет ветерок — и вновь стихает,
А небо голубеет на глазах.
И солнце чутко землю пробуждает,
Спускаясь к ней на трепетных лучах.

О, праздник пробуждения природы —
В нем столько света, столько в нем тепла!
Дай людям, день, лишь светлые заботы,
Вручи им только добрые дела.

И губы тихо шепчут: — С добрым утром!
И хочешь необычное свершить.
Как мир хорош, как он устроен мудро,
Как много смысла в емком слове “жить”!

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Беру со свежей пашни горсть земли...
Я никогда, конечно, не узнаю
Всю сложную историю ее—
Земли-комочка и Земли-планеты.
Но думать и гадать о том, что было,
Не перестану, видно, никогда.

В моей руке земля не тяжела,
Но от земных забот меня качает.
И, чтобы удержаться на ногах,
Все силы собираю я, всю волю,
Порой до боли стискиваю зубы...
И все же славлю жизнь моей земли!

За мной стоят прошедшие века,
В земную глубь мои уходят корни.
Пока не потеряю эту связь,
Всесилен я, всемогущ и бессмертен.
Не зря меня благословляет солнце
Вершить земные добрые дела.

РОДНИК

На джайлоо,
Где травы играли росой разноцветной,
Где мальчишкой гонять я
По светлым тропинкам привык,
Из-под груды камней
Тонкой струйкою, еле заметной,
Пробивался певучим,
Сверкающим чудом родник.

Под горой-великаншей
Песком ручеек заносило,
Но в долине опять
Возникал он, звеня и журча.
Для меня на джайлоо
Занятым любимейшим было
Безо всяких затей,
Просто так, посидеть у ключа.

Детство, детство...
Я помню, там главная в жизни забота —
Насмотреться, набегаться.
Ноги-то носят легко.
Наши уши, глаза, наши души
Еще, как ворота,
Не открыты —
Распахнуты в мир широко-широко.

Облака проплывали,
Вершину горы задевая,
Снег на солнце искрился,
И солнечно травы цвели.
Я сидел над ручьем,
Ничего еще вовсе не зная
Ни о жизни своей,
Ни о вечном движенье земли.

Я не знал,
Как рождаются ветры, и реки, и горы.
Принимая весь мир
Разноцветный, просторный, живой,
Ничего я не знал
Ни о счастье людском, ни о горе —
Это позже придет,
Это все еще будет со мной.

Да и уши мои,
И глаза мои были наивны,
Но, наверное, в жизнь
До сих пор я всмотреться б не смог,
Если б малый родник
От джайлоо до самой долины
Не пробился тогда
Сквозь камня и жесткий песок.

В ГОРАХ

Табунщик предлагает отдохнуть,
Он говорит:
- Смотри, вон в той ложбине,
Где солнцепека нет
И есть трава,
Как следует мы сможем подремать,
И кони пусть немного погуляют.

Уснул табунщик.
Я же — не могу.
Ну, как уснешь,
Когда такие краски,
Такие звуки дарит мир тебе!..
Смотри, да слушай, да запоминай
Родной земли прекрасные приметы.

Благословенна летняя пора
В Киргизии.
Наверно, столько солнца,
Такую синеву и белизну,
Соцветия такие на лугах
В другом краю
Увидеть невозможно.

Неторопливо щиплет конь траву
И - отгоняет оводов.
А пчелы
Роятся над цветами там и тут.
Тяжелый жук на веточке цветка
Сидит
И до земли ее склоняет.

Табунщик ровно дышит,
Сладко спит —
Он рос в горах
И всюду тут, как дома.
И в городе б он просто жить не смог,
(Да он двух дней не может в нем побыть!)
А я сюда так редко выбираюсь...

РАДОСТЬ ЖИЗНИ

Вдыхая аромат родной земли,
Я шел легко.
И даже не заметил,
Как светлая,
Росистая тропинка
Слилась с высоким солнечным лучом.
И тут открылся мир,
Залитый солнцем.

Быть может, радость жизни
В том и есть,

Чтоб ощутить всем существом
Вот это
До сердца доходящее сиянье,
Так сладко нам
Слепящее глаза,
Так нежно нам
Ласкающее лица.

Но чтобы на тропу мою упасть
И чтобы смуглых скул моих коснуться,
Не через год,
А в эту вот минуту
Посланцы солнца —
Добрые лучи —
Безмерный путь
Прошли молниеносно.

Лучи, лучи!
Безбрежный океан
Тепла и света по земле разлился.
И лучики, оброненные в пашню,
Пускают корни
И дают ростки,
И радуются люди дружным всходам.

Звездой жизни солнце назову!
Его огонь
Не пропадает даром,
Не гаснет
В бесконечности пространства —
Он не дает остыть моей земле,
Он каждый год
Весну с собой приносит.

И пусть твердят ученые мужи.
Что солнце постепенно остывает.
Стареет,

Что на нем открыты пятна...
Безмерна жизнь
И бесконечна жизнь —
Мне в это верить,
Только в это верить.

Восходит солнце —
Радуйся душа!
Восходит солнце —
Этот вечный спутник
И труженик.
Я смуглостью своей
Ему обязан.
Я — потомок солнца,
И с тьмой
Мне никогда не примириться.

МОСТ

Мечтательность младенчеству подобна,
Ростку, что пробудился ото сна.
Как долго солнце светит с небосклона,
Пока нальется зрелостью весна,

Так смотрим мы в даль светлыми глазами
И строим бесконечные мосты...
От призрачно возникшей перед нами
И до счастливо сбывшейся мечты.

Взойдешь на мост да поглядишь с пролета —
И по спине потянет холодок:
Не самая надежная работа,
А там — внизу — свирепствует поток.

Вода кипит и голову туманит,
Где риск, а где расчет — не разберешь.

Но ведь мечта - она зовет и манит,
И ты идешь, ты все-таки идешь...

СИЛА ЖИЗНИ

Путь,
Что проходит кровь по нашим венам,
Наверно, вправду
Самый длинный путь...

О, сила жизни,
Сила нашей крови! -
Она кипит
И связывает с сердцем
Любую нашу клетку,
Каждый атом.
Не потому ль,
Когда наколешь палец,
То прямо в сердце
Отдается боль?

Не потому ль у рук
Такая нежность,
В глазах любовь лучится
И участие?
Не потому ли мы
Так часто слышим,
Порою не вникая
В смысл глубокий:
- Смотрите, до чего ж сердечный взгляд!

И все-таки
Глаза воспринимают
Лишь то, что есть,
Что нынче перед нами.
А с кровью

Все, конечно, посложнее,
Поскольку в ней
И память вековая,
И то, что мы
Предчувствием зовем.

Кипенье крови
Нам дает решимость
И согревает наше тело в стужу.
Взыграла кровь —
И тут же опьяняет:
Глаза не видят,
Ноги непослушны,
А унялась —
И снова мы трезвы.

У каждого из нас
Есть час счастливый,
Когда, на зов любимой
Откликаясь,
Ударит кровь нам в голову
И в сердце
И вырвется из замкнутого круга,
Чтоб в наших детях
Свой продолжить путь.

ДОМ ПОД СОЛНЦЕМ

Вот солнца луч,
Скользнув по занавеске,
Переливаясь, в комнату вбежал
И колыбельку озарил, в которой,
Посапывая,
Мирно спал ребенок.
Качнулась колыбелька чуть заметно,
И солнышком омытое дитя

В ней потянулось,
Не открыв глазенок,
И тут же вновь заснуло безмятежно.
Открыты настежь двери в этом доме.
Там, за порогом,
Жизнь свои дела
Вершит.
Там грузно движутся машины
К реке, чтоб перекрыть её плотиной.
Привычно к седлам косы приторочив,
На осликах,
Трудягах из трудяг,
Достоинно восседают старики,
И ясно всем,
Что был покос успешным.
Для тружеников сельского хозяйства
По радио концерт передают.
И если репродуктор замолкает,
То слышно,
Как гудят довольно пчелы.
В соседнем доме хлеб пекут,
Лепешки,
И женщина, колдуя у печи,
Голодный год,
Вздыхая, вспоминает.
Так жизнь идет
Своим привычным ходом.
А в колыбельке сладко спит ребенок,
Ему тихонько напевает мать,
И эта песня
С голосами птиц
Разносится
Во все земные дали.

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

На склоне дня закрыли небо тучи,
Донесся грома дальний-дальний гул.
А к ночи был весь мир дождем озвучен,
И я под эту музыку уснул...

Вставало утро влажным, светлоглазым.
Дышали мягкой свежестью поля.
Был воздух чист, и солнце было ясным,
И шурилась умытая земля.

Ручьи сверкали в солнечных долинах,
И ледники, что гордо вознеслись,
И травы в ярком бисере дождинок,
И синяя безоблачная высь.

И было счастьем слушать птичье пенье,
И как потоки, с гор несясь, шумят,
И ощущать, что ветра дуновенье
Несет земли цветущей аромат.

ТРОПА

На склоне дня, с работы возвращаясь,
Я шел лесной знакомою тропинкой.
Знакомою с тех давних-давних пор.
Когда я здесь еще вприпрыжку бегал.

Я шел домой, усталый и довольный,
Прошедшим днем. Вдыхая хвойный запах,
Смотрел на пламенеющий закат
И длинные от старых елей тени.

Но думал совершенно не об этом.
Я думал о племяннике крикливом,

Который то сосет усердно грудь,
То вырваться стремится из пеленок.

Припомнилось, как желтые цыплята
Клюют пшено с тарелки возле юрты,
И, как учитель в школе у доски,
Подбадривает робкого подростка.

Мне думалось о молодом джигите,
Что, с девушкой рассвет в горах встречая,
Сказал ей долгожданные слова -
И вся она от счастья засияла.

Подумалось о мудрых аксакалах,
О бабушках, что отдыха не знают
И, пряжу захватив с веретеном,
Выводят в сад внучат своих и внучек.

О чем еще, я думал в этот вечер?
Я думал о цветах, что распустились
На пышных клумбах и у плит могильных, —
Свидетели любви и скорби нашей.

Что может быть прекраснее планеты
С травой зеленой, с колосом тяжелым,
С мычащими стадами на лугах,
С ребенком на руках у человека!

Такая тишь, такой покой в округе!
Тропинка выбегает на опушку...
Не верится, что может человек
Недоброе замыслить в эту пору.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Отец мой, нынче жизнь сама Вам дарит
Спокойную, задумчивую пору
С названием таким душевным — осень...
И я смотрю на Вас во все глаза.

Отец мой, как достоин этот возраст!
В аиле Вас приветствуют с почтеньем.
И для себя считает каждый честью
Слова привета услышать от Вас.

Я к Вам с улыбкой обращаюсь: — Осень!
И в это слово вкладываю сердце,
И вкладываю всю любовь сыновью
И все надежды добрые свои.

Отец, смотрите, как налиты солнцем
В садах айльных яблони и груши,
Как тяжестью своею наклонили
Они большие ветви до земли.

А на лугу, залитом ясным светом,
Табунщики глядят из-под ладоней,
Как лошади стреноженные щиплют
Хрустящую от сочности траву.

Конечно, на траве и на деревьях
Уже роса блестит, совсем как иней,
Она как будто нам напоминает
О том, что зимний снег не так далек,

Да вон и караваны птиц несутся...
Ну что поделывать, что, отец, поделывать?
У осени, богатой, полной жизни,
Есть и своя осенняя печаль.

И, слушая осенние напевы,
Я поражаюсь, как они похожи
На музыку "Сынган бугу", на Вашу
Любимую мелодию, отец.

Уж скоро горцы спустятся с джайлоо —
И это лишний раз напомним людям,
Как быстро их вращается планета,
Как время безвозвратное течет.

Отец мой, подарил бы я Вам лето,
Но Вы устали и давно не в силах,
Шагая широко при лунном свете,
Играть косой горячей на лугу.

Вы входите, отец, неторопливо,
Степенно в златокрылую*, большую,
Стоящую на перекате жизни
Святую юрту осени своей.

Приятно Вам, что в этот мир явились
Беспомощно крикливые младенцы,
Явились двое смуглых ребяташек,
Чтоб ласково Вас дедушкой назвать.

Сидите Вы, лицо подставив солнцу,
На старом, виды видевшем чепкене,
Разостланном на мягкой и росистой,
Уже с осенней жухлостью траве.

Проходят мимо наши айльчане,
Сердечно говорят: — Салам алейкум! —
И Ваши, мой отец, слова привета
Звучат благословением для них.

Крыло — элемент конструкции юрты.

ПРЕЛЮДИЯ

Босоногий мальчишка
Бежит по широкому полю.
Море клевера,
Звуки,
Созвучья,
Оттенки,
Цвета.
Это звуки
Еще никому не известных
Мелодий,
Это краски
Еще не увиденных нами
Картин.

Мир зеленый, вздымаясь,
Колышется волнами — дышит,
Кайберены цепочкой
По дальнему гребню идут.
А в долине уже
Под озимые землю готовят,
И колхозники что-то решают,
Сойдясь на меже.

В небе птицы звенят.
Облака набегают на солнце.
Край наш милый:
Вершины, ущелья,
Низины, поля..
Это горы твои,
Словно мамонты на водопое,
Перед самою речкой,
Задумавшись, тучно стоят.

А мальчишка бежит
По бескрайнему летнему полю —

Только пятки сверкают.
И мыслью его не пронзит,
Что сейчас вот берет он
Разбег для большого полета
С очень ясным и кратким,
И веским названием — Жизнь.

ЖИЗНЬ В ГОРАХ

Дочь табунщика, девчонка-егоза.
Больше челка не спадает на глаза:
Сорок маленьких косичек — как одна,
И с девчонкой происходят чудеса.

К милой бабушке прильнув, она сидит,
За мерцаньем звезд таинственных следит.
Сколько раз уже пыталась их считать —
Ничего не получилось, — говорит.

Протянув к огню ручонки, вдруг замрет:
Почему комуз так жалобно поет?:
Блеют овцы, жеребенок ржет во тьме,
И поток в ущелье каменном ревет.

Эти звуки ночь несет со всех сторон,
В этих звуках слышен смех и слышен стон.
На колени к милой бабушке склонясь,
Егоза уже волшебный видит сон.

Снятся горы ей — гуляет по горам,
Рвет цветы, рукою машет облакам.
Видит: дедушка комуз берет, и тот
Вторит птичьим чистым-чистым голосам.

Снится ей, что мать кобыл доить идет.
Дочь торопится помочь, ведро берет,
А потом по лугу яркому домой
Жеребенка непослушного ведет.

НАИГРЫШ

Над землей Киргизии моей
Встало солнце, шурясь, как спросонок.
Женщине, так любящей детей,
Солнечным привиделся ребенок.

А когда аил наш затихал
И луна катилась звонко-звонко,
Лунною рукою аксакал
Лунного поглаживал внучонка.

Он, конечно, краток, путь земной.
Вот отец глядит уже устало.
Сколько ж поколений под луной
И под солнцем перекочевало!..

Все грустим. И все не налегке.
Только разве взгляд не замечает,
Как с ведром по камешкам к реке
Аильчанка юная сбегает?

ЮНОСТЬ

То ли юность моя пролетела,
На прощанье рукой помахав,
То ль, со временем в ногу шагая,
Наступил я на нежный цветок.

Как неопытен, как был наивен,
Как доверчив к случайным словам.
Только пылкою сердца порывы
До прозрачности были чисты.

Все возвышенно видел и слышал,
И любовь неземная моя
Надо мной, над земным, покружила
И, как облачко, вдаль уплыла.

Опустилось за белые горы
Солнце ясного-ясного дня.
Только красное небо заката
До сих пор пламенеет в глазах.

Сколько там, впереди, перевалов...
Я иду молодой-молодой.
Вот сейчас оглянусь и увижу:
Юность пристально смотрит мне вслед.

ЦВЕТОК

Тугой бутон на солнце золотом
Почувствовал, что приобщился к чуду.
К пчелиному прислушиваясь гуду,
Он распускался трепетным цветком.

Какое солнце яркое над ним,
Какой простор, голубизна какая!
Он смотрит, в удивлении моргая,
Не веря до конца глазам своим.

Ведь он не знал, что так прекрасен мир.
Он созывает пчел на день рожденья —

И пчел приводит это в восхищенье,
Они жужжат: смотрите, как он мил.

До осени еще такая даль,
Еще земля сияет летним светом.
Зачем я, впрочем, думаю об этом?
Цветок цветет, при чем же здесь печаль?

РОВЕСНИКАМ

Ровесники мои из Мин-Булака,
Вы помните,
Как в дальнюю дорогу
Мы вместе вышли, полные надежд
И дерзких планов?
Как мы были юны,
Неопытны, доверчивы, наивны,
Как верили в счастливую звезду!..

А в нашей белой школе,
Как и прежде,
Звонок гремел,
Контрольные писались,
И не было для нас пути назад.
Казалось,
Мы веселою гурьбою
На берег настоящей жизни вышли,
Чтобы забросить удочки надежд.
Но это,
Это только так казалось.
На самом деле было все иначе.
Науку жить
Преподавала жизнь-
Учитель строгий,
А порой суровый.
И не было отличников среди нас.

Те дни и годы
Дымкой затянуло,
Нам есть на что сегодня оглянуться.
И личный опыт наш уже не мал,
Чтоб погрустить о тех, кто пристрастился
К бутылке,
У кого сошелся клином
Свет на машине, доме, гараже.

Есть опыт, есть,
Чтоб оценить достойно
И тех друзей, кто за мечтой,
За славой,
Как сказочный охотник Каджоджаш,
Стремительно пустились
И настигли
Свою добычу.
Только оказалась
Такою цепкой хватка не у всех.

Душа болит
За тех моих ровесниц,
За тех друзей,
Которые не могут
И по сей день любовь свою найти.
И все у них разлады да разводы —
Большое это, тяжкое несчастье.
Тут можно лишь руками развести.

Но разве это горе,
Если знаешь,
Что девушки,
Любимицы всеобщей,
Игривой, жизнерадостной такой,
Среди подруг красавицы бесспорной,
Уже не будет с нами?

Да, не будет —
Сыра над ней земля и тяжела.

Я думал, этой вестью потрясенный:
Ровесники,
Друзья мои, подруги —
Учителя, шоферы, агрономы! —
Все можно в этой жизни пересилить,
Все можно изменить в ней и поправить —
Пусть только каждый будет жив-здоров.

РАЗДУМЬЕ

Я сетую все чаще по ночам
На то, что жизнь
Несправедливо кратка.
А этот день,
В котором я кипел,
Он промелькнул
И с днем вчерашним слился,
Я друг от друга их не отличаю —
И утешенья сердцу не найти.

Дождь за окном.
Ночной негромкий дождь.
И прожитые годы,
Размываясь,
Туманной пеленою предстают.
Ужели я растрачиваю жизнь?
Откуда в сердце
Столько сожалений?
Вопросов тьма —
Ответов никаких.

Я сердце беспокойное свое
Надеждами обманывать не стану —
Оно уже давно не так наивно.

Но это мне ничуть не помешает
Подняться завтра
Ранним-ранним утром
И с головой
Опять уйти в дела.

ТОСКА

Пустынно осени раздолье,
Стога под небом ветровым.
И лисий мех на желтом поле,
Как ни смотри, неразличим.

Все чаще хмурые туманы
Клубятся в воздухе с утра,
И быстроногие тайганы
Уже не рвутся со двора.

И ветер мелкую солому
Повсюду носит над землей.
А если выглянешь из дому,
Тебе в лицо пахнет зимой.

Хозяин что-то суетливо
В дом переносит от ворот.
Безлюдно, ветрено, тоскливо...
Должно быть, снег к утру пойдет,

ВЕСНА

И вновь во всем дыхание весны.
Ее вовек
Ни с чем другим не спутать,
Она овладевает целым миром,

Во все цвета и звуки проникает —
И жизнь
Преображается опять.

В саду и в поле птичьих голоса
Звончее раздаются,
Пробуждая
В моей груди восторженные чувства, —
Ведь, как-никак,
Я тоже сын природы
И званный гость на празднике ее.

Под старую пожухлую травой
Проглядывают светлые росточки,
Мне хочется
Их ласково погладить,
Как мы младенца гладим по головке,
И пожелать им
Света и тепла.

Иду весенней, праздничной землей,
Дышу
И, значит, вписываю строки
В тетрадь,
Что недописанной оставил
Так чутко относившийся к природе
И так весну любивший мой отец.

Пускай твердят,
Что старится земля.
Пусть говорят.
Но мы ведь обещаем,
Что этот воздух в яд не превратится.
Нам только нужно помнить,
Вечно помнить,
Что мать-природа —
Это наша мать.

Вот скоро
Желторотые птенцы
Поднимут крик в скворечниках и гнездах,
Которых будет много
На деревьях.
И жизнь взойдет
На новую ступеньку
Загадочной истории своей.

ВЕЧНАЯ СВЯЗЬ

Извечное движение земли —
Пространство, невесомость, притяжение.
Мерцанье звезд в космической дали
Мы чувствуем, как личное волненье.

Нам сладок воздух родины своей
Лесного, полевого ли настоя.
Но тихий свет космических огней
Приходит к нам и не дает покоя.

На Млечный Путь, задумавшись, глядим,
Все складывая: знания и преданья.
Каким же сердце быть должно большим,
Чтоб охватить бескрайность мирозданья!

Вошла на небо полная луна
Летают звезды. Не одни же птицы
Летать умеют. Ночь и тишина.
И миру нет ни края, ни границы.

Опять звезда по небу пронеслась,
Упала в нашу речку за горою.
Смотрю на мир - и все яснее связь
Меж мной, землей и той звездой ночью.

ЖЕРЕБЕНОК

Игривый жеребенок тонконогий
Опять, как наяву, передо мной.
Нам вместе бы обегать все дороги,
Чтоб только пыль клубилась над землей.

Он в этот мир пришел с весною вместе.
Не прошлую, а нынешней весной.
И ни минуты не стоит на месте,
Играет весь — такой он молодой.

На Ала-Тоо, что ни жеребенок —
Порода в нем с рождения видна.
И этот аргамак, копытцем звонок,
Все носится с утра и дотемна,

И, своего не зная назначения,
Резвится от дороги в стороне.
А по дороге топот, гул — кочевье
Пусть на джайлоо держит по весне.

ЖИЗНЬ ОЗЕРА

Стою, как зачарованный, когда
По дну ущелья катится вода
С высоких белогрудых исполинов,
Чтоб с Иссык-Кулем слиться навсегда...

Потом она долиной потечет,
Голубизны и солнца наберет —
Все это щедро озеру подарит,
И благодарно озеро блеснет.

Но вскоре затуманится волна —
Ей вспомнится, что горная она.

Заблещут солнцем белые вершины —
И зазвучит в ней грустная струна.

Та грусть омает рыбам плавники,
И соберутся стайки в косяки,
Чтобы уплыть по яростным стремнинам
К истокам Иссык-Куля, к тем вершинам,
Где озеро уходит в ручейки.

ХЛЕБ

Как тяжело налился
Каждый колос,
А каждый стебель
Выгнулся упруго
Под тяжестью желанной,
Как бамбук.
Колышет ветер поле золотое,
И ходят полем солнечные волны
Из края в край,
Во весь его простор.
И на току колхозном,
На кырмане,
Уже в разгаре
Самый главный праздник.
Мы говорим друг другу:
Хлеб идет!
Хороший хлеб.
Какие горы хлеба!
Зерно к зерну.
Не верится, что собран
Наш урожай
Из малых колосков.
Вы свежее зерно в горстях держали?
О, как оно легко течет меж пальцев!
Да, мой восторг

Не каждому понять.
И чтобы разделить мое волнение,
Чтоб ощутить всем сердцем
Этот праздник,
Хотя бы раз посеять нужно хлеб.
Усталые у нас сегодня лица,
Счастливые у нас сегодня лица —
Мы смотрим на творенье наших рук.
И вечером уже,
Сойдясь за чаем,
Мы как никто, конечно, понимаем
Что значит
Хлеб из нового зерна.

ПОЛИВАЛЬЩИК

Наверное, лучи ночной звезды
Ему шепнули,
Что пора на поле...
И прежде, чем затеплилась заря,
Он по-хозяйски осмотрел заслонки.
И зазвучали
Воды по арыкам,
И всколыхнулись
В поле клевера.
А он стоял и представлял себе,
Как влага по корням вольется в стебли,
Как превратится в сок его вода
И устремится вверх,
К поникшим листьям,
Расправит их,
Повыше приподнимет,
Чтоб солнце
Каждый видело листок.
Оно взошло и смотрит с высоты.
Вот ветерок
По бархатному полю

Провел своей невидимой рукой.
А жаворонок в небе
Не смолкает,
И сердце
Отзывается пичуге,
И на душе
Спокойно и легко.
Какое поле!
Не охватит взор.
День промелькнул привычно-
Весь в заботах.
И видела вечерняя заря,
Как, утирая пот рукой тяжелой,
Шел босиком
По клеверному полю
Усталый и спокойный человек.

В ТЕНИ ДЕРЕВЬЕВ

Слова неторопливо подбирая,
Покачивая плавно головами,
В саду старушки нашего аила
Беседу бесконечную прядут.

У них на белой скатерти лепешки,
Кумыс медовый в ярких пиалушках
И грозди винограда налитого,
Созревшего на доброй их земле.

С той стороны, где утром всходит солнце,
По саду тянет ветерком прогретым.
Под яблоней невестка-хлопотунья
Ведерный раздувает самовар.

Час предвечерний, тихий шелест листьев.
Спокойно можно в память погрузиться

И посмотреть на нынешнее время,
О материнском долге говоря.

Когда они кивают головами,
Позвякивают звонко украшенья
В их волосах, а кажется, что это
Их пряди серебристые звенят.

Припомнят всех: и тетушек ушедших,
Что им играли на темир-комузе,
И сыновей, что с фронта не вернулись,
И судьбы дочерей переберут.

О временах далеких повздыхают,
О тех, когда от голода казахи
Доили белоствольные березы
И не встречался сытый им киргиз.

О добрые, сердечные, старушки!
Как бережно хранят они легенды
Про Чыйырды, спасающую внука,
Про Олениху-Мать, про все, в чем люди
Историю народа сберегли.

Невестка разливает чай горячий,
Прислушиваясь к мирной их беседе,
Поглядывая, как они платочки
Подносят к заслезившимся глазам.

Еще ей видно, как неподалеку,
Увлечены игрою шаловливой,
Все носятся по саду ребятишки,
Тайком косясь на бабушек своих.

ДЕДУШКА И ВНУК

Живые глаза озаряют лицо старика,
Тяжел его шаг.
Но вершина вся залита светом.
И держит сухая,
Не знавшая лени, рука
Ручонку внучонка,
Спешащего в гору, за дедом.

Глазами,
Что зла и добра
Повидали сполна,
Дед смотрит светло,
Знать, душа на ветрах не остыла.
Он сух и сутул,
Но в нелегкой походке видна
Его стариковская
Несуетливая сила.

Мозолистой, темной,
Привыкшей к работе рукой
Он внуку укажет
И стойбища след, и кочевья,
Покажет родник,
Что журчит под арчей вековой,
И белый хребет,
И тропинку над краем ущелья.

Внук будет рассеянно
Мудрому деду внимать,
Цветы собирая,
Гоняясь за бабочкой пестрой.
Ему предстоит еще
Столько в жизни понять!
А это приходит не сразу
И все это очень не просто.

Глядят они ясно,
Живые глаза старика:
Тропинка знакома,
Вершина вся залита светом.
И нежно, заботливо
Держит сухая рука
Ручонку внучонка,
Спешащего резво за дедом.

НА ВЕРШИНЕ

С трудом взойдя на горную вершину,
Куда и молодой взойдет не сразу,
Где вечные снега
Да ветра свист,
Стоит старик,
Как снег седой старик.
Он выпрямился,
Он подставил ветру
Свои седины
И свои морщины.
И так многозначительно глядит,
Как будто бы свершается обряд.
Кто скажет что влечет нас на вершины
Даже тогда,
Когда уходят силы?
Что ищем мы на этой высоте,
Где только вечный снег
Да ветра свист?
Не вид ли этих
Бешеных потоков,
Которые бросаются на скалы
И с крепостью их спорят день и ночь,
Не собираясь камню уступить?..
А может, то,
Что с этой высоты

Вся жизнь долин видна, как на ладони?..
Вот облако коснулось старика.
Оно такое ж белое, как он.
А солнце золотистыми лучами
Лицо его и грудь его омыло.
Оно, конечно, знает
Почему,
С какой заботой
Он сюда пришел.
Когда у горца
Иссякают силы.
Не может он,
Чтоб не подняться в горы,
К вершинам тем,
С которых столько раз
Смотрел на мир джигитом молодым
И в этом сила воли,
Сила духа,
И в этом есть
Величье человека,
Седой старик, поднявшийся сюда,
Прямое доказательство тому.

МЕЛЬНИЦА

Где пыль дороги мягко стелется,
Под небом вечно молодым
Стоит заброшенная мельница
Людьми и временем самим.

Стоит как странница, пустынноца,
Одним лишь прошлым и жива.
А сколько лет она, кормилица,
Свои вращала жернова.

Лихой порою и счастливою,
Скрипя и хлюпая, жила
И всем такой необходимою,
Незаменимою была.

Из года в год путями торными
Зерно свозили люди к ней,
И под мешками неподъемными
Стонали спины лошадей.

Но время жесткое, суровое
Сорвало быта тормоза.
Вода свернула в русло новое
От мельничного колеса.

И увидала с грустью мельница,
Что к ней утрачен интерес,
Что больше не на что надеяться,
Когда вокруг такой прогресс.

Теперь со скоростью свистящею
Машины мимо хлеб везут
И, как арбу, в пути застрявшую,
Ее лишь пылью обдают —

Она ж глядит в незабываемый
То в сытый, то в голодный год,
Но даже мельник уважаемый
Ее проведать не идет.

Такой заброшенной, ветшающей
Она, как призрак, нам видна.
Но как в ней свеж неумирающий
Тот крепкий хлебный дух зерна!

ГОРОД

В сравнении с горами
Как ты молод!
Не знающий покоя и в ночи
Расти наш город,
Хорошей наш город,
По-своему сверкай и грохочи.
Нам по душе
Размах твоих дерзаний,
Нам по душе
Работы четкий ритм,
Возвышенность
Твоих прекрасных зданий,
Твоих фонтанов мрамор и гранит.
Вокруг тебя —
И пастбища, и поле,
В ручьях звенит студеная вода,
И тучные
Стоят на водопое
Колхозные отары и стада.
А сам ты весь —
Сплошные новостройки.
Дерзай, вздымайся,
Радостно твори!
Со всех сторон
Вливаются дороги
В ухоженные улицы твои.
Такое время,
Жизнь теперь такая:
Впадают в русло яростной реки
И горных родников
Вода живая,
И знания живые родники.
Ты только в землю уходи корнями,
Стремись душой в космический полет...
Нам городскими
Яркими огнями
Грядущее сигналы подает.

ОГНИ ГОРОДА

Симфония жизни
Звучит на планете Земля:
Вот голуби хлебные крошки клюют
На асфальте
А где нибудь в поле
Кричат воробьи без умолку,
А где нибудь в роще
Вовсю рассыпаются трели,
И в каждой пичужке
Особая скрипка поет.

Симфония жизни
Писалась века и века,
Прислушайся к ней —
В каждом звуке такие глубины...
И как осознать тут
Немыслимый путь к совершенству
Такого огромного,
непостижимого мира,
В котором ни с чем не сравнима
Планета Земля.

Огни городов —
Как земные созвездья в ночи.
Гудят космодромы,
Даются в грядущее старты.
А утром я вижу,
Как девочка с бантиком белым
Такие же белые,
Только живые-живые
Под нашим окном
Поливает из лейки цветы.

Она поливает —
И тоже исследует жизнь,

А вот седовласый ученый
Над атомом бьется,
И, может, стоит он уже
Перед самым открытием,
А вот инженеру
Машины с душой электронной
Мигают огнями,
Подобно ночным городам.

Порывистый ветер
Качает деревья Земли,
Приветствуя день.
Я вот-вот задохнусь от восторгас —
Симфония жизни!
Я слушаю малый отрывок,
Но он удивительный!
Слышите, как на асфальте
Спокойные голуби
Хлебные крошки клюют?

ПЕСНЬ

Вот сорвался с покатого склона горы
Буйный ветер.
Травы осени, поздние травы земли
Стелет низко.
Наклоняет вершины деревьев больших,
Крутит ветви.
Я замру, я прислушаюсь:
Песнь, словно весть, —
Громче, тише...
Видно, мир этот создан под знаком любви
Необъятной.
И любовь эта в сердце одно никогда
Не вместится,
Но частицу ее носит каждый из нас,
Носит каждый.

Потому и доступна мелодия нам —
Песня жизни.
Я ее различаю в журчанье воды
Родниковой.
Лес шумит — я в смятении слушаю вновь
Песни звуки.
Ах, волнение сердца- унять его
Не прикажешь.
Видно, в этом и кроется главная суть
Человека.
Плещут волны, вода пробивает скалу —
Песня жизни.
Расцветают цветы, расцветает любовь —
Песня жизни.
Мне мелодия эта слышна в ковылях
И березах.
Сердце милой моей и мое навсегда
Песней стали.
Время вихрем летит над планетой Земля,
Век тревожен. Как мне хочется верить,
что вечен родной
Голос жизни.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Я музыкаю ночи переполнен.
Так мелодично льется свет луны
Над горным лесом,
Над просторным полем,
Над миром синевы и тишины.

Таинственный и вечный —
Не минутный —
Струится он
Всей светлостью своей

На сонные кошары и на юрты,
Уснувших чабанов и стригалей,

Он обладает силою целебной,
Я пью его,
Мне так легко дышать.
И, кажется,
Уже во всей вселенной
Навек царят
Покой и благодать.

Под звездным небом,
Сочны и кудрявы,
Вобравшие в себя весь ясный день,
Спокойно созревающие травы
На лунный свет
Отбрасывают тень.

Так воздух чист,
Так мирно спит отара,
Течет река,
Глубоких тайн полна,
И голосом кудесника Аяра
Вот-вот заговорит ее волна.

В такую пору все вокруг прекрасно,
Хороших чувств
Ничто не омрачит.
И слышанная в детстве
Ясно-ясно
В моей душе мелодия звучит.

ЛЮБОВЬ

На зыбкой грани ночи и рассвета,
В высоком небе,
Над грядою горной,
Как продолжение солнечных лучей,
Стая лебединых ниточки возникли.

О, белый лебедь —
Эта чудо-птица!
Она омыта вешними ветрами,
Она летает из страны в страну,
И с ней всегда
Весна приходит к людям.

Чей мне привет несет сегодня стая
На грациозных белоснежных крыльях?
Как часто бьется сердце!
Как легко!
Не выдержав,
Бегу навстречу птицам.

МЕЛОДИЯ

Ведь мы друг другу слова не сказали,
Душа твоя мне так же не знакома,
Как тысячи и тысячи других.
Но именно твое лицо живое,
Весенней озаренное улыбкой,
Стоит перед глазами у меня.

О, эта радость жизни быть влюбленным!
И где истоки чувств, что плещут в сердце,
Как у запруды горная вода?
Я удивляюсь небу, солнцу, людям,

Как будто нынче вижу их впервые,
Как будто мир мной заново открыт.

Я прихожу в восторг от шума ветра,
От солнечных лучей на первых восходах.
Щебечут птицы, и ручей журчит.
Как он раскрашен, мир, и как озвучен!
Я понимаю, что живу, и в сердце
Чудесная мелодия звучит.

ВЗГЛЯД

Да разве можно выразить в словах
Какие чувства грудь переполняют,
Когда я вижу, как при лунном свете
В своем неброском платице домашнем
Спускаешься ты к речке говорливой
По тропке, что петляет в ковыле?

Без шороха шагов твоих, увы,
Не зазвучали б музыкою звуки,
Наполнившие тихий летний вечер.
Но это все опять слова, конечно...
Вот если ненароком обернешься —
Увидишь, как люблюсь я тобой.

ТАЙНА

Я за тобою издали тайком
С улыбкою счастливой наблюдаю.

В ложбине,
Где подснежники цветут,
Ты опустилась

В ярком круге платья,
Ладони и лицо
Подставив солнцу,
Зажмурившись
От света и тепла.

Как осторожно локоны твои
Весенний ветерок перебирает.
А ты, как будто звук поймав неожиданный,
В задумчивости голову склонила,
Прислушиваясь к чуткой тишине.

Ты бережно касаешься цветов
И ласковое что-то говоришь им,
Потом, поднявшись и тряхнув кудрями,
Идешь среди разлива ковылей.

Я за тобою издали опять
С улыбкою счастливой наблюдаю.
Тайком.
И никогда ты не узнаешь,
Как я тобой люблюсь,
Жизнь моя.

К ТЕБЕ

Мне кажется, что мы с тобою
Разделены большой горою.
Твой склон пологий, мой — крутой,
Но я дышу твоей любовью.

Мы светлых дней не замечаем,
Ведь снова порознь их встречаем:
Когда ты — в солнце, я — в тени,
И целый мир вокруг печален.
Но верю в радостную пору —

И сердце вырвется к простору,
И мы обнимемся с тобой.
Осталось лишь пройти сквозь гору.

ТВОИ ГЛАЗА

Твои глаза ответом не искрились,
И сердце жгло мне горестным огнем,
Хоть облака над головой клубились,
Но не опали ласковым дождем.

Хотел уйти я просто от страданий,
Вернуть рассудок трезвый и покой,
Но бурная волна воспоминаний
Захлестывала тут же с головой.

И до сих пор меня швыряют волны
И грусти, и надежды, и тоски.
И я смирился, не хватает воли.
А сердце бьется, кровь стучит в виски.

И верится, что праздник наш назначен
Самой судьбой.
Сомненья я отмел.
Так быть должно. Не может быть иначе.
Я это все в твоих глазах прочел.

МОЛОДОСТЬ

Что же сух, красавица, твой взгляд?
Ни любви ко мне в нем, ни участия.
Человек рождается для счастья —
Так у нас в народе говорят.

Слишком жизнь стремительно идет.
Мы уже на полпути с тобою.
Где же счастье, думаю я с болью,
Где тот главный жизни поворот?

Как тебя мне хочется обнять,
Отчужденье скинув оболочку.
Говорят, что счастье в одиночку
Невозможно в жизни отыскать.

Все хожу я с думой о тебе,
Мысленно глаза твои целую.
Не могу представить я другую
Женщину в крутой моей судьбе..

Ты цветы, красавица, цветы,
Но не отцвести, прошу, до срока..
Впереди у нас с тобой дорога,
По которой рядышком идти.

ЛУЧИ ТВОИХ ГЛАЗ

Сердце бьется часто-часто,
И рассвет встает в ночи —
Так глаза твои лучатся,
Так всеильны их лучи.

Мне теперь унынье чуждо.
Свет волшебный, свет живой,
Как возвышенное чувство,
Вносит в сердце образ твой.

Взгляд счастливо-удивленный..
И пока он не померк —
Я влюбленный, ослепленный,
Окрыленный человек.

ГЛАЗА

Говоря заветные слова,
Мне в твои глаза не наглядеться.
Посмотрю — кружится голова,
И уже не успокоить сердца.

От твоей сердечной красоты
На меня загадочностью веет.
Если нет другой такой, как ты,
Как же сердце тут не оробеет?

Пусть судьба меж нами, как река,
Что гудит, волнуется, сверкает
И, разъединяя берега,
В то же время их соединяет.

А в глазах бездонна глубина,
Каждый взгляд — загадка, каждый — тайна.
Как теперь мне ясно, что она,
Наша встреча, в жизни не случайна.

ЛЮБИМАЯ

Едва губами губ твоих коснусь,
И станет ясно: сколько б жизнь ни длилась,
А вдоволь мне никак не надышаться,
Не наглядеться вдоволь на тебя.

Любимая, ты этих чувств полна?
От этих же не спишь ночами мыслей?
Ты улыбнись. Улыбка — это главный
Земной источник света и тепла.

Любимая, не стань его — и ночь
На сердце ляжет тяжестью холодной.

Ты улыбнись. Смотри, все звезды вышли
И ждут, что ты ответишь мне сейчас...

СЧАСТЬЕ

Лежу счастливый в клевере зеленом,
Счастливый тем,
Что на душе покойно,
Что щурятся глаза мои от солнца,
Что голову
Под этим мирным небом
Я на твои колени положил.

Я счастлив тем,
Что ты так ясно смотришь
Задумчивыми,
Добрыми глазами
На этот необъятный мир.
В котором
Не часто выпадает человеку
Родной земли послушать тишину.

Я трону распутившиеся косы,
Упавшие на грудь мою,
На клевер,
Я посмотрю в лицо твое с любовью,
И сладко-сладко вдруг занает сердце;
Твои глаза —
Как мамины глаза.

Я маму помню ласковой,
Я помню:
Шершавыми ладонями своими
Она умела мягко так погладить
И нежно целовала,

Почему-то
Всегда сначала в лоб, потом в глаза.

Ах, мама, мама!
Той весною буйной,
Когда, казалось,
Места нет печалям,
Ушла она тропинкой, по которой
Назад не возвращаются.
Ах, мама!
Ее могилка вся сейчас в цветах.

И я к тебе протягиваю руки.
Беру твое лицо
В свои ладони,
Широкие и жесткие ладони.
Сначала в лоб,
Потом в глаза целую
И улыбаюсь прелести твоей.

Цветет земля,
Сияет солнце в небе.
И ты мне тихо-тихо напеваешь
Мелодию,
Которой научилась,
Наверное, еще когда-то в детстве,
Еще у мамы ласковой своей.

ТЕНЬ РАЗЛУКИ

Любовь моя,
Весенний мой цветок,
Когда лежит меж нами
Тень разлуки,
Нет ничего дороже и прекрасней,
Нет ничего милее и желанней

Тех весточек,
Что посылаешь мне.

Я жду,
Я предугадываю их.
Порою ясно слышится твой голос,
На голоса другие не похожий,
Он светлые слова твои
Приносит,
И смысл тех слов
Понятен только нам...

Мне кажется,
Ты чувствуешь вдали,
Как я устал,
Как я измучен грустью,
И полными любви глядишь глазами,
И чуткими руками обнимаешь,
И тихо шепчешь
Нежные слова.

И счастлив я,
Что можешь ты ко мне
Прийти,
Пускай в мечтах и на минутку, —
Тогда и жизнь,
Что сдержанна и властна,
Вдруг открывает мне свои объятия,
Чтоб отдохнул и вновь набрался сил.

Любовь моя,
Далекая моя!
За время этой тягостной разлуки
У нас весна уже прогрела почву,
И корни из земли уже по стеблям,
По новым стеблям
Гонят жизни сок.

Опять
Навстречу солнечным лучам
Тропинки наши убегают в горы.
Вдоль них твои любимые цветы
Все распустились
И росой сверкают,
И грузные вокруг жужжат шмели.

Цветы,
Цветы в бескрайнем море трав.
И мне недостает тебя сегодня,
Как никогда.
И вновь я обращаюсь
Всем сердцем к тем далеким нашим дням,
Счастливым дням —
Залогу нашей встречи.

АВГУСТОВСКАЯ НОЧЬ

Я вижу ясно,
Как земля и небо
Просторней стали,
Беспредельней стали.
Буквально ощущаю я,
Насколько
Раздвинулись границы мироздания.
И что ж тут удивительного,
Если
Все происходит августовской ночью?

Какие звезды крупные мерцают!
А полная луна так ярко светит,
Что спелая,
Готовая к покосу
Трава под серебром лучей
Склонилась,
И, где на ней поднимет ветер волны, —
Там возникают лунные дорожки.

Как ясно этой ночью различимы
Звучащие одновременно
Звуки:
Вот на болоте квакают лягушки,
Вот конь траву за юртой мерно щиплет,
А вот издалека
Доносит ветер
Высокий голос
Девушки поющей.

Мне кажется знакомым этот голос.
Нет-нет,
Тебя нигде здесь быть не может,
И все-таки
С какой хорошей грустью
Ловлю я звуки
Этой дальней песни,
Как ясно ты стоишь перед глазами
Волшебной этой
Августовской ночью.

ДОЖДЬ

Как монотонно, вяло сеет дождь.
Не приутихнет он и не припустит.
Как грустно видеть дождь
Таким безвольным.
Он угнетает.
Я сейчас подумал
О том,
Что для прекрасного порыва
Другая сердцу музыка нужна.

Я представляю, как она звучит.
Я слышу эту музыку.
Я помню,
Как встрепенулись все цветы в долине,
Как распустилась каждая былинка.

Как все играло,
Пело и светилось,
И сердце вырывалось из груди.

Шел солнечный,
Слепой, веселый дождь.
Мы радостно смеялись,
Подставляя
Упругим каплям лица и ладони,
И видел я,
Как падали дождевики
В распущенные волосы твои.

И, глядя на тебя, я вспомнил вдруг
Чуть слышный
Давний-давний шелест крыльев,
Не монотонный шелест,
А призывный,
Загадочный
И все-таки понятный —
В рассветном, без единой тучки, небе
Летела стая белых лебедей.

ПРОСЬБА

Те два ручья,
Что с разных гор сбежали
И потекли одной рекой в долине,
Пожалуйста,
Не разделяйте, люди,
Опять на одиноких два ручья.

Пожалуйста,
Прошу, не разорайте
Того гнезда,
Что строили с любовью

Две ласковые, солнечные птицы,
Из дальних стран вернувшиеся к нам.

Я умоляю вас,
Я заклиная,
Когда придется встретить вам
Влюбленных,
Что протянули радостные руки
Друг другу,
Будьте бережными к ним.

Не поскупитесь, люди,
На участие,
Не посчитайте тягостью заботу
О юноше восторженном
И робкой,
Прекрасно робкой
Девушке его.

Пожалуйста,
Всем сердцем постарайтесь,
Чтоб их любовь
Не потеряла крыльев,
Чтоб думам их
Не стало одиноко
В таком великом обществе людей.

Тогда они
Дитя подарят миру
И вместе поведут его по жизни,
И никогда не будут безразличны
К судьбе
Соединившихся сердец.

ВОСПОМИНАНИЕ

Был полдень.
Солнце.
Горы выше неба.
Была такая ранняя весна.
И мне казалось,
Я встречаю первым
С чужбины прилетевших лебедей.

Я замирал,
До слез на солнце шурясь.
Я восхищался плавной красотой
Твоих прекрасных
Белоснежных крыльев,
Я сразу в стаях тех
Тебя узнал.

И словно первый луч,
Предвестник солнца,
И словно свет
Ночной Чолпон-звезды,
Осталась ты в моих глазах навеки,
И до сих пор
Сквозь сон я часто слышу
Шум крыльев —
Снова лебеди летят.

КРАСОТА

О как прекрасна будущая мать!
Под сердцем у нее
Надежда дремлет,
В глазах сияют нежность и любовь.
Она не спит,
Она глядит на звезды.

Как на далеких маленьких детей.
Она тугую косу расплела,
Она душой и телом отдыхает
И чутко-чутко слушает,
Как в ней
Ребенок шевелится.
Да, святая,
Она святая —
Будущая мать.

ПОЖЕЛАНИЕ

Солнечной капелью напоенная,
Кружится прозрачная весна.
Светом материнства озаренная
Женщина мечтает у окна.

Снова сад живыми машет ветками,
Почки дышат влагой и теплом.
Женщина глядит глазами светлыми,
Думая о первенце своем.

К ней слова приходят только нежные,
Радостно ей думать и легко:
“Как они похожи, эти вешние
Почки, на сыночка моего”.

Это ею, матерью, подмечено,
Что в залившей мир голубизне
Как-то, по-младенчески доверчиво,
Каждый кустик тянется к весне.

Сын проснулся — глазки, как проталинки,
Щурятся на яркие лучи.

Покричи, родной мой, покричи!

Пеленает бережно, старательно.
Все слова и мысли, все — о нем:
“Вот как мы кричим самостоятельно.
Вот мы как на солнышке растем.

Нежный мой, моя родная звездочка,
На кого похожим станешь ты?
Может быть, моя проглянет черточка,
Может быть, отцовские черты...

Я тебе пути желаю долгого.
Я молюсь, чтоб, солнцем озарен,
Был здоров ты, жил для дела доброго
И удачей не был обделен”.

ВЕСТНИК РАДОСТИ

Возьми, джигит, покрепче скакуна
И весть неси во все края и дали,
Чтоб к другу и к врагу дошла она,
Чтоб эту весть повсюду услышали.

И день и ночь без отдыха скачи
В селенье, не успев испить кумыса.
Скажи, что на кочевье... нет, скажи ...
Торжественной: — Манаса род продлился!

О, радость жизни, счет ее лучей
Нас озаряет, в душу проникая.
Так радует нас маленький ручей,
Из ледников огромных вытекая.

А этот птиц стремительный полет,
А эта нива в пору колошенья... —
Все радуется, что движется, цветет,
Поет и к солнцу тянется с рожденья.

Летит джигит, он отдохнет потом,
Весть добрая — как тучные колосья.
Его киргизы вводят в каждый дом,
Как вводят лишь почетнейшего гостя.

Прекрасная традиция отцов —
Делить на всех и радость, и невзгоду,
И посылать стремительных гонцов
Во все аилы, ко всему народу.

Садись, садись, джигит, на скакуна,
Ослабь поводья, пусть несется ветром.
Повсюду наша весть пройти должна,
На всей земле должны узнать об этом.

Меняй в аилах чаще скакунов,
Весть передавай, не мешкай на пороге,
Да не забудь узнать у стариков
Про все четыре стороны дороги.

ЗЕМЛЯ

Ребенок родился.
Какой с этим праздник сравнится?
Поставив, как встарь,
Изголовьем к горам колыбель,
Пошли своей радостью
Люди с людьми поделиться,
Осталась открытою
Дома счастливого дверь.

А где-то навеки
Глаза человека закрылись,
И в саване белом
Опущен он в вечный покой,
Но с горькой утратою
Люди еще не смирились —
Стоят отрешенно
Над свежей могильной землей.

Мы дети планеты,
Что в космосе черном несется,
Бушуя морями
И свежей листвою звеня.
Родное дитя
Ослепительно яркого солнца,
С востока идущего,
Как из вчерашнего дня.

Рождение ребенка.
Какой с этим праздник сравнится?
Поставив, как встарь,
Изголовьем к горам колыбель,
Пошли своей радостью
Люди с людьми поделиться,
Осталась открытою
Дома счастливого дверь.

МАТЕРИНСТВО

Ночь тиха.
Молодая луна над аилом.
И при свете ее поливает отец
Огородные грядки.
Вот звякнули ведра —
Вода зажурчала.
Как ясно все слышно.

Как спокойно вокруг,
Что же, мать молодая,
Ты не можешь уснуть?
Ты, поднявшись с постели,
К колыбельке подходишь,
Берешь дорогое дитя
И даешь ему грудь.
Как он чмокает сладко во сне!
Как нужны вы друг другу!..

Окно распахнула пошире
И стоишь, озаренная
Летней луной молодой
И своей безграничной
Святой материнской любовью.

ПЕРВЫЙ ШАГ

Едва в себя от радости придя,
С любовью глажу сына по головке.
Благословен будь первый шаг, дитя, —
Порыв к далекой собственной дороге!

Шагнул сынок, и я подумал так,
Скрывая всем понятное волненье:
Какое это чудо — первый шаг,
По-детски неумелое стремление.

Оно — рубеж, где рядом даль и близь,
Где все потоки встреч и расставаний.
Еще шажок..
Держись, малыш, держись.
Твой шаг так мал, а путь—

он дальний-дальний,

Шагнул мой сын, он слышит жизни зов.
Шагай, сынок, не бойся оступиться...
Мы все идем дорогами отцов,
Чтобы неповторимо повториться.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Выпал снег.
И этот снег
Самый первый, самый белый.
Вот малыш на нем оставил
Первые свои следы.
Он упрямо тащит санки,
Умиляя маму с папой,
Что, любуясь и волнуясь,
Начеку стоят за ним.
А за мамой с папой — дом.
А за домом — поле, поле,
А за полем — горы, горы,
Вечно белые вершины,
А над ними — небо, небо.
И они соединяют
Эту землю
С этим небом.

ОБРАЩЕНИЕ К СЫНУ

Когда ты был еще совсем малыш,
Я поднял на руках тебя повыше,
Чтоб ты увидел горные вершины
И вставшее величественно солнце,
Зубчатый лес,
Дорогу к Иссык-Кулю,
И на родном
Киргизском языке

Сказал:
- Ты видишь Родину,
Мой сын.

Потом была зима.
А по весне,
Когда, счастливый,
Бегал ты по лугу,
Держа в руке
Цветочек безымянный,
И от росы
Был до коленей мокрый,
Я от раздолья
Просто задыхался,
Я показал тебе на этот луг
И произнес вполголоса:
- Земля.

А помнишь,
Как, склонившись над ключом,
Над самою прозрачною водою,
Ты, робко зачерпнув ее ладошкой,
Внимательно
Прислушался к журчанью?
Все это
Было новое открытие.
Я тихо подошел тогда, сыночек,
И слово подарил тебе:
- Родник.

Но главный был подарок
Впереди.
И вот однажды я пришел пораньше,
Уверенный,
Что в доме будет праздник,
Что навсегда
Мы этот день запомним.

Из рук моих ты принял
Чудо-книгу
И по слогам
Чуть слышно прочитал:
— Родная речь.

ИГРУШКИ

Игрушек я тебе не покупаю,
Моя родная девочка.
А эту
Твою большую куклу,
У которой
Длиннющие-длиннющие ресницы
И синие-пресиние глаза,
Которой ты рассказываешь сказки
И тихо колыбельную поешь,
Назвать игрушкой
Просто невозможно.

Давай с тобой
Вокруг посмотрим вместе.
Ну где ты видишь в городе игрушки?
Вот почки набухают на деревьях,
Вот лужицы воды на тротуарах,
Вот кошка полосатая бежит.
И даже эта старая коляска,
В которой
Целый день песок ты возишь,
Обидится, конечно, если вдруг
С тобой мы назовем ее
Игрушкой.

Моя родная девочка,
Я знаю,
Что каждый день

Ты что-то открываешь,
Ты что-то узнаешь
О нашем мире,
Огромном и тревожном
Этом мире,
А в нем все настоящее,
Поверь.
И нет людей несчастнее на свете,
Которые
Хотя бы в жизни раз
Об этом ненароком позабыли.

ГОРНАЯ РЕКА

Когда летают звезды в темном небе
И не смолкает грозный шум в горах,
Мать объясняет маленькому сыну:
- Не бойся, это горная вода,
Бушующая, разбиваясь о камень,
Бежит ущельем нашим в Иссык-Куль.

Пройдут года, тот мальчик возмужает,
И, вспоминая с тихой грустью мать,
И постоянно слыша шум потока,
Он будет размышлять, что жизнь течет,
Как горная река, кипя и пенясь,
Свой бег не замедляя ни на миг.

Целебный воздух родины вдыхая,
Он столько раз почувствует, джигит,
Как черные глаза его и сердце,
Подобно омываемым камням,
Противятся бесчисленным потокам,
Несущимся с больших и малых гор.

По вечерам он часто будет думать,
Прислушиваясь к шуму бурных вод,

Она продолжит путь свой в бесконечность,
Как будто не случилось ничего.
Все те же будут яростные волны
И те же великаны валуны,
И по ночам в аиле будет слышно,
Как много грусти в рокоте реки.

Когда б душа
 Киргизии моей
 Не знала
 векового страдания
 И столько б горьких слез
 не пролилось,
 И мой народ,
 и мой родной язык
 Не ведали б
 угрозы вымиранья... —
 Когда б все это
 не было судьбой,
 Наверно, б я
 не чувствовал так остро,
 Что ничего священной
 в жизни нет,
 Чем единенье братское
 народов.
 Как это все и просто
 и не просто!

Что может быть
прекрасней этих уз?
Что может быть,
скажите, совершенней
Протянутых
навстречу другу рук?
Нет,
это обретенье человека
Превыше всех
научных достижений.
Народов единение...
Ничто
С его величием
в жизни не сравнится.
Нет ничего
священней на земле
Братания
людей разноплеменных.
За дружбу жизнь
всегда воздаст сторицей.
— Рахмат! Рахмат! —
я говорю Москве.
По-русски, в пояс
кланяюсь России
За то, что столько
братьев у меня —
Татар,
грузин,
эстонцев,
украинцев,
А над родным аилом
столько сини!
Я песню Дружбы слушаю.
Она,
Раскинув крылья,
реет над страною,
И музыки прекрасней
в мире нет,

И в ней душа
 Киргизии любимой
Давно звучит
 серебряной струною.
Мой Киргизстан,
 отныне никогда
Пусть солнце Дружбы
 над тобой не меркнет
Тогда
 недобрым ветром ак-калпак
Не сдует
 с головы твоей высокой
И хмурый день
 в унынье не повергнет,
И взгляд твой
 будет ясен и лучист,
В лугах твоих
 не поредеют травы,
Еще прозрачней
 станет Иссык-Куль...
И скакуны твои
 по всем аренам
Пройдут
 во славу доблестной державы.
Киргизия!
 Восславь своих друзей
От запада страны
 и до востока!
Народы
 и народности восславь!
Себя восславь за то,
 что на земле
Твоя душа
 теперь не одинока.
Киргизия,
 плоды твоих трудов,
Души твоей
 несметные богатства

В ладонях протяни
 своим друзьям —
Казахам,
 молдаванам,
 латышам —
Всем,
 кто восходит
 на вершину братства!

МОЙ НАРОД

Кто поглядит внимательно. — поймет:
Народ мой — замечательный народ.
Пешком идет ли, скачет на коне,
Киргиз достойно выглядит вполне.

Народ мой щедр, и гость лишь появивсь —
Найдется и барашек, и кумыс.
А смысл глубокий вкладывает в слог,
Иначе бы Манас создать не смог.

Так вышло, что с рождения всю жизнь
Он видел горы, труженик-киргиз.
Пусть темен был, пусть грамоты не знал,
Но книгу жизни вдумчиво читал.

Киргиз поверит на слово и сам,
Не станет напускать тумана вам.
Но будешь с ним в общении двулик —
И разорвет он дружбу в тот же миг.

Киргизы любят быть среди людей
И родственников множить и друзей.
И вскачь нестись туда, где весь народ,
Где схватка козлодрания идет.

Порой они беспечны и с ленцой...
Чего уж там, бывает грех такой.
Хотя не самый тягостный порок,
Но тоже перемелем, дайте срок.

Издrevле, словно к полю колоски,
К самой природе были мы близки.
И от травы, деревьев, ветра, скал
Нас только войлок юрты отделял.

Напевы вьюг, роптания дождей
Всегда понятны были для людей.
И в тех, кто приручить умел орла,
Ведь не одна усидчивость была.

Мы ценим аксакалов-стариков —
Такой закон, обычай наш таков.
И если вдруг случается беда,
Еще родней становимся тогда.

Я сын киргизской матери. И мне
Как строгим быть к родимой стороне?
Вот у гостей всегда острее взгляд —
Пусть гости тут меня и уточнят.

ДОЛОН

Тут звонче эхо, ближе облака,
Тут жизнь течет, как сильная река.
Пройди все перевалы Ала-Тоо,
Подобных не сыскать наверняка.

Долон, Долон! Я в трепет прихожу,
Когда вокруг с высот твоих гляжу.

Готов, как сын, припасть к седому камню,
И от волненья слов не нахожу.

И солнце и простор со всех сторон,
Тот склон полог, а тот обрывист склон.
Здесь, как орлы, гнездились наши предки,
Ты — колыбель Киргизии, Долон.

Седая древность смотрит на меня,
Здесь каждый кустик, камешек — родня.
Здесь облака зовут меня в дорогу,
Мол, что стоишь? Скорей седлай коня!

Нет-нет, я ничего не переврал.
Блестит асфальтом древний перевал,
И сто опор высоковольтных линий,
Как палочки, стоят на спинках скал.

Уходят грузы в город и в село,
Ревут моторы яростно и зло.
На перевал взошедшие машины
Дыханье переводят тяжело.

Долон, Долон! Мне трудно уходить
Отсюда, где связующая нить
С родной землей проходит сквозь столетья,
Но жизни ход нельзя остановить.

Светла дорога через перевал,
Идущие по ней — и стар, и мал —
Да будут вечно в здравии и силе!
Им сам Долон удачи пожелал.

ОГОНЬ

Свирепый огонь
бушевал одурело,
Был страшен
беды неминуемой размах.
Созревшее хлебное поле
горело,
Дымясь и чернея
у всех на глазах.
Шло пламя лавинами,
с треском и гулом,
Гонимое ветром
взмывало, крутясь,
И полдень стал вечером
в дыме угрюмом,
И солнце померкло,
в луну превратясь.
Чернели пространства пожара
безбрежны,
Я в жизни не видел
стихии лютей.
Горел урожай,
и горели надежды
Причастных к созревшему хлебу
людей.
За что не схватись тут —
ни толку,
ни проку.
Вот если бы ливень
да, как из ведра...
И все-таки, вон,
полевую дорогу —
Смотрите —
пошли расширять трактора.
На риске пошли,
как на яростный вызов!

Любые расчеты в стихии —

пусты.

Вон, в дыме

не видно уже трактористов...

Но падает пламя

у этой черты..

Кто видел пылающим

хлебное поле,

Кто видел трагедий подобных

размах,

Тот знает,

как сердце сжимает от боли,

И помнит,

как близок панический страх.

Тот чувствовал

ужаса прикосновенья —

Большая беда

есть большая беда.

Но кто-то

выходит из оцепененья —

И правое дело

за ними всегда.

ДЕРЕВО

Никто уже не скажет сколько лет

В тени твоей, смеясь, играют дети

И аксакалы чинно отдыхают,

И в тучной кроне каждую весну

Кричат птенцы, настраивая голос.

Морщинистый твой ствол не обхватить

И всех твоих легенд не переслушать.

И если ты когда-нибудь исчезнешь,

Нас долго-долго будет угнетать

Пустое и нелепое пространство.

Задумчиво стоишь ты на земле.
От времени уже белеют ветви
А вот под ветром все-таки не гнешься.
И только кроной тучною шумишь,
А значит, и глубок и крепок корень.

Какие над тобой прошли века?
Что помнится, а что давно забыто?
Когда за горизонт уходит солнце,
О чем ты так задумчиво молчишь,
О ком ты так, печальное, вздыхаешь?

Как жаль, что думы тайные твои
Я ни теперь, ни позже не узнаю,
Как не узнаю имя человека,
Который тонким прутиком тебя
С любовью посадил в родную землю.

ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ

День твоего рожденья — самый твой.
Великий день. Смотри, как беспокойно
Играет море-жизнь перед тобой.
Сумеешь ли пройти его достойно?

И добрых много в мире сил, и злых.
Увидев, как лучится солнце ясно,
Лети! Но силу крыльев молодых
И в небе не растрчивай напрасно.

Манит тебя грядущее, влечет.
И, предрекая взлеты и паденья,
Сама судьба уже ведет отсчет
Прекрасных дел от твоего рожденья.

МЛАДШИМ

Пришла пора —
И в город из села,
Из моего родимого аила,
Как стайка птиц весенних,
Прилетела,
Опробывая крылья,
Молодежь.
О молодость!
Работа и учеба —
Два неизменных спутника твои.
И, слава богу,
Вроде без проблем.
Кто рвался к знаниям,
Те, глядишь, в студентах.
А у кого в руках
Был зуд безмерный,
Те, как-никак,
Уже рабочий класс.
И все-таки проблема
Тут, как тут.
Среди ребят
Из нашего аила,
Нет-нет,
Да и найдется непутевый,
Который махом
Душу омрачит.
Вот юный,
А какое в нем большое
Желанье эту жизнь пережить!
Он книгу раскрывал
Последний раз,
Наверное, еще в аиле,
В школе.
А тут уже полгода
Бьет баклуши —
И совесть преспокойна у него.

Все просит он:
— Устройте на учебу,
Не чувствуя,
Как жалок и смешон.
Я думаю:
Откуда эта прыть?
Откуда в нем,
Еще юнце безусом,
Такое откровенное стремленье
Пойти по жизни
Худшей из дорог?
Вы вслушайтесь:
“Устройте на учебу...”
До бешенства
Доводит эта чушь!
Любой народ, —
И малый, и большой —
С волнением, тревогой
И надеждой
Глядит на молодое поколение —
Живое продолжение свое.
И если юным
К свету не тянуться,
Как расцветет он,
Жизни нашей сад?
“Киргизы
Были темными всегда.
Забитыми.
На грани вымиранья
Стояли их неграмотные деды
И прадеды.
Отсталый был народ...”
Тебе не горько,
Что такие камни
Порою в нашу сторону
Летят?!

Забудь, глупец,

О том, что ты сказал.
Забудь, что в жизни
Есть пути кривые.
Пусть горечь за отсталость
Наших предков
В тебе прорвется
Солнечным лучом.
С надеждою смотрю на вас,
Братишки.
С волнением брата старшего
Смотрю.

ЗАПОМНИ!

Жизнь долгая, круты ее круги,
Порой подъемы впрямь-таки отвесны.
Пустившись в путь, ты силы береги.
И разом не выплескивай все песни.

Родник зеркальный встретив на пути, —
Смотрись в него, омой лицо водою.
И только чистоты не замути,
Как истинное счастье суетою.

И ждать умей, и думать, и терпеть.
Побудь мальцом и юношей горячим.
Тот, кто стремится сразу повзрослеть,
Тот и не станет взрослым настоящим.

— Свет истины, — сказал один старик, —
В любом ребенке выявить нетрудно.
Однако только тот из нас велик,
Кто этот дар не тратит безрассудно.

И, выйдя за родительский порог,
Ты на пути и торном, и неторном

Не будь похож на пламенный цветок,
Увядший нераскрывшимся бутонем.

РАЗГОВОР СО СЛЕПЫМ

Сказали мне, что он давно ослеп,
А видит лучше многих-многих зрячих... —
Да, дорогой,
На самом деле так:
Мои глаза бессильны,
Только, к счастью,
У человека внутреннее зрение
Куда сильней,
Чем этот внешний взгляд.
Ты понимаешь мысль мою, сынок?
Я вижу мир душой,
И потому
Ловлю его глубинные оттенки.
А человек без внутреннего зренья
Все взглядом по поверхности скользит.
А многое ль увидишь так, сынок?
Закрой глаза,
Прислушайся к душе —
И сам увидишь,
Как под этим зреньем
Все мелочное тут же пропадает —
И остается главное в тебе.
И сам ты в удивление — видно как!
Закрыв глаза?
Ищи себя в себе,
Как ищут света луч
Во мраке ночи.
Как ищут жизни звук
В безмолвье смерти.
Вселенная души..
Ей края нет.

Теперь понятна мысль моя, сынок?
В огромной жизни
Каждый человек
Обязан видеть то, что окружает
Его,
И то, чем сам он переполнен.
Вглядись в себя,
Нет зависти в душе?
Воистину ли духом ты здоров?
Пусть совесть
Станет зеркалом тебе.
Глядись, сынок,
Глядись в нее почаще.
И помни:
Кто не алчен, не завистлив,
Кто думает не только о себе,
Тот никогда не будет в жизни слеп.
Прекрасно,
Если смотрит человек
На мир своими светлыми глазами.
И все же помни:
Чуткою душой
Гораздо лучше
Можно видеть жизнь.
Ты понимаешь мысль мою, сынок?..

СВОБОДНАЯ БЕСЕДА

Со временем, возможно, так и будет:
Премудрости профессий постигая
И видя бесконечность совершенства,
Сам человек откажется от мысли
Преуспевать во многих областях.

Один портной сказал мне: — Я умею
Так ловко продевать в иголку нитку,

Как тот Мамыт, герой преданий древних.
И видишь сам, какое уваженье
Заслуживаю этим у сельчан.

— Да, верно,— головой кивал сапожник, —
Ты чувствуешь, как люди мной довольны?
Когда сапог натянут на колодку,
Никто ловчей меня во всей округе
В его подошву гвозди не вобьет.

И медсестра, совсем еще девчушка,
Одергивая беленький халатик,
Сказала мне:— А я уколы детям
Так делаю в их розовые попки,
Как будто шприц мой вовсе без иглы.

И, опершись на старую лопату,
У края свежеврытой могилы
Так рассуждал старик седоголовый:
Ведь кто-то должен в жизни делать это,
Не зря же благодарны люди мне.

Потом все вместе долго рассуждали
О времени, о жизни, о талантах.
И приходили к выводу, что лучше
Быть мастером в одном конкретном деле,
Чем делать все, но делать кое-как.

Я слушал их свободную беседу —
Сапожника, могильщика, портного
Да медсестры молоденькой — и думал:
“Со временем, возможно, так и будет...”
Другие мнения есть на этот счет?

УМЕЙ СЛУШАТЬ

Насколько многотрудна
Эта жизнь...
Казалось бы,
Чего уж проще — слышать!
А ведь и тут,
Как ухом ни верти,
Проблема на проблеме возникает.
В иное ухо
Слово, не войди,
Уже обратно
Пулей вылетает.
А человек страдает и никак
Понять причин страдания
Не может.
А этот слышит верно,
Да хитрит.
Бывает,
Лишь словцо переиначит —
И смысл исчез.
Ищи его теперь...
А укорен в бессмыслице
Сказавший:
У подхалима ухо
Как радар —
Тончайшие оттенки слов
Уловит.
И то, чем сможет
Выгоду извлечь,
Усилит сразу
До раскатов грома.
А это ухо,
Как ни прочищай, —
Напрасный труд.
Его заткнуть бы нужно.
Из десяти
Услышанных им слов
Слов девять
Станут явною неправдой.
И тут же исказится
Каждый звук.
Оно грязней Авгиевых конюшен.
В нем радость

Превратится в крик беды,
А правда
Гнусной ложью обернется...
Послушай мир,
Простершийся вокруг.
Он голосист,
В нем тысячи мелодий!
И, кажется, вселенная сама
Играет вдохновенно
На органе.
Каким же чутким
Нужно в жизни быть
И обладать каким уменьем
Слушать,
Чтоб доходила к сердцу
Всякий раз
Неискаженной
Музыка вселенной.

НЕ УСЕРДСТВУЙ!

Да,
Встреться ты мне десять лет назад,
а не теперь —
все было б по-другому.
И вряд ли
перед сладкими речами твоими
я сумел бы устоять.
Я б искренне доверился тебе.
И не пришло б мне в голову
подумать
о том,
что я давно уже попался
на тайный лицемерия крючок.
Так ласково глядят твои глаза,
и сыплешь мне такие комплименты,
что впору
голове моей вскружиться.

Однако
ты, приятель, опоздал —
Уже встречался мне
подобный взгляд.
И до сих пор я ощущаю горечь
от сладких слов,
которым доверялся
когда-то по наивности своей.
А потому
елей не разливай.
Умерь свой пыл,
напрасно не усердствуй.
Слова твои с поступками твоими
не совпадут,
хоть вон из кожи лезь.
И, если
бросим слово на весы,
оно, конечно,
вниз потянет чашу.
Но дело, что его уравновесит,
ты где возьмешь,
лукавый человек?

В АРЧАЛУУ

Я вырвался из города. Я скрылся
От сладких и мучительных оков,
От жалкого подobia кумыса,
Кино, пирожных, музыки, звонков.

Измученный проблемой этой вечной
Не дергаюсь теперь, не суечусь.
Живу в ущелье рядом с горной речкой
И под открытым небом спать ложусь.

“Вставай, вставай!” — мне утром шепчет ветер
И сто мелодий в сердце мне несет.

Я чувствую, как сладко жить на свете,
И времени спокойный слышу ход.

Я вижу, как скользящий лучик солнца
Горит, преображая все кругом,
Кричат птенцы, вода певуче льется,
И сердцу ясно — вот он милый дом.

Здесь нет часов, предел положен числам,
Событья не летят на вираже.
Здесь светлый день приносит трезвость мыслям,
А ночь — успокоение душе.

Здесь, в Арчалуу, лето ли, зима ли —
Тоски ты не узнаешь никогда.
Здесь ель растет и, озаряя дали,
Над ней восходит ясная звезда.

ПТИЦА

В лесу, который знаю наизусть,
Никак шальная птица не уймется.
Такая в ней кричит тоска и грусть,
Что слушаешь — на части сердце рвется.

С чего она так горестно поет,
Какую боль души своей выводит?
Что, вольной ей, покоя не дает,
Какой отрады ищет — не находит?

В своей лесной, таинственной тиши
Какой такой кручиной эта птица,
Чтоб хоть немного тяжесть снять с души,
Решила с целым миром поделиться?

Откуда столько в голосе тоски,
Унынья, безысходности, печали?
Быть может, от безжалостной тоски
Ее птенцы сегодня пострадали?

А может, одиночество гнетет?
А может, тени прошлого тревожат?
Ведь что-то ей уняться не дает,
Ведь что-то эту душу птичью гложет...

Я чувствую в груди неясный гнет,
Когда вот так, без усталости, без страха,
Как будто что-то зная наперед,
Кричит в лесу, не унимаясь, птаха.

И горько стало сердцу моему
В ее березах, елях и осинах
Не от того, что смысла не пойму,
А от того, что ей помочь не в силах.

И все-таки в тот час в лесной глуши,
Темнеющей, как древнее преданье,
Созвучны оказались две души:
Страданье находило состраданье.

РЕКА

Несется с гор кипучая река,
Как два крыла, раскинув берега
И наполняя воздух звучным эхом,
Проходит сквозь ущелья и века.

Куда безумно так устремлена
Ее непобедимая волна,
Готовая разбить и скалы в брызги,
Свой буйный нор выразив сполна?

Клокочет, задыхается, ревет
И тишину вокруг на клочья рвет.
Там — двигает теснящиеся глыбы,
Там — камни, словно каменщик, несет.

Стремит река свой гул, и гром, и рык,
А вслед ей смотрит дедушка-ледник.
Там высоко в горах ее истоки,
Оттуда и повадка, и язык.

В характере реки отражена
Вершина, что как нерв обнажена.
Там рев лавин, и грохот камнепадов,
И в редкую минуту тишина.

СКАЛА

Здесь эхо многократно за тобой,
Усилив, повторяет звук любой.
Здесь каменная глыба в виде клюва
Нависла над безвестною тропой.

Стоит отвесно дикая скала,
Она давно вся в трещинах — стара.
И лишь арча призывно зеленеет
На мощной складке горного чела.

Над ней туман медлителен и сиз.
Постой да повнимательней всмотрись
И каменная глыба в виде клюва,
Покажется, вот-вот сорвется вниз.

И там внизу журчащая века
Навеки станет озером река -
Но все же здесь проложена дорога
И, стало быть, скала еще крепка.

Конечно, ей сто тысяч лет и зим!
Мне жутко перед возрастом таким.
Я вижу эту древность и волнуюсь,
Как будто с дедом встретился своим.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Таинственен вечерний караван
Могучих гор. В дыханье ночи, тая,
Теряет он черты и очертанья.
Миг — и распахнут звездный океан.

Все звуки в тишине растворены,
Кипучий день пропал, как наважденье,
В душе — усталость и успокоенье,
И мысли грез загадочных полны.

В глазах струится ясный звездный свет,
Такой печальный и необъяснимый.
А шум речушки, еле различимый,
Доносится, как ласковый привет.

Ничто тебя не мучит, не гнетет,
Ты нежностью, любовью переполнен,
И жизнью, как ни тяжело в ней, доволен.
Ты просто счастлив. Все в тебе поет.

Тебя пьянит ночная тишина.
Блаженствуя, лежишь на свежем сене
И смотришь в вечность, где через мгновенье
Покажется высокая луна.

ОТЕЧЕСТВО

**Извечное движение
 земли —
пространство, невесомость,
 притяжение.**

Мерцание звезд
в космической дали
Мы чувствуем,
как личное волнение.

Нам сладок воздух
 родины своей —
Лесного, полевого ли
 настоя.

Но тихий свет
космических огней
Приходит к нам
и не дает покоя.

На Млечный путь,
 задумавшись, глядим,
Все складывая: знания
 и преданья.

Каким же сердце быть
 должно большим,
Чтоб, охватить
 бескрайность
 мироздания!

Взошла на небе
 полная луна.
Летают звезды.
 Не одни же птицы

Летать умеют.
Ночь и тишина.
И миру нет ни края,
ни границы.

Опять звезда по небу
 пронеслась,
Упала в нашу речку,
 за горою.
Смотрю на мир —
 и все яснее связь
Меж мной, землей и тою
 звездной ночью.

ЗАРУБЕЖНОМУ РОВЕСНИКУ

В других краях живешь ты —
Там твой дом.
И я с тобою лично не знаком,
Но ты мне близок — ты мой
 современник!
И каждый миг мой помню я о том.
И потому к тебе от всей души
Я обращаюсь,
Ты мне разреши
Все высказать, что на сердце
 назрело.
Подумай, взвесь, с ответом
 не спеши.

Я знаю:
Наша жизнь полна забот,
Стремителен ее водоворот,
У каждого из нас свои проблемы,
Но общая — одна для всех —
Встает.
Она встает все выше и грозней,
И не считаться разве можно с ней?!Мы, атом разбудив, не обуздали
Вражду и злобу — вечный бич
 людей!

Дожили мы до той поры, когда
Оружья власть — исконная беда —

Огромные черты приобретает, —
От этого не деться никуда.
К богатству тяга, зависть
до сих пор,
Как встарь, причина распрей, буйных
ссор...
Звучат кошки* в разных странах
мира —
Плач по убитым средь равнин и гор.
Неужто в тягость стало нам любить
И на планете самой лучшей жить?!
Неужто в кровь прокралось
равнодушие,
Чтобы нас желаний радостных
лишить?
Неужто уничтожим мы в себе
Все то, что возвышает нас
в судьбе —
Честь, уваженье к старшим,
справедливость?
Все потеряли в суетной борьбе!..
Тебе и мне задуматься пора,
Что жизнь есть жизнь —
Не сон и не игра;
Достанет сил ли нам спасти от
смерти
Все то, о чем мечтали мы вчера —
Природу, человечество?
На свете
Священной цели нет — будь верен ей.
Нас окружив, грозят стальные сети
Всему живому тысячью смертей!..
Так нам с тобой ли, выросшим
в весне,
Не дать отпор стремящимся
к войне? —

* Кошок - похоронное причитание.

К тебе я обращаюсь,
Современник, —
Покуда солнце светит в вышине!

СКАЗКА БАКУ

“Полнолуние нимбом венчало Баку”.
В море ярко светилась любая волна.
Городские ночные огни, на бегу
Отражая,
Нас в Каспий манила она...
Этой ночью бродить и бессонничать
нам.

Два джигита,
Идем по песчаной косе —
Однорывцы и братья сегодняшним
дням —
Ищем русло грядущей народной
стеze.

Не забыли сказанья и дух старины —
Мы здесь — гости
у сказки
каспийской воды,

И как будто забыли —
С какой стороны
Свет лучится родимой киргизской
звезды...

Больше яви, чем выдумки,
в сказке Баку:
Фазтоны влюбленных увозят
сквозь даль,
Звон подков, наполняющих ночь,
как строку,
Зажигает то радость в зрачках,
то печаль...

Нет ничейной земли,
Нет Отчизны ничьей —
В слове "Родина" кроется слово
"народ" ...
Оттого из-за древних дувалов ночей
Светит времени
солнцем пронизанный ход.
И фантазий причудливых крылья
крепки —
Сказки прошлого явью сегодня
звучат.
И мигают в каспийской дали
маяки,
Как волшебные лампы,
Надежды причал...
Не свалился истории желтый листок
С ветки века:
Над руслом грядущего —
Свет! ...
Ищем древнего звездного света
исток,
И —
в манящие волны
уходит наш след...

ЛАМПА

Такая же неяркая, как та звезда,
что с солнцем в очередь стоит у изголовья
ребенка спящего... Она горит с любовью,
ее душа — душа огня — чиста,
как юная, себе неведомая въяве,
начавшаяся жизнь. Но вот — взошла заря,
и в дом глядит, с ребенком говоря,
большое солнце в золотой оправе,
и плещут, словно флаги, поутру
на радостном, на молодом ветру

пеленки малыша — счастливые знамена
семьи, где есть дитя!..
Но вечер никнет сонно,
все ниже сумерки, все тоньше песня ночи —
безмолвный голос древней тишины...
И вот, на колыбель устремлены,
у матери уже сомкнулись очи.
Во мгле исчезли даль и высота,
и призраки дорог в одну сошлись углами...
И бережет покой младенца
лампа,
такая же неяркая, как та звезда...

ПЕСНЬ

Несется с покатого склона
Порывистый ветер —
Травы осени, травы земли
Перебирает, как струны,
Раскачивает деревья,
К земле пригибает вершины.

И слышится песнь
В этом вещем безмолвье —
То громче,
То тише,
То совсем еле слышно...
Под знаком любви человеческой
И человеческой воли,
Что правят просторами этими
И в сердце вместиться не могут,
Живет этот мир.
Родник прозревает в журчанье —
Это радость приходит.
Шумит над простором листва —
Это радость приходит.
Становлюсь я, как тополь, высоким,

Как мир мой, безмерным
Становлюсь я —
И ветвями колышет
Мой исполненный радости сад.

Не зная покоя,
Живет и трепещет сердце людское —
Земля.

Сквозь города и поля
Проливается песнь,
И песнью становится все,
Что мы видим и знаем.
И неожиданно счастье,
И мера — неизмерима,
И гордостью мир переполнен,
Когда сознает,
Что он — эта песнь!
Волнуются волны и льются лучи,
Родство родников и таянье тайн —
Это мы.

Слова этой песни,
Метафоры и созвучья,
Смысл ее сокровенный,
Ее юности полноголосье —
Это мы.

Цветенье цветов и любви,
Все встречи на этой земле,
Все разлуки,
Когда просыпается мир
И когда он веки смежает,—
Это мы,
Это песнь о радости и печали,
Да, о печали - тоже,
О тихой печали времени...
Но вольный ковыль освежит нашу память,
Бессмертье звезды над полями

Карамолдо!..
И славной силы вестник —
комуз твой
не идет к чужим рукам.

Неужто наша жизнь — комуз певца,
тоскующий,
как по гнездовью — птаха?..
Что ж тянутся бессмертные сердца
напевов
к безымянной горстке праха?!

Но умиранья нет.
Звенит струна!
В народе все, что было, остается! —
пусть капля влаги — память о колодце,
пусть жеребенок — тень от скакуна.

Тебя, певец, мы помним,
и тобой
рождающихся песен множим силы.
И озера беспамятный прибой
гремит вокруг твоей святой могилы.

ТРЕВОГА

Со дня сотворенья любить ее вечно вели,
Сынам от отцов Ала-Тоо досталась
в наследство —

Священная наша, киргизская наша земля.
А что же теперь? А теперь — не сорваться бы
с круч!

Сам атомный век во владенья свои беспощадно
Включил Ала-Тоо — ведь век небывало могуч.
Я чувствую: сердце — в тисках неустанных
тревог,

Кто знает, кто твердо уверен: не станет ли завтра
Последней дорогой для жизни одна из дорог?
Земляне, нам вместе хранить на планете покой,
Иначе сожжет все живое огонь, и не будет
Киргизской, немецкой, английской земли —

никакой...

НОЧНОЕ НЕБО

Светил небесный вечен хоровод.
Вселенная в любое время года,
Как сад весенний, звездами цветет
И красотою радует природу.

В сиянии высочайших скоростей
Находят путь далекие светила.
Летит Земля - скопление страстей,
Исторгнутых космической силой.

Умрет звезда. На долгие века,
Все будет литься ее свет прекрасный.
Она горела, значит, не напрасно,
На темном небе светлая строка!

Есть, говорят, у каждого из нас
Своя звезда: ее огонь и страсти.
Приходим в мир- ее рожденья час,
Уходим - и она на небе гаснет.

И, постигая тайну, человек
Несовершенный мир преображает.
И, хоть долек светил небесных бег,
Нас сила мысли к звездам приближает.

ГИТАРА

Как лучшая песня Неруды
Сквозь стонущий ветер и пламя
Пришла к нам певучая гостья —
Гонимая

Чили гитара.

Играй, гитарист! Пусть игрою
Насытится жажда свободы.
Пой радости песню святую,
Гонимая

Чили гитара.

Пусть каплями землю покроют,
Прорвавшись сквозь ночь тирании,
Свободолюбивые ноты.

И отзвуки тяжких гонений
К подножью могилы Неруды,
Как листья опавшие лягут.

Пришедшая в мир наш свободной
Свободу должна обрести ты,
Гонимая

Чили гитара.

Так что же ты плачешь? Не надо!
Пой о свободе громче,
Гонимая

Чили гитара!

ЖАВОРОНОК

Как он поет в просторной вышине!
Все затихает: и трава, и колос.
Закончит песню - в чуткой тишине
Еще звучит как будто чудный голос.

И воздух свеж. И не клубится пыль.
И небо чисто... Края нет чудесней!
Мне кажется, разбуженный ковыль
Подхватывает жаворонка песню.

Ей чистым эхом отзовется высь,
Ей даст простор особое величие.
Вотроженное сердце, отзовись,
Благословляя эту песню птичью!

Какое счастье в вышине парить:
Над полем и над тишиною вешней!
Какое счастье людям подарить
Простор души, летящей птицы вешей.

Он зимовал от родины вдали,
Где наполнилась его душа тоскою.
Его дороги трудные вели

Домой.

Но сердце наполнилось весною!

Здесь горных рек шумливый разговор,
Родных степей распахнутые доли
И ледники святых киргизских гор —
Сверкающие пики Ала-Тоо.

Здесь - главное во всей его судьбе:
Земля родная, милая сторонка
Тебя он славит весело и звонко
Весной он возвращается к тебе.

СКАЛА И ЦВЕТОК

Блуждающий ветер осенний
Унес беспокойное семя
И бросил на гордую землю.
И вырос цветок на скале!

Пустил свои хрупкие корни.
И треснули крепкие камни!
И взвился над ними, как пламя
Чарующий горный цветок...

Земля! Ты не знаешь покоя!
Так что же, Земля, ты такое,
Что даже над грозной скалою
Возвысился нежный цветок?

ПОЭТ

Коль ты поэт,
то силою народной
твой скромный голос одухотворён!
истоки этой силы плодородной —
истоки сил народов и времён.

Коль ты поэт,
историей народа
твой голос будет одухотворён!
Он - как орёл над бурной непогодой,
Как солнце над созвездием времён!

Коль ты поэт,
судьба твоих собратьев
твоя судьба.
Над мелкой суетой
раскрой добру сердечные объятья

и лишь о том,
что людям нужно, пой!

Из родников
не черпай ремесла,
чтоб их вода в кувшинах не скисала...

Присяжным рифмоплётам — нет числа!
Поэтов, нужных людям, очень мало.

Поэт!
Ты против подлости боец,
Возвысившись
над завистью и лестью,
над будничным.
Зажги огонь сердец,
народ прославя соловьиной песней!

В ДОРОГЕ

Дорога...
Облака, как острова,
На жарком небе, солнцем опалённом.

В ущелье узком старого Долона
От жажды сохнет горная трава.

Хотя внизу
Журчанье тихих вод,
Рождающее в сердце чистый отзвук,
Скуп на прохладу раскалённый воздух,
Притихший ветер песен не поёт,

Явь или сон?!
Пригрезилось ли нам?
Но только видим всадника-киргиза...
Конь...

Притороченные по бокам,
Два чанача прохладного кумыса.

И к старцу устремились мы!
Невольно этим выдав нашу жажду.
Казалось - первым захотел быть каждый,
Увидеть солнце после долгой тьмы.

И впрямь
Подобен светлomu лучу
Был взгляд его,
Упав ничком на землю,
Мы жадно осушали чаначу,
И силы возвращались к нам от зелья!

Но... кошелёк достал один из нас
И... вынул рубль, ухмыляясь глупо,
Забыв обычай!
"Рахмат" промолвил глухо,
Тому, кто был спасителем сейчас!

- Сынок ! Кымыз — спасенье - не товар.
За это "благодарности" не надо.
Улыбка на лице - вот лучший дар,
А жажды утоление - награда!

Когда бы наступил позора час:
И я бы совесть вынес на продажу,
Дух этих гор тогда бы проклял нас,
А ледники покрылись чёрной сажей.

... Мы

молча

залезали

в "Жигули",

Пристыженные этими словами...

Коня пришпорив,
Он исчез вдали,
Как добрый дух
Над белыми горами.

ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ

Первый признак весны - тёплый солнечный луч.
Щедро дарит нам ласку дневное светило.
И как будто бы не было пасмурных туч,
И как будто бы горесть-печаль не гостила.

Посмотри!
Там,
 за ветками, —
Видишь? —
Весна!
И во взгляде лукавое что-то таится.

Воздух свеж
 и чуть зрима его пелена.
Как в нём чист и прозрачен
 голос утренней птицы!

А навстречу ему голос детский
Звенит
Колокольчиком тонким,
взлетая высоко...

Землю с Солнцем блестящая нить единит
И бежит талый снег
 с гор
 веселым потоком.

Город зимнюю сбросил одежду свою.
Нарядившись в зелёное,
 щедро смеётся!

Я на девушек, мимо идущих смотрю...
И смущён...
И растерян...
И сердце
так бьётся...

СТРЕМЛЕНИЕ

Солнце - художник искусный и вечный,
Но следует тщетно за ним Сын Земли,
Мечтая создать красоты безупречной,
Такие ж, как Солнце, творенья свои.

БРИТВА

Руки полны напряженья,
В комнате, под стук сердец,
Я стрижу с большим волненьем
Ваши волосы, отец.

Как седины поредели!
В их сиянии стою.
Вот скользят они по телу,
Повинуясь острию.

Потный лоб хранит усталость,
(До морщинки мне знаком).
Сколько быстрых дней осталось
Быть нам вместе?... А потом

Неужели миг нагрянет,
Расставания предел —
Пусто в нашем доме станет,
Словно мир осиротел.

ВОПРОС

Как море, в глубь сердца вторгается
Вопрос, созревая незримо.
Со всею планетой вращается,
С судьбой её неповторимой:

Устану ли я удивляться
До самых закатных дней? ...
Быть может, спрямиться удастся
Вопросу жизни моей?

Спрямясь, по капле стекая,
Расходуя силу свою
Став точкой в просторе без края,
Разгадкою бытию.

* * *

Все кончается смертью...
В дальнем сумраке лет вижу:
жизнь моя меркнет и медленно гаснет.
Ну, а путь мой каков?
Что я сделать смогу,
здесь, в горах, свои дни беззаботно транжиря?
И какую звездою буду я полонен?
Что же я возложу на алтарь моей жизни?
Тридцать лет.
А конь времени скачет вперед,
ржет тревожно, к чему-то меня призывает.
На коне я сию?
Или только слежу,
как он скачет,
как гриву его развивает?..
Почему я живу в ледниковых горах?
Я ведь не Прометей — к скалам я не прикован...
Мой народ - светлой мудрости древний очаг,

и огонь в нем всегда будет свято храниться.
С молоком материнским я впитал его речь,
его нрав, его дух, силу добрых традиций.
Я в ответе за все: за судьбу очага,
за судьбу человечества и мироздания.
Сын отечества, я - продолжение его.
Кровь моя - только капля реки полноводной.
Кто же, если не я,
свои силы отдаст,
чтоб привольно Отчизна моя расцветала?
Всё кончается смертью...
Бессмертна лишь Ты,
моя милая Родина,
Ты лишь нетленна!
Я навечно твоей звездой полонен.
Возлагаю я жизнь на алтарь твой, Отчизна,
чтоб всеильному Времени не погасить
тот священный огонь,
что горит в Твоем сердце.

АКСАКАЛ

Хоть силы поубыли — уж велик!
Он мудрость жизни знает не из книг.
“Отец народа” - так его прозвали
И светится лицо его как лик.

Сойдет с коня, ему земной поклон.
“Ата! Наш скромный осчастливьте дом.
Почтенейшее место - ваше место,
Желанья ваши святы как закон”

Лишь то, что важно, скажет аксакал
(Весомо будет все, что он сказал!)
Такого среди нас вы не найдете,
Кто б почести для вас не оказал.

О, мудрость, насыщая слух
Джигитов, стариков и молодых,
Такого средь киргизов не найдете,
Кто был бы к мудрости народной глух.

МУРАВЕЙ

Не видно дома, где бы отдохнуть,
Хотя б немного.
дорога — без конца и края путь —
Его дорога.
К закату клонится усталый день.
Без всякой цели
Бредет трудяга-муравей,
Ступая еле.
Дойдет до края.
Кончится скала...
Он тяжело дышит.
И шепчет муравьиные слова.
Кто их услышит?!
Зачем он далеко так от семьи,
Сестры и брата
Сюда на краешек земли,
На край заката?
Скорей обратно....
Медленно бредет
На ножках хилых
Состарившийся от седых забот,
Лишенный силы.
Где не бывал он за день муравей?
Вновь шепчет что-то.
Успеть домой бы... засветло... скорей —
Одна забота.
Отбиться от РОДНОГО,
От гнезда —
Что сгинуть в море.

У муравья подобная беда!
Нет круче горя...
Хотя б немного...
Но все же легче кажется чуть-чуть
Домой дорога.

* * *

Когда твоя душа стихом горит,
Тогда с тобою счастье говорит
И день твой каждый целой жизни равен,
Которую прожить лишь предстоит.

Вопросы жизнь любит задавать,
Смерть - с человеком в прятки поиграть.
Но щедрым будь: отдай, что можешь людям!
Тогда ничто не может испугать.

И лесть и хитрость пересилит тот,
В ком сердце сад, где соловей поет,
С кем "Тысяч грез" чарующие звуки
Встречают вместе солнечный восход.

Нам жить дано, чтоб счастье познавать,
Любить, дружить и чтить отца и мать,
Быть главным во вселенной Человеком
Что может мир руками созидать.

Нам петь дано! Без песни жить нельзя.
Сложивший песню, проживет не зря:
В нем сердце, словно центр мироздания,
Ему наградой - радости заря.

Не ради пищи лишь парит орел.
Ужели счастье - изобильный стол?!
Нет! Человек не хлебом жив единым,
А тем, что в мире он себя нашел.

НА РАССВЕТЕ

Темны уступы гор,
но я-то знаю:
Они весенней всей земле, подстать!
Я их наряд зеленый вспоминаю

И молча жду, когда начнет светать.
Со мною говорил ручей проворный...
Вдруг проступила неба синева -
Заря плеснула силой животворной,
Как будто в печь подбросили дрова!

И тут же пробудилось птичье пенье,
И сразу мысли сделались легки,
И тотчас в поднебесье, в отдаленье
На солнце заиграли ледники.

Над головой горевшая Венера,
Подобно звездам, убежавшим спать
Заметно угасала и бледнела,
Потом исчезла, чтоб прийти опять.

Я огляделся,
И душа узнала,
Что утро моей молодости встало.

Е.Г.Колесников, А.А.Солоухин, А.Жакшылыков

В.Сорокин (Россия), А.Жакшылыков, Б.Бедоров (Горный Алтай).

Т.И.Пулатов,
А.Жакшылыков.
IX съезд
писателей
СССР.
Организация
МСИС.

Вечер посвященный 60-летию образования СП СССР в
Колонном зале Дома Союзов. г.Москва. 1995 г.

К.Осмоналиев и А.Жакшылыков

А.Жакшылыков, С.Жунусов, В.Розов, В.Костров, В. Ганичев,
Ю.Бондарев, Р.Мухамадиев, С.Михалков, Т.Пуллатов.

Сетунская Т.Е., Берестов В.Д., Александрова Т. Мурадян С.
Всесоюзная неделя детской и юношеской книги. г.Фрунзе. 1980 г.

VIII съезд писателей
СССР. Кремль.

А. Жакшылыков.

О. Даникеев,

С. Данилов (Якутия)

С.Николаева (Якутия)

Пленум Союза писателей СССР.
А.Жакшылыков и М.Мураталиев.
г. Москва, 1989 г.

КРЫЛАТЫЕ ИЗРЕЧЕНИЯ

Дал обещание —
Выполни точно, без спора.
С деньгами, временем
будь осторожнее вора.

Коли начальник богатеет год от года,
Надежды на него все меньше у народа.

Кто святостью народа, прикрываясь,
Давно уж обирать его устал, —
Кто ж он тогда, как не нахал?!

Всем впору лопнуть тут от смеха —
Диплом кыргызу стал - помеха!
Пока мы "хлопали ушами",
Кыргызы стали торгашами.
Постигли все: и как обвесить,
"Лапшу как на уши навесить",
Как к покупателю втереться...
(Что ж, хочешь жить - умей вертеться)
Теперь бы только от халтуры —
Да в направление культуры...

В старой одежде удобство таится..
К новой - ведь надо еще примениться.
С другом твоим то же самое будет:
Старый-поймет тебя,
Новый - осудит.

Холодно в доме - подбросьте дровишек.
И в отношениях они не излишек.
Чем холоднее, тем меньше друзей —
Тут уж для друга тепла не жалеи!
Действует в дружбе негласный закон:
Топливо важно - с обеих сторон.

Алчность не вдруг отравляет душу.
Кто-то как будто бы шепчет в уши:
- Плюй на других да гребь под себя.
Лишь для начала тот яд пригубя,
Дальше ты действуешь, как наркоман, —
Ты набиваешь все туже карман.
В этом пределов уж больше не знаешь.
Денег своих ты совсем не считаешь...
Все, что нагреб, - это давит и жмет “
Видит лишь око, да зуб уж неймет”.
Алчность сработала - гаснет порыв.
Жизнь уж грозит, дверь на выход
открыв,

Смех у ребенка - невинность для нас.
Но подобрался и старости час.
Вздых старика,
что сел в изможденьи,
Смеху подобен ребенка, с рождения.

Усердно плетет паутину паук,
Чтоб жертву обречь в ней на тысячу мук.
Характер у сплетника точно таков,
Сознание не выше паучьих мозгов.

КРЫЛАТЫЕ ИЗРЕЧЕНИЯ

Дал обещание —
Выполни точно, без спора.
С деньгами, временем
будь осторожнее вора.

Коли начальник богатеет год от года,
Надежды на него все меньше у народа.

Кто святостью народа, прикрываясь,
Давно уж обирать его устал, —
Кто ж он тогда, как не нахал?!

Всем впору лопнуть тут от смеха —
Диплом кыргызу стал - помеха!
Пока мы "хлопали ушами",
Кыргызы стали торгашами.
Постигли все: и как обвесить,
"Лапшу как на уши навесить",
Как к покупателю втереться...
(Что ж, хочешь жить - умей вертеться)
Теперь бы только от халтуры —
Да в направление культуры...

В старой одежде удобство таится..
К новой - ведь надо еще примениться.
С другом твоим то же самое будет:
Старый-поймет тебя,
Новый - осудит.

Холодно в доме - подбросьте дровишек.
И в отношениях они не излишек.
Чем холоднее, тем меньше друзей —
Тут уж для друга тепла не жалеи!
Действует в дружбе негласный закон:
Топливо важно - с обеих сторон.

Алчность не вдруг отравляет душу.
Кто-то как будто бы шепчет в уши:
- Плюй на других да гребь под себя.
Лишь для начала тот яд пригубя,
Дальше ты действуешь, как наркоман, —
Ты набиваешь все ту же карман.
В этом пределов уж больше не знаешь.
Денег своих ты совсем не считаешь...
Все, что нагреб, - это давит и жмет “
Видит лишь око, да зуб уж неймет”.
Алчность сработала - гаснет порыв.
Жизнь уж грозит, дверь на выход
открыв,

Смех у ребенка - невинность для нас.
Но подобрался и старости час.
Вздых старика,
что сел в изможденьи,
Смеху подобен ребенка, с рождения.

Усердно плетет паутину паук,
Чтоб жертву обречь в ней на тысячу мук.
Характер у сплетника точно таков,
Сознание не выше паучьих мозгов.

Бесспорно будет прав,
кто утверждает:
Вода, мол, только к низу ниспадает.
(Какие тут сомнения могут быть -
Не вверх же ей, к своим истокам, плыть)
И все же русло есть с иной повадкой:
Вверх, по кривой, плывет одно течение - взятка

Нет у лодыря даже свободной минутки,
Чтобы труду посвятить ее, хоть ради шутки.
У человека, чья мнительность выше предела,
Намертво душу в жестоких сомнениях заело —
Нет ни минуты без них для любимого дела.

Как сорняки в своем благополучии
Вредят земле, сельхозкультуры мучая,
Так властолюбцы, прорастая сорняками,
Лишь о себе заботятся.
К народу они - камни

Всяк для себя мечтает лишь о счастье,
А вместо этого - напасти.
Все оттого, как ни печально, —
Не тот достался нам начальник.
Пора самим себя карать,
Что не умеем выбирать.

Всех учим, напрягаясь аж,
Как вреден нам подхалимаж!
И все ж..., в губах чем больше сласти
Тем подхалимы ближе к власти.
Что б ели эти губы - исчезни трудолюбь?..

Пришла весна, и распустились почки,
Как будто телеграммы строчки:
“Весна ТЧК Любовь ТЧК Готова ли душа?..”
Коль нет ее, уйдет любовь-колдунья неспеша...
Ведь для любви - не время, как для почки, —
Душа нужна - и точка!

Глухонемой достоин сострадания.
— О, сколько звуков вне его вниманья!
Лишь жест правдиво кое что расскажет,
при стараньи.
Теперь посмотрим сбоку на лжеца.
Какое море красноречья!
И звук, и буква безупречны.
Одно лишь есть противоречье —
Все ложь!.. Так кто же лучше-то, бог мой, —
Выходит, что... глухонемой?

Шумит, бушует бурная река,
Порою камнем в русле громыхает...
А свой изъян - она неглубока —
Фонтаном брызг от взглядов прикрывает.
А рядом в небо вперся “журавель”
Колодца тихого с прозрачною водицей.
Ему неведома речная мель —
Глубок и щедр, и манит всех напиться.
Мораль тому прозрачна и проста.
Два водоема, как два человека:
Один шумит, а истина пуста.
В другом, спокойном, —
будто мудрость века.

Допустим, был Болот алимов
Руководитель, хоть куда.
Но окруженьи подхалимов —

Ни руководства, ни труда.
Душа готовится к елею,
Как наркоман к своей игле.
И вот сидит он в кресле, млея,
От кайфа весь навеселе...
Ползут по-швам и власть, и имидж,
Уж в возмущении Закон,
И власти той уж не поднимаешь... -
Елей разбавлен...,- понял он.

Вот такой возник курьёз.
Я сказал земле всерьёз,
Что люблю ее я с детства
(В этом мне не до кокетства)
Нам в разлуке не ужиться —
Я готов с ней подружиться.
Уж наставница-зима
Заказала закрома.
Отвечает мне земля,
Оглядев свои поля:
-Закрома - неплохо это,
Но послушайся совета.
Их заполнить мне - не охнуть.
Только как бы не иссохнуть.
Хочешь ты дружить со мной —
Так сосватайся с водой!
Как подружимся втроем —
То-то славно заживем!

Не разменяй на сумасбродство
Такой черты, как-благородство.
Царица чести - справедливость.
Не возводи, ее в фальшивость.
И пуще, чем зеницу ока,
Храни ты совесть от порока.
У богача, в хорошем доме,

Копейкой рубль экономят.
Кто экономит честь, как ею,
Сказать тот вправе: "Честь имею!"

Нет горше на свете предательства друга,
Кому посвящал ты время досуга,
Кому доверял жизни важные темы,
Решал за не то и его проблемы.
Сколько воды утекло год за годом —
Столько речей было смешано с медом?
- Сладкие речи, как говорят,
Может сменить и предательства яд.
Не исключенье и этот кумир —
Дружбой прикрывшись, был рядом вампир.
Что ему нужно - не трудно понять:
Мысли твои за свои выдавать...
Было все это тебе невдомек.
Что ж, заруби себе этот намек:
Коль повстречаешь друзей-ловкачей,
Не поддавайся на мед их речей!

Ты посадил без корня ясень
И ждешь, что будет, он прекрасен.
Но чахнут ветки на стволе —
Им нечем сок, достать в земле.
Мы видим в том пример похожий
На отношение молодежи .
К своим родителям. При этом -
Пренебрежение к советам,
В их обращении нередки -
Пренебрежительное "предки"...
Послушать их-одни изъяны
Таят те "предки"-обезьяны...
Ответ тут может быть простой —
Пошли те дети в сухостой.
Без старших, опытных людей
Они, как ветки без корней.

ВЕСНА ДОЛГОЖДАННАЯ

I

В душе и в небе свет голубизны,
В душе и в небе солнечность весны...

А как мело-метелило кругом,
В ненастье утопала вся округа,
И к ночи завывала под окном
Унынье навевающая вьюга.

И все-таки настал желанный срок —
И черный вихрь споткнулся в диком беге.
Аркан его растаял, и мешок
Расползся весь — прореха на прорехе.

И, трепеща от чувства новизны,
Весь мир живет пришествием весны.

II

Приветствуя красавицу — весну,
Страхнув, как с крыльев снег, испуг
вчерашний,
Щебечут птицы в поле и в лесу,
Взмывают ввысь над будущей пашней.

Волнующе звенят их голоса,
Они кричат: "Весна! Весна! Весна!"
И слышат их земля и небеса.

III

"О чем они? С чего такой восторг?" —
Спросил в земле дремавший корешок.

“Весна... — шепнула талая вода, —
Они кричат: “Весна идет сюда”.

И корешок дремоту превозмог,
И над землей поднялся на вершок
Его росток. А рядом, на меже,
И первый одуванчик встал уже.

Как крохотное солнышко горит,
На мир глядит, весну благодарит.

IV

И верблюжонок долго не лежал,
На ножки встал, взбрыкнул и побежал.
Взбрыкнул и побежал. И не догнать.
Верблюдица, заботливая мать,

Тревожится: куда же он, куда?!
Ах, не стряслась бы с маменьким беда!
Кричит: “Не убегай так далеко!
Из вымени сочится молоко”.

V

Тем временем хозяйюшка-пчела
Гостей на мед в свой улей позвала.
Там всем текло и в рот и на усы,
Но, услышав мелодию весны,

И гости, и хозяйюшка сама
Из улья — роem. Кончилась зима!
И жук мохнатый, речь прервав свою,
К старейшему потопал муравью.

Тут, получив столь радостную весть,
Закопошился муравейник весь,

Работали на совесть мал и стар,
Чтоб дом их по весне красивой стал.

А ящерице нужен солнцепек,
Вот и лежит, лучу подставив бок.
Лягушки кувыркаются, галдят,
Никак уgomониться не хотят.

“Весна пришла! Вы видели весну?
Не видели? Проспали? Ну и ‘ну!’”

VI

Божья коровка задумалась крепко,
Ей улететь бы на самое небо.
Почки усыпали каждую ветку,
Тучное дерево тянется к свету.
В воздухе бабочки вьются-играют,
Словно бы тени свои догоняют.

VII

Мир заиграл, заблистал, заискрился
Долго не будет возврата зиме.
Мир окрылился и оголосился —
Тенькает в небе, шуршит на земле.

Залиты солнцем и горы, и поле,
Душу никто не томит, не гнетет.
Только раздолье и только приволье,
Солнечно облако в небе плывет.

Каждой былинкой луга встрепонулись,
В лужице каждой — созвездья зажглись,
И перелетные птицы вернулись —
Жизнь, продолжается, славная жизнь!

VIII

Как дивные минуты вдохновенья,
Вобравшие покой и непокой,
Как тайные сердечные волненья,
Что в радости и в горести с тобой,

Прими весну. Откликнись всей душою.
Промешкать бойся. Праздным быть страшись.
И станет пусть навек твоей судьбою
От спячки пробудившаяся жизнь.

Встречай весну и песней, и работой,
Плотины ставь и расчищай пути.
И вместе с этой вешнею природой
Возрадуйся и тоже расцвети.

IX

Когда на сердце камнем тяжесть ляжет,
Я в поле выношу тоску свою.
Вот и сегодня слезы чуть не лью.
И вижу — под горою трактор пашет
И тракторист уже рукой мне машет.
Так что же я как вкопанный стою?

X

Приход весны
есть чудо из чудес.
Ты смотришь —
и глазам своим не веришь,
Как все
преображается вокруг.
Кривые и корявые
деревья

Уже надели
 дивный свой наряд
И радуют
 глаза твои и сердце.
Ты слышишь
 мягкий шум над головой?
Смотри,
 ведь это многокрылой стаей
Из дальних стран
 вернулись журавли!
А что поют
 в саду твоём скворцы?
“О человек! —
 поют они. —
 Не надо
Печаль держать
 так долго на душе.
Ты пой, как мы,
 светло и безоглядно,
Пой так, как будто
 ты впервые в жизни
Встречаешь
 солнцеликую весну”.

XI

В лесу не молкнут птичьи голоса.
Жуки летают. Ползают букашки.
Звенит ручей. Качаются ромашки.
И солнца луч слепит тебе глаза.

Ты затаи дыханье и постой,
Прикрой глаза да тронь рукою ветку.
Нигде так не приходит к человеку,
Как здесь, ни безмятежность, ни покой.

Обычные деревья и трава.
Но, сбросив груз своей житейской ноши
Ты каждый звук здесь чувствуешь до дрожи
Как заговора светлые слова.

Вот ветерок вечерний потянул
И смешивает сумерки со светом.
Но ты стоишь, не думая об этом,
Ты в море светотени потонул.

Мир в дрему погружается, и вот
Уже сверкнул последний луч заката.
Печалью, брат, душа твоя объята,
Но той, что не томит и не гнетет.

ХП

Хорошо на белом свете!
Предалеко жизни край.
Ветер веет. Солнце светит.
Нараспашку месяц май.

И ковры его богаты,
Росы, словно жемчуга.
Вдоволь солнечной прохлады,
И вода — из родника.

Да и сам я нараспашку
В мае месяце живу.
Вот сниму с себя рубашку,
Брошу прямо на траву.

Руки в стороны раскину,
Будто в пляс сейчас пойду.
Солнце — в душу, ветер — в спину,
Встрепенусь — и расцвету.

И цветение продолжит
Песня светлая моя.
И понять никто не сможет:
Где тут май, а где тут я.

ХІІІ

Восходит солнце. Праздник-то какой!
Проснувшийся, а за ночь весь продрогший,
Лес хлопает от радости в ладоши
Трепещущей на веточках листвою.

Как чутко дуновенье ветерка!
Чуть смолкнут птицы — и опять заляются.
И далеко их песни разнесутся,
И просветлеют в небе облака.

Стоит березка — косу расплела,
Глаза ее синее, чем фиалки,
А свет и тень, играя в догонялки,
Как ребяшня, снуют вокруг ствола.

Все тенькает, поет на сто ладов,
Он — чудо, этот мир, на самом деле.
Здесь по живому звуку в каждом стебле
И по букашке в чашечках цветов.

Да, этот мир огромен и велик,
Он вечною загадкой остается.
И никогда язык не повернется
Сказать серьезно: "Я его постиг".

Я малый твой цветок, природа-мать,
Луч истины, что неопровержима:
Гармония твоя — непостижима,
Ее, как чудо, надо принимать.

XIV

Цветы, цветы — сплошной ковер живой.
Как сладко состояние цветенья —
Живого трепетанья, опьянения
Лучистым солнцем, чистой синевой!

Как светел и высок природы храм,
В нем не бывает тягостно и тошно.
И тут уж не раскрыться невозможно
Самой, душе, не только лепесткам.

Смотрю, как расторопна и легка,
Но, в сладком опьянении сил лишаясь,
Ни сесть, ни прочь умчаться не решаясь,
Дрожит пчела над чашечкой цветка.

Она дрожит, восторженно жужжа,
В ней столько жизни, столько упоенья!
Ее душа трепещет от волненья,
И крылышки трепещут, как душа.

И, вряд ли понимая почему
Ему так много чести выпадает,
Цветок уже в блаженстве утопает,
Тычинкой каждой глядя на пчелу.

XV

Май кипел в - душе и теле,
И сдержаться я не смог:
— Что ты знаешь о цветенье,
Сладко пахнувший цветок?

Что головкою качаешь,
Ароматен, яснолик?
Как весну ты понимаешь —
Так ли суть ее постиг?

Я спросил и ждал ответа,
Но ответил не цветок —
Отвечали блики света,
Стебельком идущий сок.

Отвечали птички трели,
Звонкий маленький ручей
Да березы, сосны, ели
Да трудяга муравей.

Отвечала мать-природа
Лесом, вставшим надо мной,
Ясным светом небосвода
Да теплом земли родной.

И совсем невероятно,
Хоть привстань тут, хоть присядь,
Отвечала так понятно,
Что ясней и не сказать.

И стоял я озабочен:
Мир был светел и велик.
А ответ предельно точен:
— Ну а сам-то ты постиг?!

XVI

Степь зацвела,
 куда ни посмотри,
Цветы, цветы —
 сплошное полыханье.
Там — еле серебруются,
 там — горят.
Стою в степи
 и слов не нахожу,
И от восторга
 чаще бьется сердце.

В степи
всегда особые цветы.
Над ними столько неба,
столько солнца!
Мне радостно —
Я вижу мир в цвету.
Душа моя
заполнена весной,
Глаза мои
заполнены цветами.
И здесь они —
действительно ковром,
Ковром земли —
от края и до края. —
Вот как планету
нужно украшать, —
Нам матушка-природа
говорит, —
Тогда и сами
будете красивы!
Вон бабочка
порхает над цветком.
Мне кажется,
что это я порхаю
Вокруг любимой девушки,
чтоб ей,
Охваченной
цветения огнем,
Отдать свою
взволнованную радость.
Цветы, цветы...
На всей большой земле,
Конечно,
не найдется человека,
Который,
видя эту красоту,
В глаза вбирая
чудо из чудес,

Замыслить мог бы
 что-нибудь худое.
Стою
 в цветущей солнечной степи
И чувствую,
 как солнца свет лучистый
Через меня
 проходит в эту землю,
Родную землю
 прадедов моих.
И чувствую,
 как сам пускаю корни.

XVII

Старый аил наш. Родительский дом.
Я на лужайке вожусь с малышом.
Прыгает козликом сын-топотунчик,
Ловит ручонками солнечный лучик.

Больно сжимается сердце в груди:
Что тебя ждет, золотой, впереди?
Но отряхнусь от незваной печали —
Жизнь малыша только в самом начале.
Я на траву, как цветок, укажу:
Это — весна, улыбаясь, скажу.
Это — весна, укажу на пичужку,
Это — весна, поцелую в макушку.

Это — весна, укажу на аил,
И повторю, чтобы он не забыл.
Я по-другому играть не умею.
Сын подрастает — и сам молодею.

Как я хочу, чтоб по жизни большой
Мальчик мой твердо шел с чистой душой.

Жизни уже позади половина —
Как мне не думать о будущем сына?

Солнце садится, и ветер стихает,
Мальчик в объятьях моих засыпает.
Вижу я жизнь молодой, полновесной,
И на руках моих — месяц небесный.

XVIII

На землю
 милой родины моей;
К ее садам,
 полям солнцелюбивым,
К седому, как легенда,
 Иссык-Кулю
Приходит
 светлоликая весна.
Когда исчезнет
 солнце за горой,
Над детскою кроваткой
 наклоняясь,
Моя жена
 с любовью повторяет:
— Спи, солнышко...
 спи, солнышко мое.
На землю
 милой родины моей
Глядит луна.
 И снова в лунном свете
Я вижу,
 как отец мой полон счастья —
Младенца внука
 держит на руках.
То солнечный,
 то лунный льется свет.

И жизни человеческой

кочевье

Идет.

И снова наши айльчане

На поле гонят

воду из запруд.

Благословен будь

жизни караван!

Пусть каждый день твой

солнцем озарится

И там,

где люди смотрят друг на друга

Пусть ясность будет

в мыслях и глазах.

XIX

Как ни бушуй метель — весна придет.

Как ни нахмурься ночь — заря пробьется,

И хлынут золотые волны солнца,

И птица, встрепенувшись, запоет.

Мой юный друг, сердечный добрый друг,

Когда подолгу ночи тень не тает,

Порой и нам уменья не хватает

Спокойней и мудрей смотреть вокруг.

Как много мы теряем дней и лет,

Идя путем не истинным, а ложным.

Связуя в сердце будущее с прошлым,

Не суетись на лучшей из планет.

Не разменяй возвышенность души

На страсть к вещам, на гонор пустословья.

Не уравнивай тирана и героя

И ближнего отвергнуть не спеши.

Прими ее, клокочущую жизнь,
И в ней работы черной не гнушайся.
Над равными себе не возвышайся,
Однако, перед сильными не гнись.

Не возропщи, что жизнь не так красна.
Имей, мой друг, терпенье и стремленье.
Смотри — в самой природе обновленье,
Смотри, какая буйная весна!..

У памятника на Родине С.Есенина

И.Ляпин и А.Жакшылыков

А.Жакшылыков,
К.Осмонов,
Б.Степанок
(Украина).

А.Жакшылыков и М.Жангазиев.
VII Съезд писателей СССР. 1981 г.

Годы учебы в Литературном институте
г.Москва

VIII съезд писателей СССР. А.Рыкулов.
А.Жакшылыков

На VII съезде писателей СССР. Георгиевский зал. 1986 г.

С академиком
Усен Асановым.

Ш.Бейшеналиев, С.Абдыкадырова, Б.Сексенбаев, А.Токтомушев,
Н.Байтемиров, К.Жусупов, А.Жакшылыков, Ю.Суровцев.

В Китае.

Я.Козловский, А.Ковусов, А.Жакшылыков, В.Розов, Т.Каппбергенов,
В.Костров, В. Ганичев, И.Машбаш, С.Михалков, Р.Гамзатов, Т.Пулатов,
В.Солоухин, Ш.Ниязи, И.Ляпин.

Выступление в
Колонном зале.

МАКМАЛ ТЁР

Поэма

Посвящается сыну Мюсура Чорчо

ЗАВЕТ

Просторен путь раздумий на озерах!
Блаженство слушать и вбирать во взоры
полет волны в мерцании зеркал,
поющей пены белые узоры.
И вдруг удар — и желтых глыб оскал.
И вновь сияет озеро меж скал,
вовек живое, снова молодое,
как страстной жизни вихревой накал.
Идешь, глядишь — и зори над водою
сияют мыслью, что растет с тобою.

И если жить меж шепотом и громом,
то вдруг волна душевного подъема
тебя взметнет крылато в высоту —
и ты мечтой паришь меж звезд знакомых
Рискуя, обретаешь широту,
как в зной песчаный входишь в красоту.
Так кто же ты? Равновелико волны
приходят и нисходят в пустоту.
Но каждый пусть завет судьбы исполнит:
явился в мир — так счастьем жизнь наполни

Сквозь ложь и правду прозревая дали,
мы тайны жизни многие познали,
но все ж служить высокой чистоте
и честно жить стараемся едва ли.
Не так ли? Мы твердим о доброте,

а в душах дверь закрыта сироте.
Нет, человек! Живи как всемогущий —
над мелочностью будней в высоте.
Кто победит себя — для всех ведущих
в тот мир, который мы зовем грядущим.

У озера, над синью волновертья,
как бы паришь меж смертью и бессмертьем;
вот этих волн озерных череда
уходит и приходит с вечным ветром;
и человек уходит — а куда?
Но правды заповедная звезда
не высветит нам истины ухода.
И в думах бесконечная вражда.
И человек бурлит, как эти воды,
до смертных дней глядясь в секрет природы

Как жизни бережем! И как при этом
мы любим видеть будущее — светом.
А между тем — бегут валы могил
поверх ушедших в землю безответно;
и время всех равняет, словно ил.
О горький праздник — жить меж грозных сил!
Случайно в сад земной раскрывши очи —
забудет вскоре человек, что жил.
Так о каких заботах ты хлопчешь,
чем, человек, себя повергнуть хочешь?

Хотя природа в нас вдохнула разум,
доступны мы, до горечи, соблазну.
Настолько эгоизм силен в крови,
что мы способны, не моргнувши глазом,
всем рисковать — от мира до любви.
Восстань же, человек, и воззови
к твоим веками кованым заветам —
себя любви пророком назови.
Ведь стыд! Да разве стоит жить на свете,
не приумножив свет надежды детям?

Ты помни: нет пути без болей многих,
свет прошлого — свет опыта в дороге.
Не сохранив в народе свет и высь,
погибнем в сокрушениях и тревоге.
Встряхнись! Что правду говорю — не злись.
Не возносись — твори с народом жизнь.
Народ — что озеро: гудит трубою.
Плыть поперек — не вздумай, не тянись.
А честь его возвысишь в смертном бое —
любовь народа наречет героем.

Прекрасен мир в текучих переменах.
Какое счастье над житейской пеной
с народом вкупе птицею парить!
Так выпусти же душу в свет вселенной!
Смотри: плескаясь в озере зари,
блаженно чайка звездочкой горит
и будто бы паденья не боится.
Смирившись с тем, что нам судьба дарит,
мы словно бы в себе простимся с птицей,
той вольной, что мечтою в свет стремится.

Не расставайся — помни о вселенной.
Ты, наделенный силою нетленной,
полетом в мироздание войди.
Дыши меж звездным светом ночью, денно,
чтоб накопить движение в груди —
и дальше вольной птицей путь веди.
В живую мощь всю мощь небес приемли,
в слиянье бесконечность обрети.
Ты, человек, корнями выросший в землю,
лети, себя до вечности подьемля.

Взгляни, как в небе озеро струится,
Как солнечною птицей серебрится
гряда киргизских поднебесных гор,
Орлом над пиком облако клубится.
и, сто веков верша с ветрами спор,

над кручей крылья простирает бор,
Как тянутся от гор до звезд растения,
Как все живое вверх подьмлет взор.
И человек в растущих поколениях
сквозь возвышенье ищет очищенья.

ОЛДЖОБАЙ

Что правду отрицать: киргиз — кочевник,
веками — всадник, скотовод, кожевник.
Но он — имел друзей, жилье имел
и род свой числил из преданий древних.
Случалось, мор по табунам гремел:
он — пеший, без оружия — терпел;
раскачивая сына в колыбели,
о звездном свете и надеждах пел.
Так шли века, дни солнечно кипели.
Так жил святой народ в родном пределе.

Но зависти во всей вселенной тесно!
Когда киргизских гор полет небесный
увидел и себе возжаждал враг,
то без посланника войны, бесчестно
напал и разорил стада, очаг.
Рабом стал трус, и пал в бою смельчак.
Лишь горстки меж огней песка пустого
ушли, детей спасая на плечах.
Но, смелость возродив, вернулись снова,
чтоб обрести родные Ала-Тоо.

И длились годы, полные сражений,
побед и новых тягостных вторжений.
Кто не желал киргизов истребить!
Связать, повергнуть в злобу унижений...
История полна огня и битв.
Губить народ, привычней, чем любить.
Киргизы таяли, рекой в пустыне...
В саду их жизни начал тлен клубить.
Но Олджобай сплотил народ в твердыню —
единство стало им щитом отныне.

Не сразу вызрели плоды заветов,
на древе опыта налившись светом.
Немало горя вынести пришлось,

немало Олджобая били ветры.
Не скажет песнь — что правда и что ложь.
Но есть предание: рабом был вождь.
Его отец пал от стрелы хивинской.
Аил был выжжен и разграблен сплошь.
Пленили мать: за скакуном текинским
плыл Олджобай во чреве материнском.

Ярилось солнце, жгли сухие ветры,
когда, как лист из придорожной ветки,
родилась жизнь меж караванных троп.
Мать Олджобая! Сколько горькой сметки
пришлось ей проявить, чтоб выжить, чтоб
не разбросал их в стороны потоп.
Но, как скакун, что уведен обманом,
все помнит вольный по джайло галоп,
так мать, возясь то с дойкой, то с саманом,
в мечтах неслась на родину орланом.

Наложница. Бесправная. К тому же
ее владыка, что считался мужем,
хватался, в черной ревности, за плеть.
И Олджобай вставал пред ним, орущим,
но где ж мальцу мужчину одолеть!
И тот, свалив, порол мальчишку в смерть.
А мать, стелясь под ноги мужа прахом,
упрямого мальчишку пожалеть
молила небом, предками, аллахом...
Так и жила, в обнимку с вечным страхом.

Мечты отца и матери священные:
сын, жизнью восхищенный и смущенный,
постигнет разность: в чем добро, в чем - зло.
И станет человеком совершенным!
А Олджобаю в жизни не везло:
впервые не отец сажал в седло,
а мать, в раздумьях тайных над побегом.
Но мальчик креп. Он равно знал тепло

и холод горных и степных ночлегов.
И рос цветком, раскрывшимся под снегом.

Он с детства пас стада всего аила.
дрова готовил, даже рыл могилы.
Но первая дубинка и кулак
его же находили с полной силой.
И все же, шуткой просветляя мрак,
он рос живым и быстрым, как сайгак.
Умел в степи не потерять дороги.
Спать, где придется, подстелив чепрак.
И пусть был юн, но ведал толк во многом —
стал рано проницательным и строгим.

Хотя воспитывался в рабском плене —
он не копил на сердце оскорблений.
Как ручеек в ущелье, вечно пел;
сияли зубы, словно кварцы в пене.
Так жил, как будто горя не имел,
а от побоев вечных не грубел.
Но по ночам, от боли и презренья
уйдя на холм, где звездный свет кипел,
он словно превращался в слух и зренье
и вторил звездам в их волшебном пенье.

Так Олджобай, мужая год от году,
сперва постиг и полюбил природу,
затем сквозь сердце и сквозь разум свой
стал, как старатель, просевать породу,
людскую, - в их природе вековой.
Я вижу, как из боли грозовой
выковывал в себе вождя народу:
волок себя, что баржу бечевой.
Превыше счастья ставил он свободу —
и день за днем изыскивал к ней броды.

Сперва мечтал о скакуне и ночке.
Но понял: от погони одиночке

не скрыться ни в песках, ни между скал
А кто найдет звено в большой цепочке?
И с той поры он волю всем искал.
И даже в тайных мыслях не скакал
один, таясь, в нагорные аилы,
но ум отдал терпению в закал.
Энергию, что душу торопила.
Копил, переплавляя сердцем в силу.

Стал жить, чтоб недругов, не ненавидеть,
чтобы собой другого не обидеть.
Так жить, как будто в этот мир пришел,
чтоб быть рабом других, но все провидеть.
В еде воздержанный — гостям на стол.
он накрывал как щедрый хлебосол.
Все отдавал тому, кто горе мыкал —
и тем кренил душевных сил престол.
Так — внешне раб — он стал себе владыкой.
И год за годом шел путем великим

Золу вытаскивал и мыл посуду,
хранил огонь, навьючивал верблюдов.
От волчьих стай, от барсов отбивал
гурты коров в январскую остуду
Шел первым по тропе на перевал,
был ведом степнякам, как коновал —
Он не стыдился никакой науки.
Недаром же народ о нем сказал.
что Олджобай — умелец на все руки,
что золото найдет в песке от скуки.

Он годы исчислял по звездам в бездне.
Прощупав пульс, определял болезни.
Так исцелял — как будто был колдун.
И ведал в трапах: что когда полезней.
Его любили зазывать в табун:
он видел по глазам — каков скакун.

Так птиц познал, что попадался в сети
любой щелкун, певун и щебетун.
Был добр — к нему на кошмы на рассвете
любили заползать согреться дети.

Таких людей судьба не любит разве?
Сам не забыл — народ забыл о рабстве,
призвав его взять над собою власть.
Он согласился быть судьей в распрях —
но ни в богатстве не учуял сласть,
ни к полновластью не изведал страсть.
Но завещала мать перед кончиной:
освободить киргизов — пли пасть.
Он был киргиз — и был народа сыном,
И меч борьбы из ножен рабства вынул.

Он вызнал и возвысил мудрецов,
кормил детей погибнувших отцов,
умел держать на непокорных гнев
и тайну сохранить меж хитрецов,
в ущельях с отрядами засеяв.
Он ждал свой час и нападал, как лев;
учиться бою воинов заставил,
советами народа обогрев
свой ум и сердце, снова край прославил,
народ, почти разбредшийся, возглавил

Когда возглавит нацию достойный,
то нация находит цель не в войнах,
а в созидании самой себя,
в трудах, в раздумьях, в праздниках пристойных,
играет свадьбы, радостно любя.
Терпению учит с первых лет ребят.
И нет согражданину выше счастья,
чем взять судьбу народа на себя.
И мудрые находят честь у власти,
и гибнут злонамеренные страсти.

Властолюбивцу почесть тем дороже,
чем путь подлея до трона от подножья.
Но, как ни полируй, — тускнеет трон.
на коем правят с жадностью и ложью.
Чем лицемерней праздничный трезвон,
тем, значит, ощутимее урон.
Живи с народом совестью и делом.
Закон для всех — и для тебя закон.
Слова “своя рубашка ближе к телу” забудь —
правь бескорыстно и умело.

И Олджобай, чтя мудрость древних правил,
как жил достойно — так достойно правил.
И весть о том пошла во все концы.
И шли к нему, кто верил чудной славе
шли манасчи, дервиши, мудрецы,
хранители ремесел и творцы.
Но главное — у вольного народа
сложились души в белые дворцы,
И праздничною сделалась работа,
и даже будто бы — щедрей природа.

И в личном — годы словно устыдились,
женился Олджобай, сыны родились —
подряд: Конок, Касым и Ашимбек.
И будто все надежды возродились:
и жизнь, как нескончаемый разбег,
и кораблем плывет сквозь годы век.
И твой народ плывет на нем с надеждой,
штурвал тебе доверив, человек!
Веди же судно, не смыкая вежды,
меж войн и всех соблазнов власти — между.

ПОЕЗДКА НА САЛБУРУН

Однажды пылью трех дорог повитый
приехал из-за гор Акбай со свитой.
С почетом горцы встретили гостей.
Воздвигли семь костров вокруг защитой-
и внемлют слову мудреца степей.
— Ешь! — угощают в перерывах. — Пей!
Слова твои — седых небес посланье.
Ты нас очистил словом правды, бей'.
Скажи, Акбай, заветное желанье...
Но гость молчал — и ждали все в молчанье.

Но вот, лопатку рассмотрев на племя,
он беркутчи обрадовал словами:
- Аккеза выпустишь — всегда успех
Охота и орлы — вот счастья знамя! —
и шутку подтвердил веселый смех.
А утром и помчались без помех
охотники с орлами и борзыми
до Каркыры и вдоль потока вверх,
сквозь жар долин и перевалов зимы
до вольных мест, от века некосимых.

Пять групп, гоня кобылу для убою.
неслись то врассыпную, то толпою.
Ярились своры псов у лисьих нор.
Орлы взмывали в небо голубое.
Так и влетели, мчась во весь опор,
в долину благодати Макмал Тёр.
И — онемели: пламя водопада
струилось вниз, взмывая как костер,
звенело эхо, осыпаясь градом,
И как бы рос утес из светопода

Густые травы, как снопы, желтели,
летя по ветру, сухо шелестели.
Прозрачный воздух был, как пенье птиц,

прохладной радостью плескался в теле,
стирал морщины с посвежевших лиц.
В осенний день полетом верениц
листвы и птиц — душе не наглядеться!
И оттого — блаженству нет границ!
И мир природы, словно в счастье-дверца,
он словно омолаживает сердце.

Но чуткий страж долин и гор — сорока,
учуяла шлейки копыт в осоке,
все признала, порхнула через дрок.
“Страшиться!” стрекотнула вдоль протоки.
И в тот же миг, став столбиком, сурок
взметнул до неба птичий тенорок.
И все животные, приняв сигналы,
обнюхали пахучий ветерок:
и ввысь пошли архары и маралы,
своих дозорных выставив на скалы.

Но люди, двигаясь неторопливо,
сбирали хворост, звякали огнивом.
кобыльим мясом полнили казан.
Им будто бы не дичью был, а дивом
взлетающий из-под ног фазан.
Житейской быстротечности дурман
развеялся — остановилось время.
И лишь веселья молодой буран
владел в долине благодати всеми,
рождая силу снять печалей бремя.

Покоем насладившись в полной мере,
джигиты стали выбираться в дебри.
И вскоре между ними разговор
пошел о ловком черно-буром звере.
Однажды, спором распалив задор,
полезли тропами на Макмал Тёр.
И верно: чудо хороша лисица!

Там, где вода рвалась через затор.
мелькнула огнепальной зарницей,
вмиг высветив восторг и страсть на лицах

Но как хитра пушистая — на диво:
нора — в карагане*, вокруг — обрывы.
И лишь тропа, как лезвие ножа,
струится по скале под водоливом.
А ниже — камни иглами ежа.
Чуть оступился, духом задрожал, —
и всё, охотник - и пиши пропало!
С такой добычей не до дележа.
И большинство джигитов понимало:
не взять им черно-бурую на скалах.

Но чем трудней, тем выше взлет азарта
И злится человек, и, словно в нарды,
готов с судьбой играть на жизнь и смерть.
Кипит, весь напряжен, как перед стартом
А зверь, светло-коричневый, как медь
заводит над обрывом круговерть,
красуется, как счастья избранник.
Как будто дразнит: где уж вам суметь,
но тут же отступает в караганник,
следит, таясь, — своей судьбы охранник.

Борзые псы и гончаки не робки.
Но, подступив по следу к лисьей тропке,
попятились, завыли — не пошли.
Владельцы, злясь, их понуждали с сопки
вступить на грань вдоль неба и земли.
Но псы пройти над бездной не смогли:
срывались, падали клубками в воду
и пропадали в радужной пыли —
своим бессильем запятнав породу,
по мнению всех, смотревших на охоту.

* *Караган* - колючие заросли желтой акации, золотарника.

Лишь две известных гончие Акбая,
сторожко к водопаду подступая,
вдруг прямо на обрыв, через проран,
потока, взмыли с белозубым лаем.
Как дивен был их страсти ураган!
Так лишь архар — лишь вольных гор баран
способен между скал летать от века.
Но, оскользнувшись в прорву Кумарлан
И, над рекой вильнув хвостом с разбега,
лисица обманула Жезбилека.

Да, слабые, хоть поощрай пинками,
творят с уже поднятыми руками:
забыв, что за такой души настрой
ославят люди их промеж веками.
В простые будни всяк из нас герой.
Но стать героем смертною порой —
и смерть твоя, на первый взгляд, слепая —
тебя святым введет в бессмертный строй.
Так говорили люди, вспоминая,
прыжок над бездной двух собак Акбая.

Но, тем не менее, цела лисица!
И к беркутам оборотились лица.
Хей! — как детей родных вскормили их —
Любой с добычей должен воротиться.
Как вознеслись во весь орлиный дых!
Но — осмотревшись на витках крутых —
никто в глубь скал полета не направил.
вернулись, ловчих отыскав своих.
И кое-кто, стыдясь позорной славы,
питомцев тут же молча обезглавил!

Ведь все: и Карабаш — черноголовый.
Омой-Соргок — прожорливый, как совы.
и желтый скандалист Чатак-Сары —
своих творцов лишили не улова,
а неба и свершения мечты.

Сыргак хвастливо камнем до норы
пикировал, но испугался риска —
и взмыл, и прочь ушел поверх горы.
А зверь привстал, взглянул, как дьявол, близко:
Кто закогтит его — с ударом, с визгом?
Джанбоз — великодушный — беспощадно
старался драться, но погиб. Досадно!
Вот взвился грациозный Келтебоз.
Как он вошел в пике — смотреть отрадно.
Но - диво! — чернобурка на откос
вскочила, в небо выставила нос.
Глаза в глаза орел лисице глянул,
почти коснулся лапами волос,
но зверь вильнул, от пропасти отпрянул —
и беркут вдоль обрыва в воду канул.

Скалистых гор плоскоголовый страж
нырнул, сложивши крылья, Бека-Баш,
но юркнула лисица как иголка —
и он на скалах завершил вираж.
Не раз когтившие шакала, волка
сегодня гибли беркуты без толка.
И ловчих брали то восторг то стыд,
когда лиса — одна. подумать только! —
храбрейших птиц сводила с высоты
и уходила целою в кусты.

Тогда Акбай наглазник с Муз-Мурута
сорвал — и птица устремилась люто
к обрыву в изголовии реки.
Зрачки мерцали вспышками салюта,
так крылья распахнулись — велики.
так когти лап стремились сжать тиски
что всем поверилось: победа — скоро!
Но зверь за жизнь сражался мастерски.
А солнце между тем зашло за горы.
Лисица одолела всех, без спору.

И сбросили наглазники с Аккоза.
Народ, шепча молитвы и угрозы.
благословлял, качаясь, взмахи крыл.
Лишь Олджобай, не изменяя позы.
взирал спокойно, как орел парил.
как зоркий взгляд лисице подарил,
как в синь шестого неба всплыл зарницей.
И вот: "Исчез!" — народ заговорил
А черно-бурая следит за птицей,
вскочив на камень — и скулит, и злится.

Но та не ринулась в атаку сразу.
а плавала, чуть видимая глазу.
И час за часом силилась лиса
ее прозреть сквозь голубую плазму.
А время шло на солнечных часах.
Лишь в полдень остроклювая гроза,
свистя крылами, понеслась на зверя.
Лиса, крутясь быстрее колеса,
ждала, глазами расстояние мера
и злобность мышц, в свою победу веря.

Из-за утеса над лесною гривой
орел парит, нацелившись в загривок
Народ молчит — лишь водопад орет.
Лиса юлит, как огневой обрывок,
горит свечой над бездною обрыва.
Обманный финт. Прыжок! Переворот!..
Глаза блестят, как солнечные льдины,
И молча богу повторял народ,
дивуясь страстно страшной картиной
— Вот это настоящий поединок!

Вот-вот свершиться неизбежной драме
Но — что такое?! Снова над горами
взмыл резко беркут. Снова в небесах
он плавал каплей света в синем храме
И зрители, с тревогой в голосах

загомонили про позор и страх.
А взор лисицы в твердости нелёпой
ходил за ним, как стрелка на весах,
но беркут, страхи обращая в небыль,
спикировал... И вновь взметнулся в небо.
Так час за часом в грозной круговерти
снижались над лисой тенета смерти.
Охотникам казалось: минул век.
И вдруг лиса — свидетельству поверьте! —
двинулась, хотя смотрела вверх,
когда сверкнули когти возле век...
И вот с добычей золотая птица
летит через поток. И человек
дал в небывалом людям убедиться:
от взгляда в синь ослепнула лисица!

“О, мой Акбай, ты разрешил задачу —
ты рад. А мне все видится иначе.
Лисе подобен жизненный соблазн:
манит, морочит близкою удачей.
Соблазн удачи — самый верный сглаз —
сгубил орлов и гончих напоказ.
Но и лису сгубила суетливость.
Аккоз, чей дух поистине алмаз,
напомнил изречения справедливость:
души опора — это терпеливость”.

Слова мудрейшего подобны розам.
Смолк Олджобай, но долго-долго разум
цвел в душах слушавших, рождая свет.
“Как нам везет, охотиться с Аккозом,—
решили беркутчи, собрав совет.—
Бежать от счастья — резона нет.
На день-другой отложим возвращенье...”
Согрел бивак костра золотоцвет.
Смех зазвучал. Затем комуза пенье.
Но сон земли принес успокоенье.

ГИБЕЛЬ АККОЗА

Покуда благами наполнен мир до края,
не думай о печальном, их вбирая.
Душою раскрывайся, словно мак,
коль рядом есть открытая другая...
Летит стрелой горячий аргамак,
и ловчий беркут ждет желанный знак,
и пышет ветер травным ароматом
Всю жизнь скакать бы в будущее так
Конем и птицей правя, как когда то
влюбленно, безоглядно и крылато.

Вершины гор красой чаруют взгляды,
О, как отрадно с дремлющей громады
родимые края обозревать!
И души предков этой встрече рады.
Ты чувствуешь их присутствие опять.
Такая в мире тишь и благодать,
что, кажется, бессмертные нисходит,
и небо ты готов рукой достать.
И думой о родном своем народе
сто тысяч лет согласен жить в природе.

Когда поет народ, тобой ведомый,
и родина восходит общим домом —
желанен всем порыв души твоей,
очищенной от скверны вешним громом.
Тогда не страшен злобы суховей.
Великий путь с родных вершин видней.
И мудрость прибывает с каждым годом,
и с каждой сединою ты добрей.
О, счастье ощущать себя народом,
могучей птицей взмыв над небосводом!

Не мог он оторвать от неба взгляда.
Душа была озерной грусти рада.

Вновь Ала-Тоо слал ему привет,
а Иссык-Куль манил своей прохладой.
О Иссык-Куль! Другого в мире нет
дитя, в такой играющего цвет,
что ни конца не видно, ни начала.
Родимый край поэтами воспет,
Но понял Олджобай, как это мало —
и лира в нем призывно зазвучала.

Он песнь свою не выпустил как птицу —
пускай в душе сильнее возгорится.
Вот главный смысл земного бытия:
наедине с красою очутиться,
чтоб мелочные хлопоты, язва,
все ж покидали отчие края,
заботам высшим время уступая.
Но юность, снова в прошлое зовя.
пронзает сладкой болью Олджобая,
и видится милей земля родная

Он с высоты взирает на просторы.
Прекрасен Макмал Тёр, хранящий горы.
Душа в заветный просится полет.
и ловчий беркут будет пущен скоро.
Но медлит Олджобай, и птица ждет.
Их красный зверь сегодня не уйдет:
несуетным сопутствует удача.
Еще мгновение проносится, и вот —
наглазник снят, и все теперь иначе:
охотник в страсти слеп, а птица зряча

Народ следит за взмывшим ввысь Аккозом —
От напряжения в глазах сверкают слезы
Отныне миром правит только страсть.
Но беркут не меняет гордой позы —
уж не на барса ли собрался он упасть?
Иль пропасти бездонной дразнит пасть?
Ручной Аккоз храбрей собратьев диких —

Он, словно знает, что такое власть.
Уж предзакатные скользят по склонам блики
Внизу слышны восторженные крики:

- Гляди! Ты видел? Вон он, вон он! —
Но вторят льды спокойным хладным звоном
броску бесстрашному с небес.
Здесь все подчинено своим законом:
каменьев гул и крыльев треск.
Чья жизнь возьмет в сражение перевес?
Природе вечный знак борьбы привычен.
В ущелье черном птичий царь исчез.
В тревоге Олджобай Аккоза кличет —
почти свою судьбу в обличье птичьем.

Народ роптал, предчувствуя потерю.
Надеялись—сцепился с крупным зверем
бесстрашный беркут — бросились помочь.
И Олджобай, в плохой исход не веря,
спешил, тревогу отгоняя прочь.
Свою судьбу пытался превозмочь,
за беркута молясь как за ребенка
Но где же он? Беда темна, как ночь.
Слова звучат безрадостно и звонко
и болью застревают в перепонках.

Произошло неслыханное дело;
на склоне птица мертвая пестрела,
пронзенная охотничьей стрелой.
Все на свои поглядывали стрелы
так, словно каждый был в том виноват.
В молчанье не глядел на брата брат.
Как рассказать об этом Олджобаю?
Боль общая сильнее во сто крат.
Рука, такую птицу убивая.
нацелена на жизнь родного края.

Но кто же враг, стрелявший из-за кручи?
Не в беркута, а в нас коварный лучник
направил оперенную беду —
так люди понимали этот случай.
А может, зависть к славному труду
со злобы нынче сдернула узду?
И младший стал на старшего коситься.
Еще такого не было в роду.
Взял Олджобай, поднял за крылья птицу.
чтоб все могли в свершенном убедиться.

И первым он молчание нарушил.
— Не станем, братья, мучить наши души.
сказал, кивнув на черную стрелу.—
Чужой позор наш добрый ум иссушит.
Мы можем перессориться в пылу,
а этого от нас и надо злу.
О мой народ, ты мудрым был и дружным.
Неужто превратится все в золу.
что отстоял ты песней и оружием?
Неужто мир тебе уже не нужен?

Убив орла, взмывающего в небо,
отдали счастье мы бездушью на потребу.
О зависти проклятая рука!
Мы изменили соли нашей, хлебу —
всему, чем наградили нас века.
Кто жаждет зла, тот бьет наверняка.
Через таких в народ ползет измена.
Мы в будущее мчимся, а пока
внутри народа кто-то строит стены,
упершись в них, мы гибнем постепенно.

Издревле самый страшный враг в народе
есть тот, кто из своих людей выходит.
На Макмал Тёр проедет не любой...
Но, я смотрю, стрела не паша вроде...

Он взял стрелу и поднял над собой.
Акбая обступил народ гурьбой.
- Взгляните повнимательнее, братья.
С такими иноземцы ходят в бой.
Свою стрелу не мог бы не узнать я.
Неужто враг наш рядом? О проклятье!

Ночь прервала печальную охоту,
по небу разбросала звезд без счету.
Тьма подступила к сердцу и очам.
Мир погрузился в грозную дремоту.
в ту, что людей пугая по ночам,
рождает грусть по солнечным лучам.
И рыку зверя жутко вторит эхо.
Но эта тяжесть ведома плечам
бывалых воинов. Во тьму взирая,
ночь стерегла дружина Олджобая.

Вдруг в отдаленье пламя замерцало
и кромку леса высветило ало.
Вождю послали радостную весть.
Разведка сразу брать чужих не стала:
в ночном бою своих потерь не счесть,
и тьма еще у них в запасе есть.
Коль побегут, поймаешь их едва ли.
Решили отложить до света месть.
Откуда, из какой враждебной дали
они пришли? Зачем в орла стреляли?

Как только на востоке посветлело,
отряд пустил, предупреждая, стрелы.
Ответил враг прицельною стрельбой.
Их было двое — действовали смело,
но слишком был неравным бой.
Все кончилось с последнею стрелой.
Затравленно смотря на Олджобая,
враги смирились с горестной судьбой.

Стояли молча, слов чужих не зная,
восход над Макмал Тёром проклиная.

Глядели пленник с пленницей угрюмо.
Одна в глазах у них мерцала дума:
как быть и велика ли их вина?
Но вот Акбая голос среди шума
раздался — и настала тишина.
“За беркута воздалось нам сполна.
Не хмурься, вождь, оставь печаль изгою.
Добычей славной жизнь отягчена.
Так, верно, предначертано судьбою:
другую птицу зреть нам над тобою.

А этих мы еще допросим толком.
Чужак непрост, недаром смотрит волком.
Когда такой боец, как твой Аккоз,
решается вцепиться жертве в холку, —
и смельчака здесь проберет мороз
И если говорить о том всерьез,
пословица старинная толкова:
коль двое в поле встретятся, то все ж
они равны. Он выстрелил бы снова
при нападенье беркута такого”.

“Всегда, Акбай, ты был с рассудком дружен —
Такой мудрец и друг народу нужен.
Да сбудутся, мой друг, твои слова.
Добычу поровну поделим — и за ужин.
О нашей дружбе пусть идет молва.
У старца Чооке — седая голова:
ему всех чернобурок приторочим.
Ведь лисья шуба греет лучше, чем дрова.
На пленницу, Акбай, твои взирают очи —
возьми — с добычей путь домой короче”

Тем и закончилась охотничья забава:
одним — беда, другим — удача, слава.
Для пленников тянулись тяжело дни.
Никто не знал их языка и нрава.
И, оставаясь к вечеру одни,
взирали на небесные огни.
Мерцанье звезд всеяло в них тревогу.
Родимый край и образы родни
манили в безнадежную дорогу.
И своему они в тоске молились богу.

ПОВЕСТЬ ПЛЕННИКА

Свободен странник, как свободен ветер,
не для него оседлой жизни сети.
но для него земная круговерть.
Привыкший ко всему на этом свете:
дорога кормит, домом служит твердь,
по коей жизнь пройти и умереть,
все созерцая оком гостя в мире.
где жизнь не в чудо и не в новость смерть.
Вновь появился календер в аиле.
известный светлой чародейной силой.

Вершины белых гор — его года,
но жизнь его — текучая вода:
сокрыт от взоров в грядях перевалов
дервиша возраст, и для всех всегда
он был почтенней многих аксакалов.
И если люди помощи искали —
они искали старца дервиша,
чье чародейство ввек не иссякало:
и пусть то хворь, пусть жизненная ржа —
все очищала светлая душа.

С почетом встретил гостя Олджобай.
Еще с сиротских ранних лет судьба
его с дервишем крепко единила:
и если жизнь вселенская — борьба
и в ней объединяются две силы
в два раза жарче возгорит в горниле
энергия сроднившихся сердец.
Одна душа другую осветила
и приоткрыла с кладезем ларец —
так в Олджобае возрастал мудрец.

Возьми мое — мне ничего не дай.
Отдай беду, когда придет беда,

дорога к людям — главное мерило —
постиг дервиша мудрость Олджобай.
Но вот однажды заболел в аиле
чужбины пленник. Из бедняги силы
текли у Олджобая на виду.
Нет злей несвоевременной могилы.
И Олджобай, предчувствуя беду.
тоской томился в горестном чаду.

Но как познать в другом беды приметы?
Не мог найти для пленника совета
наш Олджобай. И, встретив мудреца,
тотчас ему все рассказал об этом.
Не зря твердят: зверь мчится на ловца.
Так вовремя познания отца
пришли на помощь пленнику больному.
“Болезнь сердец доступна лишь сердцам; —
сказал дервиш, — откройся, как родному.
Хворь из тебя не выйдет по-иному.

Все Расскажи, о странник, не скрывая.
чтоб смог подать совет я Олджобаю”.
Проникся странник и повел свой сказ:
“Моля о счастье, к небу мы взываем.
И я просил у бога много раз
удачи в жизни. И, казалось, час
мой наступил однажды на земле.
Услышан был многострадальный глас
там, наверху, в небесной пелене, —
и стало в радость жить на свете мне.

Уже потом от родины вдали,
постиг я то, что без родной земли
жить невозможно полно и счастливо.
Печальной цепью жизни своей дни
в чужих краях влачил я сиротливо,
сбежав с полей отчизны псом шkodливым,
С собою кость в награду прихватив.

И вот живу я худо, сиротливо.
И все не мило на моем пути —
мне от расплаты этой не уйти.

О счастье все несчастные мечтают.
вот так и я, по памяти листая
всю жизнь свою, иду к началу лет:
моя судьба выросла в горах Алтая,
и в них берет начало жизни след.
Там жил отец, там мать моя и дед.
нигде, а там есть племя тыргоотов.
там труден хлеб, но мил и ясен свет,
а я пчела, покинувшая соты.
отдавшаяся глупому полету.

Я вижу день, когда отец меня
поднял на быстроногого коня
и выпустил стрелой навстречу ветру,
как в соболиный глаз учил стрелять,
как падал зверь к ногам с вершушки кедра,
как от меня буквально в полуметре
погиб отец — осиротел аул.
И закачались под ногами недра,
и тыргоотов длился скорбный гул,
и горький ветер наши спины гнул.

В отрочестве я сиротой остался.
Но мой народ через года дождался
добытчика и статного джигита.
В краю вершин я рос и утверждался,
И думал я: моя беда испита —
так радостно светила мне планида,
и так стучались силы в мою грудь,
как будто бы знамение эгиды
указывало тайно верный путь,
И мог я горы в те года свернуть.

Я слыл в горах охотником отменным
и был народом назван Еркеменом
за меткий глаз, за добрый, ясный ум.
Став для людей опорой их верной,
я оделял добычей весь аул:
я нес пушнину, мясо, нес кутум.
И мною любовалась тихо мать,
лелея тайно светлую мечту
скорее внукам бабушкою стать —
и мысль ее, как жизнь, была проста.

“Дай бог забыть тебе, мой сын, печали,
и пусть всегда сопутствуют, венчают
удачи жизнь твою, мой Еркемен.
Как держат горы небеса плечами
за вечный труд и крошечки взамен
не взяв у нас, так ты, мой Еркемен,
живи трудом своим, всегда давая
добро души, как солнце дарит день
всем нам, живущим на земле, Алтая, —
и это, сын мой, заповедь святая.

Как кровь сосет, вонзившись в плоть, комар,
так алчный бай ждет в подношенье дар —
опасно, сын, не покоряться знати.
Немало горя в жизни повидал
от них отец, противившись уплате
веками узаконенной подати.
И как бы нам опять не пострадать.
Не лучше ль уж заранее отдать им
ясак раз в год — и ночь спокойно спать —
пусть тем богатством поперхнется знать”.

“Как может сердце вспыхнуть в двадцать пять
огнем любви, вы сможете понять,
ибо любили в жизни своей сами.
Раз в год ясак мой получала знать.
И там однажды во дворце жайсана

я возмолился перед небесами
дочь ханскую всем сердцем полюбив.
Он и сейчас, тот миг, перед глазами.
И взгляд ее предначертаньем был,
счастливым перлом бедняка судьбы.

О, кто любил, тот знает цену чувства
когда в крови хмельное безрассудство
тебя несет потоком горных вод
и ты готов с бесстрашием мангуста
идти в змеиный всемогущий род,
каким бы ни был для тебя исход, —
так сердца пыл влечет тебя к любимой.
И день за днем, и месяцы, и год,
а ты горишь, горишь все нетерпимей.
Воистину — любовь неистребима.

Так я познал, прибавив к нажитому
сердечных мук саднящую истому,
не думавший об этом отродясь.
Но как же сладко парню молодому
мечту лелеять, чувствами томясь,
и тайно верить в эту ипостась,
и ощущать любви высокой силу,
и ею жить и жить, переродясь,
и агнцем быть великого мерила,
которое потемки осветило.

Как глаз ласкает ранний первоцвет,
так понял я, что в мире этом нет
для двух сердец священной силы этой,
которая, даруя дивный свет,
возносит их над скучною планетой,
где струны чувств крылом мятежный ветер
вдруг тронет и под звуки запоеет.
И удивленье в них, как в малых детях,
подобно первоцвету зацветет —
и радостен, и сладостен полет.

казалось мне, что рук прикосновение
взаимно принесут нам избавление
от тайных мук, от дивных томных грез.
Но велики любви земной творенья —
и пламень наш еще сильнее возрос,
и вспышки мыслей, ровно жала ос,
терзали плоть, вгоняя нас в конфуз.
Где скрыться от любви метаморфоз?
- И если крепок двух сердец союз,
за ним грядет и неизбежность уз.

Успев друг друга крепко полюбить,
мы стали вместе думать, как нам быть,
не мысля жизни дальней друг без друга.
Руки любимой у отца просить —
посмешищем предстать на всю округу,
что неизбежно нам несло разлуку —
дочь ханская не пара бедняку.
И хан скорее дочь отдаст на муку
в вельможный двор богатому хряку.
чем выдаст Еркемену-босяку.

Знаком был всем жестокий хана нрав.
В народе ненасытный властоглав
свой трон старался окружить опорой.
Власть над людьми — коварная игра.
И, не имея в поддержку верной своры,
трон пошатнуться может очень скоро.
Но хан хитер: где месть, а где родство;
себе он ищет лучшего партнера,
в котором мыслей алчных тождество, —
и в этом все Джайсана существо.

Нельзя любовь Джайсану доверять.
Пусть мысли наши знает только мать
(долг девушку обязывает в этом).
Решился я с любимой убежать,

куда глаза глядят по белу свету
и попытаться на чужбине где-то
устроить совместную судьбу.
Своих сердец влекомые советом
решились мы отчаянно на бунт,
презрев покорность и избрав борьбу.

Как изливает песни соловей,
так тайны сердца матери своей
любимая, решившись, рассказала.
— О дочь моя, — тужила мать, — к скале
своим рассказом ты меня прижала.
Зачем такую я тебя рожала —
чтобы заклять и чтобы слезы лить?!
Твое признание позднее кинжалом
вонзилось, чтобы мать твою убить.
И я не знаю. как нам поступить.

И зарыдала мать, то дочь кляня,
то, как к ребенку малому, кренясь,
всем существом своим ее жалея,
то руки взмыв и госпóду молясь,
дабы послал тот долгого терпения
и дочке дал свое благословенье,
а здесь не допустил бы вспышек зла,
чтоб жен других зловещее шипенье
до слуха хана рознь не донесла,
в которой злость, интриги да хула

- О сколько зла меж женами! — сквозь всхлипы
шептала мать, метаясь черной выпью.
Пять ханских жен — пять блудниц — пять чертей,
они готовы у друг друга выпить
всю кровь во имя собственных детей,
растрчивая жизнь свою в тщете.
пророча их в наследники Джайсана.
И я грешна, поскольку, в злой мечте

когда-то разум мой, как в топи канул —
не избежать мне гневной казни хана.

Но, дочь моя, какая мать ребенку
не пожелает жизни светлой, звонкой,
большой любви, счастливых длинных лет.
Иди, скажи скорее к жеребенку
дитя мое, вот мой тебе совет.
И да хранит вас в жизни божий свет!
На волю вышли мысли из души:
- Любовь моя, семь бед — один ответ.
Пусть зло вокруг одной меня кишит —
спеши, мой жеребеночек, спеши!

И, пряча слезы, веки плотно смежив,
в последний раз мать дочь прижала нежно
рукою материнскою к груди,
всем сердцем принимая неизбежность
того, что ожидало впереди:
— Будь милостив, господь, не осуди. —
В глубокой тайне собрались мы в путь,
сердца двух матерей разбередив.
О как сжимала горло горечь пут, —
так только раны сердца разум жгут!

Я мать позвал в одну дорогу с нами.
— Нет, Еркемен, — сказала мать, — вы сами
должны идти и ношу свою несть.
И если есть господь под небесами,
то и добро на этом свете есть.
Моих годов, сын Еркемен, не счесть.
Я в вашей жизни буду лишь обузой,
Есть мой народ, есть у народа честь.
а у нее с родителями узы:
народу я не буду лишним грузом.

Пусть спутницею верною тебе
возлюбленная будет, Еркемен.
умей лишь оберечь ее, как тайну.
Путь тайны, сын, всегда благословен.
У тайны нет на трудности роптанья,
и свет лучей ее на расстоянья
любому злу преднарекает плен.
Иди. Не место вздохам, Еркемен —
услышал я в минуту расставанья.
И ни упреков мне, и ни рыданья

лишь длинный взгляд с любовью и тоской
и жест прощальный старческой рукой...
Все, что жило в ней, мать была готова
отдать для нас, себе же непокой
да одиночество под старость уготовив.
Нет без земли своей у сына дома.
Она стоит в моих глазах сейчас.
И мы вдали, как два заблудших гнома..."
Тяжелый вздох — и пленник замолчал.
И колыхнулась пламенем свеча.

ПУТЬ

А сердце Еркемена бьется с жаром
как белочка в дупле перед пожаром,
и не скрывает чувства к Джайхаши.
И радость не вместить в груди недаром —
сбылись мечты, что были хорoshi,
и в жилах кровь упругая бежит,
огонь любви заполонил джигита,
глядит — как ненаглядна Джайхаши —
не зря ведь красотою знаменита...
Нет! Нежность гулким сердцем не забыта!

Волшебница любовь, как ты прекрасна!
Ты покоряешь сердце не напрасно:
двоим повелевает волшебство
друг другу руки протянуть согласно
и взять поводья счастья своего, —
для этого не жалко ничего!
Кто не желал любви, святой и строгой?
И обретал ее не для того,
чтоб вдруг предать, охваченный тревогой.
а стать одной судьбой, одной дорогой!

Дорогу видно плохо, ночь густая,
но освещает путь любовь святая —
отправились супруги ночью в путь,
и повод в повод, стремя в стремя. Злая —
ты, темень, злой для них двоих не будь.
Два сердца бьются как одно — в том суть.
Для затяжных бесед не время ныне —
вот-вот погоне грянет ветер в грудь.
Влюбленные спешат к своей судьбине.
как будто ждет их счастье на чужбине.

Мы на земле живем, но где же счастье?
Иль только в небесах его всевластье?

И, лошадей поторопив камчой.
погони опасаясь в одночасье
два беглеца горами и тайгой
скакали — путь достался им такой.
И дальше, дальше ускакать стремились,
как будто бы погоня за спиной.
Всю ночь скакали, не остановились —
и все ж с седла, бессильные, свалились...

Какой периной им казался потник!
Но Еркемен, от малых лет охотник,
спал так сторожко, словно стал сурком.
Вокруг на страже высился осотник:
верхом ли подъезжай, крадись пешком —
он обо всем расскажет шепотком
Днем прятались, а ночью, словно воры,
между айлов ехали тишком.
И углублялись с облегченьем в горы.
Как мучились их души без опоры!

Не находя пещеры, чтоб укрыться,
они порой завидовали птицам.
Их мучил постоянный липкий страх.
Им мнились в чаще взгляды, кони, лица.
И гром погони чудился впотьмах.
Так ехали они — одни в горах.
Устали кони. Сами исхудали.
И вскоре слезки в бысролетный прах
упали: сердце женщин — не из стали.
Ведь впереди — чужие злые дали.

Он все терпел — не подавая вида.
Но слезы милой — горе для джигита.
И вот они средь всех земных тягот
вдруг обнялись друг с другом беззащитно,
в себе самих лишь обрета оплот.
И думал Еркемен: "Смерть—сущность мира..
Кто защитит, когда беда придет?

Среди земного бешеного пира
защита нам одна — любви секира”.

Так, значит, им, двоим, в любви спасенье!
Но глупо слепо верить в везенье.
Он — воин, с детства сросшийся с конем,
он должен верных душ оледененье
оттаять беззаветности огнем.
Она — слабей: пусть думает о нем,
как о гранитной вековой опоре.
И он воспрянул. Желтый оком
просторно засиял в ожившем взоре.
Им тяжело? Но трудности — не горе.

И потянулись ласковые руки
пригладить косы длинные подруги,
от слез избавить грустное лицо.
Он слез с коня и подтянул подпруги.
Ведь испытания, в конце концов,
лишь начали выписывать кольцо. //
Но главное — вперед, не умирая.
Терпи, как терпит жажду деревцо
и тянется из скальных складок края
в дожди и ветры солнечного рая.

День ото дня к ним возвращались силы.
Он все спокойней улыбался милой.
Земля вокруг просторнее легла.
Казалось, жизнь их радости учила.
Однажды вновь, как длинная игла,
вошла в сердца печаль: долины мгла
заволокла знакомые вершины.
То родина за спины утекла.
И думы горькие, как сок крушины,
над ними одиноко закружили

“Алтай! Земля рождения, свеченья,
учения, любви излученья!

- Мой древний — юный, как арча¹, народ!
Как горестно изведать отлученье:
не переедешь через память вброд.
Печали нашей лишь один исход:
жалеть, что юной Бией и Катыном²
не влиться в Обь, не возвратиться в род.
Теперь я знаю: сердцем не остыну.
в любой земле твоим останусь сыном.

Алтай, Алтай! Побег мой — не победа.
Через него пришлось тоску изведать.
Ведь на земле родной осталась мать!
Не жаль коней (хотя я, привереда,
любил тулпара³ на джайло⁴ поймать).
Не страсти жаль — птенцов со скал снимать.
Но жаль седин нерастопимый иней...
Я только в горе начал понимать,
что матери живут и дышат в сыне.
О мать! Зачем я ныне на чужбине?"

Вот так печаль кричала в Еркемене —
шептала о любви, тоске, измене.
И смотрел в небес дырявый мех.
Земля — всегда в движенье, в перемене
Но небо — одинаково для всех", —
учила мать. Он вспомнил мягкий смех,
взглянул, ложась, на свет звезды великой.
И тяжкий сон, как неизбывный грех,
сморил его. И вдруг — проснулся с криком.
"Что, Еркемен?!" — "Спи. Я столкнулся с ликом".

¹ Арча - горный можжевельник.

² Согласно легенде алтайские реки Катунь и Бия образовались из слез юноши и девушки.

³ Тулпар - крылатый конь, скакун.

⁴ Джайло - летнее пастбище.

И замолчал, боясь смутить рассказом.
А как сказать о лике сотнеглазом?
О том, что на скале сидит и бдит
за толпами людей, за всеми разом...
И мать не то батыр, не то бандит
выводит по тропе толпе на вид.
Толкает в спину: "Именем закона!"
А лик молчит — во все глаза глядит.
Над ликом — дым и пламени корона.
То дышат рядом с ликом два дракона.

Кипит огонь. Летят к скале вороны.
"Так где твой сын?" — глядят в глаза драконы.
От рева — реки дыбом, дыбом — ил.
И пляшет эхо, бьется о препоны.
"Не видела..." — шепнула мать без сил
туда, во пламень, что ее палил.
"Не видела? Вот этими глазами?" —
И плюнули огнем в глаза. И был
смерч над землею — в хохоте и гаме.
И мать идет — и пропасть под ногами...

Да, видел мать в пучине сновидений —
он, спавший на чужбине, меж растений.
И не помог — лишь сердце напугал,
лишь оглянулся на ночные тени.
Вокруг камней чернеющий оскал.
И тучи от него небес мангал,
как будто бы навеки отлучали.
И плакал в одиночестве шакал.
Как убежать, в какие скрыться дали
от безысходной собственной печали?

Когда заря зажгла полоску света,
понурый, вышел лошадей проведать.
Заржал, его встречая, Кокчекир.
И Еркемен — без слова, без ответа —
обнял коня, как будто целый мир.

И слез мужских стремительный пунктир
прожег метеоритом мирозданье.
И глаз коня — лиловый, как сапфир,—
смотрел на человека с пониманьем
и отвечал печали состраданьем.

И как же Еркемену полегчало!
Тем временем стремительно и ало
взлетело солнце — утро началось.
Роса сверкала, по траве стучала.
Из черной чащи-сыто вышел лось.
Нес жаворонок песню наискось.
Украшив руку маминым браслетом.
стояла Джайхаши — светла, как ось
сиявшего вокруг живого лета.
И вся душа омылась чистым светом.

Преодоление всегда во благо.
Как изнуренье одолел отвагой,
так жизнью победил теперь тоску.
Зачем любимую вести оврагом
видений зла — по пеплу, по песку?
Сияет, пальцы приложив к виску.
И он — в ответ забыл свои напасти,
помчался по ковыльному мыску
к любимой, к молодой зеленой страсти,
впервые, может быть, изведав счастье.

Во глубине души — в священном месте.
как в ладанке, от взглядов неуместных
извечно тайну человек хранит.
Так сон стал тайной, сокровенной в бездне,
где сердце лучший сторож, лучший щит.
Душа, ты как космический магнит,
вселенную до звезд в себя вбираешь.
В тебе и ночью солнце говорит,
живешь в былинке, в грозах умираешь.
и нет в тебе начала, нету края...

Но что людскую составляет силу,
в канат гигантский заплетают жилы?
Да, род людской не горсточка песка.
Он дерево скорей. Чтоб не точила
хвороба ствол, чтоб крона высока
свободными листьями в облака
раскидисто, могуче упиралась —
да будет почва жизни глубока!
Чтоб корни мощные, в нее внедряясь,
звнящую в себя вбирали радость.

И понял он: величье силы нашей
в любви, что слита во единой чаше.
Подобно солнцу свет она дает
и в пламенном зените высочайшем,
и ровно освещая горизонт.
Но вечен этого светила ход.
Так поучала мудрая природа.
На молодой траве, близ талых вод,
под обновленным чистым небосводом
влюбленные резвились на свободе.

Как многолика жизнь, как безгранична,
и сколько в ней цветков и чувств различных!
Но лишь любовь — для счастья на земле.
Как сладостно бывает вспомнить нынче
вчерашний полдень, зелени полей,
когда стоишь порой на их золе.
“Нет, никогда нам не забыть, наверно,
тот день, когда в лазоревом седле
над нами ветер гарцевал безмерно
в том царстве из любви, свободы, веры.

Ту песню жизни тысячеголосой:
как тихо в травы опускались росы,
как жаворонок, звонкий бубенец,
висел, звеня, над розовым откосом,
как солнце надевало свой венец, —

и мир блистал, как сказочный дворец.
Рассказывал о счастье всякой твари,
как турумтай низал стекло колец
на палец выси, как вдали отары
брели за поднимающимся паром.

Как день спросонья веки протирает
и смотрит волооко вдаль над краем
И в бубен солнца птичий гомон бьет
свирели вод задумчиво играют.
С тех пор и жизни шел другой отсчет.
Всем многоцветьем, звуками течет
она в насторожившиеся души.
Не знает мир тоски — поет, живет
подобно бабочке, бежит от душных
сачков, порхает, в поднебесье кружит.

Мурашки по спине! В пыли клубятся
кочевья змей! Невиданное братство.
Шипит, кишит ползучая орда.
Готово сердце страхом обливаться.
Но разум говорит, что никогда
так монолитна не была беда
в природе, как в сообществе змеином.
Оставит ли собрата их среда?
Эй, люди, вы, тоскуя на чужбинах,
учитесь у клубков шипящих, сбитых.

Вот журавля мы видим дивный танец,
а суть его — любви все той же тайна.
И огненность высокого прыжка,
и грация изгибов непрерывных —
во всем лишь страсть, сильна и глубока,
понравиться подруге — и пока
любовь, как свет, меж ними не родится,
пока не захлестнет ее река —
в любовном танце будет он кружиться.
Уроки змей, уроки солнца, птицы...

Вот жаворонок серенький, как пепел, —
не вышел красотой, да вышел пеньем —
выводит нескончаемую трель,
чтоб в облачной не затеряться пене,
чтобы подругу звонкая капель
растрогала, чтоб золотая щель
заката их в гнезде застала вместе.
Единая немолкнущая цель.
Строптивая прихотливая невеста?
Но тут досада, право, неуместна.

Лучи небесные текут на землю,
и ласку теплую земля приемлет.
Лучи в деревьях, травах и воде —
повсюду впитаны вселенским телом.
Вот так и мы в лучах и борозде,
ветрах и травах, в солнце — мы везде!
Природой впитаны многоголосой.
Живи же с нею, вечно молодей!
Зажили раны сердца, а вопросы
заходят в небо по земным откосам”.

Эх, молодости баловни и счастья!
Мир неделим на теньевые части.
лишь пламя животворное горит.
И каждая травинка дышит страстью.
Любви великой сад для них открыт,
над ними небо — от напастей щит.
И день за днем — все страсть неуголима
лишь даль и стон в душе ее дрожит.
Все новые цветы и дали — мимо,
и степь опять их ласково обнимет.

И, став едины, как земля и небо,
у страсти поглощающей на гребне
влюбленные лежали средь травы.
И вновь звезда срывалась в горных дебрях.
и падала у самой головы.

воспламеняя, как сухой ковыль
как ярую поленницу, как порох,—
их души, их тела, их сказку, быть...
И оживали в дивном разговоре
молчание полуночи и шорох.

А приглядеться — так во всей природе
влюбленным праздник приготовлен вроде.
Живи и славь любовь и этот свет.
В нем счастье, как на грядках в огороде,
бери его, ты вдалеке от бед.
В твоей груди и вздоха грусти нет.
Так жаворонок рассыпает перлы
в той высоте, не знающей тенет,—
смотри, лучатся радость и доверье
из клюва, из души, из серых перьев.

Суметь бы, радость нам не упуская,
понять, где наша доля золотая!
Так луноликой, щедрой, как земля,
великой страстью их соединяя,
мир ложем им открыл свои поля,
туманами, цветами застеля.
Любви великой орошая корни,
ей в небе высоко шуметь, ведя,
дышать потоком над вершиной горной
среди вечных нестареющих просторов.

И в эту безмятежнейшую пору
явилось горе к ним обвалом горным,
ударом беркута, клятой грозой!
Вдруг разом все, насколько хватит взор,
наполнилось бедою обложной.
Их взяли в плен, и на земле чужой
вновь начались унылые скитанья.
Влюбленных разлучили меж собой.
И Еркемен о новых испытаниях
лукману рассказал в печали тайной.

“Чем провинились мы пред этим миром?
Одна любовь была для нас кумиром —
под этим солнцем мы не знали зла,
и жизнь была для нас бескрайним пиром.
За что же нас посыпала зола
людской жестокости? Отобрала
единственное то, что мы просили!
Когда б твоя забота помогла
увидеть Джайхаши! Ждать нету силы.
И пусть соединит нас хоть могила!”

воспламеняя, как сухой ковыль
как ярую поленницу, как порох,—
их души, их тела, их сказку, быть...
И оживали в дивном разговоре
молчание полуночи и шорох.

А приглядеться — так во всей природе
влюбленным праздник приготовлен вроде.
Живи и славь любовь и этот свет.
В нем счастье, как на грядках в огороде,
бери его, ты вдалеке от бед.
В твоей груди и вздоха грусти нет.
Так жаворонок рассыпает перлы
в той высоте, не знающей тенет,—
смотри, лучатся радость и доверье
из клюва, из души, из серых перьев.

Суметь бы, радость нам не упуская,
понять, где наша доля золотая!
Так луноликой, щедрой, как земля,
великой страстью их соединяя,
мир ложем им открыл свои поля,
туманами, цветами застеля.
Любви великой орошая корни,
ей в небе высоко шуметь, ведя,
дышать потоком над вершиной горной
среди вечных нестареющих просторов.

И в эту безмятежнейшую пору
явилось горе к ним обвалом горным,
ударом беркута, клятой грозой!
Вдруг разом все, насколько хватит взор,
наполнилось бедою обложной.
Их взяли в плен, и на земле чужой
вновь начались унылые скитанья.
Влюбленных разлучили меж собой.
И Еркемен о новых испытаниях
лукману рассказал в печали тайной.

“Чем провинились мы пред этим миром?
Одна любовь была для нас кумиром —
под этим солнцем мы не знали зла,
и жизнь была для нас бескрайним пиром.
За что же нас посыпала зола
людской жестокости? Отобрала
единственное то, что мы просили!
Когда б твоя забота помогла
увидеть Джайхаши! Ждать нету силы.
И пусть соединит нас хоть могила!”

ЗАВЕЩАНИЕ (ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ)

И, о мытарствах пленника услышав,
в раздумья Олджобай ушел, как в нишу
потемную. И молодость свою
припомнил он: она прошла под крышей
чужой, у злых лишений на краю...
И как теперь соединить в раю
отправленных в терновники разлуки?..
Но жаворонки-мысли запоют —
и, веселя бурливую округу,
слова прольются, словно солнце в руки.

И Олджобай сказал: “Ну что ж, мы знаем,
Акбай и мудр, и всеми почитаем.
Немедленно пошлю к нему гонца,
и весточка подруги золотая
к тебе вернется. Так не хмурь лица.
Но, жизнь и смерть обдумав до конца,
ответь: хотел бы мне назваться сыном?
И если да — найдешь во мне отца.
Здесь, пред лукманом, лекарем старинным,
пред аксакалами кровей орлиных”.

И, словно дождь в засушливую землю,
вошли слова и дали листья стеблю —
той радости, иссушенной судьбой.
С поклоном Еркемен, добро приемля,
назвал его отцом. И бурный той,
иначе скажем, пир горой крутой
был задан — и как резвая кобыла
веселье гарцевало над горой!
И имя “Мол” дано джигиту было.
И горе, чуть помедлив, отступило.

С собой в сосваты прихватив Чоока,
известного бурливым, звонким слогом,

к Акбаю ветром скачет Олджобай
просить руки Джайхаши волоокой
для сына нареченного... Гуляй
и веселись благословенный край!
За тоем — той, да свадебный, все выше!
Гудит земля, подарков — через край.
И круче тоя новой юрты крыша —
здесь всякий пил и пел, кто знал и слышал.

Не насладиться песнями и пляской —
в веселье всяком песня, как закваска...
Не терпится невесту поглядеть
всем молодухам — да с ревнивой лаской.
А бабочек девичьих круговерть,
не опасаясь больно обгореть,
у жениха как у свечи кружится.
Смелеют игры. Весело лететь
качелям к звездам. Чу!.. и покатится
звезды осколок? смех девичий? птица?..

Жизнь, ты вовеки непоколебима,
вот вновь любовью вяжешь воедино
двух молодых! Беседа ярких глаз
на голубых качелях, как на льдине,
в небесную стремнину вознеслась,
плывет — а впереди искрится страсть!
И то ли волны, то ли рук участие
подхватывает льдину в сотый раз!
И позади унылое ненастье,
и, словно звездный ветер, веет счастье.

Сошли на землю Мол и с ним Джайхаши.
И вот глаза им крепко завязавши.
широким кругом стала молодежь.
Игра! И снова символ жизни нашей.
Как в темноте любимую найдешь?
Неверный шаг — и в пропасть упадешь.
И только сердце слышит стук любимый,

ведет. И тело, подавляя дрожь,
находит иль проходит мимо, —
на то пути и неисповедимы.

Джайхаши, ты в объятиях у Мола!
И сорваны повязки — поборола
любовь тугую вяжущую ночь.
И новый круг — как будто в ореоле
из музыки, летящей ввысь и прочь.
Что ж, музыкѧ, ты счастье напророчь.
То на варганках тетушки играют,
и ветер, опускаясь с гор, не прочь
послушать — и в сторонке затихает
И даже небо глубоко вздыхает.

Но вся долина наострила уши —
манасчи знаменитого послушать:
как Семетей к невесте шел в веках,
как замуж дочь, любимую, как душу,
хан отдавал... Течет издалека
предания извечная река.
И молодость глядит в нее прозрачно —
волна любви и властна, и сладка.
И смотрит старость, словно озадачась,
как старина плывет в уборе брачном.

Затем комуза очередь настала —
и комузиста лучшего играла душа
отборный наигрыш вела
от древних кю, найдя путей начала.
И в круг, луной омытый добела
танцоры вышли. Танец, как игла
круг расшивает яростным узором.
В ночи звезда комуза расцвела —
в ее лучах, ее изгибам вторя,
парят замороженные танцоры.

Касаются луны и неба руки.
Но вот звезда становится излукой
потокм, вихрем, молнией ночной —
и тело, дрожью растворяясь в звуке.
себя забыло, покорясь судьбой
иному бытию, вселенной той,
где боль и радость неразъединимо
сливаются, где жизнь и смерть в одной
струне, высокой и неизъяснимой,
звонят и падают росой незримой.

Той продолжался, веселя окрестность.
И, шокуле сняв с головы невесты,
старухи надевают ей платок.
И таинства полуночного место —
постель — готовят молодухи в срок.
И вот влюбленные одни... И бог
тела их покрывает темнотою.
Огнем перехватило ночи вздох.
И обнял Мол горячею рукою Джайхаши...
И текла любовь рекою.

И около жилища Олджобая
вошла, как небо, юрта молодая.
В ней годы понеслись: один, другой...
Запомнив радость, горе забывая.
Четыре жаворонка голос свой
здесь обрели, и в стройности молодой
четыре тополька — четыре сына —
тянулись к своду статью золотой.
Но крутят жернова... И старость чинно
к скале прижата в немощных седирах.

Кто, солнце проводив свое, остался?
Кто искрою последней сжег усталость?
Чем может солнце вдруг себе помочь,
о чем жалеет этот светоч талый.
когда, уйти уже готовый прочь,

висит над горизонтом, смотрит в ночь
и медлит... Словно светится прощанием.
И — что ни говори, что ни пророчь —
в былую жизнь обращено сиянье,
и жажда ждет последнее молчанье.

Да, старость такова. И что поделатъ.
Глаза лучатся от иных пределов
и после долгих жизненных дорог
извечного покоя просит тело.
Но дух не хочет слушать дряхлых ног —
он лишь теперь познать глубинно смог
всю цену жизни, весь простор полета.
Но поздно. Сборщик урожая — рок —
торопит: у него одна забота,
колосья срезать к сроку обмолота.

О мир, твоим границам нет предела
и нет цены твоим твореньям спелым.
Но вечно горизонта выгнут лук
и времени неотразимы стрелы.
Жизнь расточив свою, как травы — луг,
что выронишь из ослабелых рук?
Что завещаешь людям в жизни дальней.
о старец, полный как копилка мук?
Смертельно слух и речь твои устали —
услышат ли они твои печали?

Всему начало — чистой жизни соки,
в них крепость тела и души уроки.
Но засосет трясина всех страстей
голодным ртом — и поглотит истоки.
И понапрасну поздних слез не лей.
Но, как величья полон мавзолеей, —
задумчив старен, на краю ухода,
как четки теребя остатки дней.
И Олджобай решил под близким сводом
сказать слова прощания народу.

“О дети, что останется за нами?
Изменчив, как таинственное пламя,—
в иных обличьях повторится свет
предзимним пеплом, летним возгоранием.
И я на склоне охладелых лет
хочу держать перед душой ответ.
Так не горюйте, не печальте лица.
Да будет исповедь — благой совет
пред тем, как вам с моей душой проститься,
а ей под небом раствориться птицей.

Хоть выпало мне трудностей немало,
душа моя с людьми не враждовала.
Хоть восхищался мира красотой,
рука моя богатства не стяжала.
Их не унес бы я теперь с собой.
Но в жизни всей, единой, золотой,
всегда я в мыслях к людям обращался.
Жил среди вас, ходил не стороной.
И в горное цветенье подымался
и в духоте, как в петлях, задышался.

Всесильна жизнь. С ней спорить из гордыни?
Соперничать для призрачной вершины?
Всегда я делу доброму служил
и сторонился зависти пучины.
Ценить умеете. Жалок и уныл
извечно мстящий, словно дух могил.
Вот оглянулся я с последней грани:
священны дни лишь те, где я любил.
Так пусть не месть извечно правит вами.
а радость родниковыми крылами.

Народ наш кочевой и жизнь проводит
в седле. Как часто под единым сводом
друг друга истребляли племена
и в дрязгах кровь уподобляли водам.
Как много сил... Но всхожи семена

согласия, и даль пути видна.
Она — в судьбе великого народа.
Да будет между вами боль одна
и радость — навсегда, из рода в роды,
и счастье береженое с приплодом.

Корысть и жадность точат человека
что обирает свой народ от века.
Но тот, кому народ лишь господин
высоко держит честь и словом крепок
в служенье людям до своих седин.
И жизнью он проходит не один.
Конок, Касым и Анимбек, родные,
мне Мол сегодня стал как старший сын.
Его я ставлю за себя отныне.
Пусть служит он народу без гордыни.

Пусть он благословение получит
народное. И всех джигитов лучших
народу служит пусть лихая рать.
Пусть старцы будут мудростью могучи,
а юность будет мышцей помогать
великой правде жить и расцветать.
Достойные и головы слагают,
подлец спешит карманы набивать.
Так помните, кому цена какая,
пусть лучшие судьбу людей решают.

Не дайте проточить мою могилу
потокам диким. Но прибавьте силы —
о гору обопрусь в потемках я —
лицом к вершине, что в ночах светила.
В поминках не расходуйтесь, друзья.
И памятник пусть не гнетет меня,
не больше тела пусть могильный холмик
со временем сровняет мать-земля.
Прошу одно желание исполнить:
живите меж собой в согласье полным”.

И вскоре Олджобай лишился речи.
Он стал подобен солнцу, в беге вечном
повисшему над горизонтом вдруг.
И глаз огонь стал тихой искрой млечной
и кровь горячий разомкнула круг.
Лицом к вершине, голубой от вьюг,
как завещал, в могилу был положен —
и провожал его парод как друг.
Последнее и горестное ложе —
и лечь в него когда-то каждый должен.

Нежданно получивший власть как плату,
печально Мол переживал утрату.
Так вновь открыта азбука потерь,
в ней горечь, коей смерти тороваты.
В небытие всегда открыта дверь,
а ты живи. в бессмертье близких верь...
И вдруг как будто хищно перехватит
клыком артерию незримый зверь —
и ты слабеешь, так в беде нехстати.
И горю всей груди твоей не хватит.

Кем был он прежде? Беглецом чужбины.
Но Олджобай помог ему как сыну,
поводья власти, уходя, вручил.
Да будут пухом старику глубины
родной земли. А ты всей мерой сил
служи народу, как отец служил.
Достоин будешь ты его доверья,
когда любви народной общий пыл
откроет пред тобой сердца как двери,
любому слову твоему поверив.

И, с братьями советуясь своими.
старейшинами мудрыми, седыми.
жил думами о всем народе Мол.
Чтоб помощь бедняку была отныне,
чтоб обездоленный — удел обрел.

В ту пору в их края опять зашел
лукман — старушку вел с собой слепую.
И вдруг горячей памяти укол
Мол ощутил — и вот уже ликуя,
он обнимает женщину седую.

В ней мать узнал — и радость непомерна.
Чтоб выразить — слов не находит верных,
от счастья потеряв на время речь.
И люди собрались. И счастья мера
смогла теперь себя в слова облечь:
“За то, что мать сумел ты уберечь,
вели — и жизни сам себя лишу я!”
Но отвечал лукман: “Что крови течь?
Но лучше сам утри слезу людскую —
и мне воздашь ты плату золотую”.

И тулео Мол для народа справил,
и с почестями до пределов края
он лекаря святого проводил.
И победила радость молодая
скорбь старую — и, снова полон сил,
что обещанья у святых могил,
долг исполнял, недужным помогая,
людей друг друга он любить учил
и вел народ, как водит птица стаю,
отеческим заветом Олджобая.

Мол занят весь служеньем честным людям,
но пауки-завистники не будут
спокойно ждать. И сети уж плетут,
и клеветы натаскивают груды.
Незримый, потаенный, черный труд.
И в добром племени не все живут
добром. И то недаром говорится:
в семье не без урода. Полон пруд
и рыб, но и пиявок-кровопийцев.
Но вмиг ли разгадаешь, что творится?

Известен Касымбек нутром горячим.
И шепчет клевета, задумки пряча:
“Кто правит нами, вдумайся, джигит!
Безродный выскочка с умом незрячим”.
И Касымбек, подумав, говорит:
“Но, значит, так завет отца велит”
“Да что ты, дряхлость часто безрассудна —
и ловкому пройдохе меч и щит.
В словах-воде безумного сосуда
омылся он — и словно неподсуден.

Чуть-чуть осталось. Все ему покорны.
Попомнишь — и тебя он вырвет с корнем.
Ишь, нанял он лукмана, вызвал мать.
А все — чтобы на нас накликать горе
и чтоб над нами всех превыше стать.
Поминки были — стыдно вспомнить,
но матери какой устроил праздник!
На ветер деньги не свои бросать!
Так выполняет он отца наказы —
мед на устах, зато в душе проказа”.

“Не верю, чтоб лукман. народом чтимый,
продан был. Родник не знает тины”.
“Ах, что с тобою делать, Касымбек?
Наивность ослепляет хуже дыма.
Коль в мире есть дающий человек —
есть и берущий. Лжив, продан век.
Притворщик этот лекарь-чудотворец.
Кто предпочтет деньгам дожди и снег,
заняничать придет бесплатно горе?
Под видом лекаря сокрыт торговец.

Сначала все тайком о нас узнали
и только после из змеиной дали
к нам приползли, тая смертельный яд.
Не зря намеренья свои скрывали.
А нынче погляди, как говорят

сообщники: один короткий взгляд —
и сразу же друг друга понимают.
Так, облачась в невинности наряд,
они вползли в доверье Олджобая,
вот и тебя сегодня отравляют”.

“Отец сам не хотел поминок пышных.
И словом тот нечист, кто злобой пышет”.
“Иди и у народа уточни,
что говорил отец о тратах лишних,
стояв одной ногой уже в ночи.
Не расточительствовать он учил.
Однако я-то думал — ты умнее,
и все, как на духу, тебе открыл,
твою судьбу, твою же власть жалея”.
Так плел паук, в своей сети жирея.

Стал Касымбек чернее тучи ликом:
“Что ж, Мол, когда же по отцу поминки?
И каковы приготовления к ним?
Велит обычай почитать великих.
А много ли народу пригласим
с окраин к угощениям своим?”
Так ярость, словно пламя, заливала,
слепя глаза, змеился черный дым.
Обида так кричала ножевая,
ни братьев, ни друзей не признавая.

И знатоки обычаев собрались
держать совет, уладить спор без брани.
И так сказал Конок: “Что спорить тут —
поминки надо справить. Но с окраин
не стоит много приглашать — падут
расходы на простой и бедный люд”.
Но услышал в ответ: “Что мелочишься,
для памяти отца жалеешь труд?
Ведь Мол чужой и на руку нечистый.
Пусть кровь твоя звенит, как пляс монистов”.

Конок в ответ: “Согласье — вот опора,
а не ведущие к разладу споры.
Припомни, брат, отцовские слова.
Неужто солнца свет закрыли горы?
Могильная не выросла трава —
а сквозь заветы проросла молва.
Твой гнев добром не кончится, опомнись!
И ты в очаг вражду не подливай,
чтоб дружба огня, с теплом рассорясь,
не обратился в злых пожаров помесь”.

Но Касымбек все более бушует:
“Что ж Мол, приняв отцову власть большую,
не породнился с нами почему?
Да, напрямик его теперь спрошу я,
что б новую жену не взять ему
из нашей крови? Вот тогда пойму,
что он меня вокруг пальца не обводит.
Но нет, он сеет распрю, кутерьму.
и правит самочинно, сумасбродно,
и клан свой собирает подколодно”.

Превыше чтя согласие людское,
Мол отделился от детей с женою.
Но те, которым на руку раздор,
питали Касымбека речью злою:
“Вот молодец! А этот жалкий вор
теперь пусть испытает свой позор.
Безродный пес, пускай теперь повоет,
понюхает сомкнувшийся забор,
припомнит, кто он есть, чего он стоит,
чтоб нагло властью мериться с тобою.

Брат Ашимбек стал вялым человеком,
Конок, как в юрте, дремлет в тихом веке.
Опору видит лишь в тебе народ.
лишь в пламенном, могучем Касымбеке!”
Так шепчет нечестивый, злобный рот

так добрые побеги топчет скот.
Есть сотни способов разрушить благо.
И вот уже открыто нечисть прет,
которая скрывалась по оврагам,
кишит, ликует ядовитый лагерь.

И Касымбеком, как щитом, прикрывшись,
плетет паук все шире и все выше.
И вот уже повсюду злая сеть —
и в каждом сердце, и под каждой крышей.
И нет спасенья Молу. Не успеть!
Уже петля затянута на треть.
И час настал, и вот вождя убили.
На дело рук своих страшась смотреть,
предатели поспешно кровь омыли
и тело ночью воровски зарыли.

И Касымбек сказал: "Отцу воздам я!
Услышат о поминках в землях дальних".
Чтоб пир устроить пышный, обложил
народ в своей округе тяжелой данью.
И если кто-то, выбившись из сил,
роптал и долю в срок не приносил,
тому камча карманы пропорол.
И приз на скачках он провозгласил:
жену с детьми погубленного Мола.
Чтоб рабство это семя измололо.

И вот, готова петли укуруков,
сигнала ждут пронирыливые руки.
А Джайхаши не знает о беде,
но взгляды как натянутые луки.
Не скрыться от угрюмых лиц нигде,
от обложной грозы — так лить воде?
И кто их защитит теперь без мужа,
убитого в угоду злой орде?
И кто кому с чужою хворью нужен,
когда сегодня весь народ недужен?

Однажды в ночь, как будто с лунной кручи,
явился юноша — сказать про участь,
что на поминках их семейство ждет.
Джайхаши силилась не крикнуть, мучась,
беспомощно кривился бедный рот.
О, кто судьбы подвохи разберет!
Не верилось столь подлому злодейству —
за что такой жестокий оборот?
Неужто бог позволит так содеять?
И с богом больше на себя надейся.

Птенцов любая птаха защищает
и мечется Джайхаши дух нещадно.
Бежать нельзя — уже за ней следят.
Но вот, от страха разум очищая,
она зовет к себе своих ребят.
ее глаза решимостью горят.
Дает наказы, дело разъясняя:
“Ты повезешь Коноку наш доклад.
А ты, Телеш, скорей скачи к Абаю.
Спасемся, честный люд оповещая.

Что пограны заветы Олджобая,
что Мола растерзала волчья стая
и в рабство обратить решили нас,
посмешищем, как байгу выставляя.
И роковой все ближе, ближе час.
Лишь тот себя в подобных бедах спас.
кто на свои же опирался силы.
Пока злодей весь край наш не потряс,
прозрейте: на краю стоим могилы.
Умрем иль сокрушим позор постылый!”

И, мерки сняв, шить принялась доспехи.
И к битве все готовились поспешно.
И вот настал тот долгожданный день.
Вся степь собралась на поминки — спешась,
глядела под раскидистую сень:

старейшины окрестных деревень
там ход поминок чинно обсуждали.
И вдруг вдали — как молния, как тень
летучая из всадников восстала
и очутилась посредине стана.

Враг не успел умом раскинуть даже —
с коня стрелой сняла его Джаихаши,
и острие копья уперла в грудь.
А Касымбек, над сердцем увидавший
стальную смерть, не смеет и вздохнуть.
Лицом как мел, в глазах безумья ртуть —
готов со страху в пыль душой зарыться.
И медлит всадница врага проткнуть,
и пыль как гнев над всей толпой клубится,
ложась на каменеющие лица.

И вот, в слезах, размазанных и грязных.
взмолился Касымбек: “Достоин казни!
Но жизни не лишай, но пощади.
Я каюсь: всей души моей проказа —
от злых людей. Они в моей груди
ее взрастили... Только не губи!”
А Джайхаши с презрением шагает,
оставив труса в прахе позади.
И, поклонившись, как отцу, Акбаю,
весь заговор коварный раскрывает.

И слушал старец, скован, как морозом,
великим горем, позабыв угрозы.
По белой, как от стужи, бороде
искрились, тихо скатываясь, слезы.
И, наконец, путь преградив воде,
сказал: “Народ, в такой большой беде
давайте-ка умы сегодня сложим.
Чтоб зло не проросло теперь везде,
чтоб сын завет отца не тронул ложью —
разматывать клубок давайте сложный.

Зло натворило бед, как непогода,
как сель, как сумасшедшая природа.
Лев умирает — мышь сильнее льва,
так говорилось издавна в народе.
И лживая и лстивая молва
позволила верховные права
ничтожнейшему получить зазнайке?
Что ж, у народа меркнет голова
от паутин. Таков итог бывает,
когда завет мудрейших забывают.

Но мы родня Джайхаши и в ответе
за жизнь ее—и если от наветов
не в силах дочь мою вы уберечь,
я заберу ее, спасу от петель.
Когда средь вас джигитов нет, чья речь,
чье дело щупальцы смогли отсечь
нечистым паукам. И поборол
отрава тайная — открытый меч.
Отважного не стало с нами Мола.
Сад Олджобая нынче мертвый, голый”.

Как будто град камней слова упали —
казалось, тупят взор холмы и дали.
И старец тяжело в ответ сказал:
“Чтоб из обрывков да узлы вязали?
Стыдится мой народ — что, жалок, мал,
бесстыжий нечестивец свой оскал
сумел народной волею представить.
Акбай, клоню колени, хоть и стар.
Мы справедливости вернем начала!”
И вся округа на колени стала.

И покаянье принято Акбаем.
И, жизнь мужей обоих прославляя,
отметили поминки стар и млад.
И слава Мола, слава Олджобая
для памяти народной встали в ряд.

И были скачки: гром, копытный град.
И главным призом старика потешил
скакун Акбая, резвой скачке рад.
Джигитов равных не было Тилешу,
в борьбе народной — удалом куреше.

Препятствий нет для времени течения.
Услышь в своей груди, в земле биенье,
услышь заветы тех далеких дней.
Народ их сохранил и в поколениях
возрос, умножась на земле своей.
И травы выше, и стада тучней
вкруг озера, чьи воды отражают
судьбу деревьев, облаков, людей.
И, всем им счастья долгого желая,
мы здесь повествование завершаем.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ СЧАСТЬЯ, ТВОЙ УМ ДОЛЖЕН СТАТЬ ИСТОЧНИКОМ ДОБРЫХ МЫСЛЕЙ

У кыргызов есть поговорка: добрая мысль - половина успеха. (Жакшы - тилек, жарым - ырыс). Я просил бы моего читателя вместе со мною задуматься над этим определением народа. Мне кажется, что именно здесь припрятан принцип нравственного выбора человеком между добром и злом, каждой раз новый, в различных жизненных ситуациях. Наполненный грязными мыслями человек никогда в жизни не выберет доброту; и, наоборот, человек добрый никогда не выберет зло. Любой человеческий поступок — результат его умственной деятельности в конкретном отрезке времени. Ум — сверхчувствительный инструмент. Но, если человек не научится использовать его по-доброму, то УМ рано или поздно, станет домокловым мечом его трагической судьбы. Не зря говорится: горе — от ума. Трагичность заключается именно в том, что Человек до сих пор не научился пользоваться главным божественным инструментом в себе, то-есть Умом. Но, Ум есть Вселенское явление, хотя как будто бы и принадлежит каждому конкретному человеку. Ведь драма жизни всегда разворачивается вначале в сфере ума, еще точнее, — “внутри ума”, а затем только — в материальной жизни. Хорошо, если плоды ума, то есть, жизненные кредо людей совпадают — тогда они становятся “союзниками”; в противном случае — “врагами”?.. Вот так мы и живем: радуемся, злорадуем...

Мне кажется, что каждый человек сам должен научиться анализировать свою умственную деятельность; чувствовать, когда в нем “собирается грязь” и уметь постоянно от нее очищаться, находить собственный путь жить в гармонии с окружающим миром — это и есть сверхзадача каждого индивидуума. В этом плане Ум есть ключ к судьбе человека.

Давайте проанализируем сущность Ума. Условно его разделим : первое — умы, действующие в положительном

плане (созидающие), где интегрируется доброта; второе — умы действующие в отрицательном плане (разрушающие), где накапливается зло, третье — умы нейтральные, где доброе и злое начала пока находятся в резервном состоянии и, в зависимости от направленности Ума, этот “резерв” станет потом как бы дополнительным источником деятельности мыслящего субъекта. В конечном итоге ум превратит человека в созидателя или разрушителя.

Настоящий созидатель содержит в себе божественное начало. Его ум становится источником Истины, Доброты, Красоты и их различных проявлений. В нем действует Вселенская сила Света, и, рано или поздно, в зависимости от озаренности Ума, он найдет и обратный путь — путь к Бессмертию, о чем свидетельствуют земные судьбы пророков, святых и других служителей Истины, Добра и Красоты в различных сферах жизни, например, в религии, науке, искусстве и т.д.

В жизни действительно есть люди с разрушающим началом, явные носители зла. Именно их ум и есть место нахождения демонического начала. Они действуют как Вселенская сила Тьмы и, в зависимости от густоты Тьмы, используют Смерть и Обман, служа в конечном итоге лишь своему Эгоизму, противодействуют Свету, то-есть, Божественному началу. В этом — суть трагичности человеческой природы.

Возможно, поэтому, идеалом Ума является ум ребенка, у которого сознательно еще не выработан как следствие зла иммунитет эгоизма. Ум ребенка пока еще чист: не хитрит, о выгоде не думает, только познает жизнь и используется, как добрый инструмент жизнедеятельности индивидуума. Конечной вершиной созидającego ума является такая вершина, когда стойко встретив все ухищрения и постоянные нападения ума-разрушителя, он уходит в высь — к вершинам Гармонии, где и озаряется Божественной Силой Вечности. В результате — такой просветленный инструмент достигает своего идеала, своего истинного назначения. Ум становится Божественным Инструментом, контактируя со всем Миром и Вселенским Разумом.

Получается, что человек обязан научиться пользоваться таким великим инструментом, данным ему изначально чудом, как УМ, чтобы обрести свою большую судьбу и понять закон Причинности, по-настоящему почувствовать счастье вечного мира и его Создателя. И, отдавшись ему по Любви, наслаждаться жизнью в этом огромном мире, освободиться от мытарств, эгоизма, страдания и от никому не нужной борьбы, — от Обмана и Смерти. Мне кажется, тогда каждый наш земной человек, заблудившийся в ущельях Времени, наконец - то, обретет свой путь с помощью своего просветленного Ума, преодолев плотные слои "грязи" и , наконец, повернув энергию ума в вертикальное направление, к будущим возможностям. Тогда, видимо, и откроется ему так называемый Вечный Мир!

Но пока человек трагичен: сам себя обманывает, сам себя загоняет к смерти, вечно страдает, маленький эгоистичный ум становится его отвратительным хозяином и, как верный пёс, служит силам разрушения. Такой ум наполнен всевозможными хитростями, ищет только выгоду, заставляет сердце ненавидеть своих соперников и готов уничтожить их в любой удобный момент. В результате — экономический, политический, национальный, религиозный эгоизм господствует на земле вопреки Вселенской Гармонии.

А время идет час за часом: вот и новый век! Пробуждаются новые надежды в сердцах людей. Действительно, человек достоин счастья! Он настрадался, ему так нужен свет нового божественного века, его ум и сердце поистине затоскавались о Милости Высших сил. Действительно — жакшы тилек — жарым ырыс — то-есть, доброе чувство и есть наполовину жизненный стимул успеха, потому что мир не только материален, но он прежде всего духовен. И этот сложный, многослойный мир существует вначале в мыслях, а затем только материализуется. Хочется сказать сейчас и здесь: будьте осторожны в своих мыслях, станьте накопителем добрых мыслей, не давайте злу проникнуть сначала в собственную мысль, а затем — в сердце. Не давайте усиливаться отрицательным эмоциям, гоните их прочь — упрощаетесь! Живите естественно, то-есть, без злости.

Освободите свой ум от яда эгоизма. И такие изменения: через мыслящий ум, затем — через просветленный ум, наконец, — через озаренный ум, дойдут до божественных сфер настоящей духовности, и Человек сам почувствует присутствие Милости. Сначала научитесь контролировать свои мысли, чтобы человек, то-есть, ты, сам, не стал сложным явлением, состоящим из тела, чувств и ума, причем, окруженным негативным фактором обманчивости и смерти, не воспринимающий своего Создателя и хранителей, как “Иван, родства не помнящий!” Наоборот, будьте счастливы! Все перемены начинаются с Ума. Следите за ним! Пусть откроются верхние святые уюлы — энергетические чакры в самом человеке! Помогите самому себе! Мне кажется, что счастье уже стучится в наш разум, и сердце, радуясь этому, оповещает всех. Будьте счастливы! Приближается Радость очищенного Ума, праздник сердечной Доброты и познание Красоты вечного Мира! Будьте готовы к великим переменам!

1999

САМОСОЗНАНИЕ — ЗАЩИТНАЯ СИЛА НАРОДА

Каждый народ, если сильна его воля к жизни, обязан следить за состоянием своей духовности, обязан найти в себе защитные силы от уничтожения, от зла, быть бдительным. Как утверждает кыргызский эпос “Манас”, Жан (Душа) принадлежит КӨКӨТӨНЦИРУ (БОГУ), а Кан (Кровь) принадлежит НАРОДУ, чьим представителем является каждый конкретный человек. И дене дос (тело-друг), как явление временное, обязано служить Жан-досу (душе-другу) — сохранить чистоту крови через чистоту помыслов в себе, как естественный патриот жизни и народа. Причем, чистота крови достигается преданностью своему народу. Создав традиции, охраняющие от негативных явлений, именно народ, как категория более вечная, должен стать постоянным носителем духовности, чтобы отдельный человек не мог нарушить стремления самой жизни в её святости. Личность

не должна нарушать добрую традицию народа, наоборот, постепенно усиливать её с помощью энергии своего ума, души, тела, жизни и т.д. Олигархия ценностей, идущих от Вечного к временному, должна стать строгим нравственным законом жизни на земле, то-есть Бог правит землей через свои неизблемые законы, длительным силам подчиняя более краткие, создавая более жизнестойкий процесс.

Как свидетельствует кыргызский эпос, данная философия требует от человека постоянной искренней любви КӨКӨТӨҢИРҮ (БОГУ), и эта искренняя Любовь для человека есть самозащищающая божественная Сила его судьбы. Служа кровью самому близкому — своему народу, приумножая народную жизненную силу, даже жертвуя собой (например, как великий Манас) человек сознательно удлиняет жизненный путь народа к вечному. А вечность есть атрибут КӨКӨТӨҢИРА. То-есть, человек оставляет после себя свою любовь к жизни и народу, как вечному представителю Всевышнего на земле, и народ, поколение за поколением, приумножает духовные и др. ценные достояния, чтобы бессмертие восторжествовало справедливо: для всех, а не только для богатых и знатных.

Таким образом, согласно “Манасу”, каждый человек приходит в этот бренный мир с конкретной миссией — чтобы верно служить тому народу, которому принадлежит он кровью по воле КӨКӨТӨҢИРА, чтобы каждый народ шел по пути духовности и, независимо от численности, имел свободу жизни, подчиняющуюся законам Красоты, приобретая от Бога Жан (Душу), которая является постоянным свидетелем дене доса (тело друга). Человек, выполнив свою миссию, возвращается снова к КӨКӨТӨҢИРҮ — такова логически главная мысль океаноподобного “Манаса”.

Как свидетельствует многовековая история кыргызов, жить в гармонии с природой, свято относиться к ней, слушать Душу природы, чувствовать ритм живой Красоты, его бессмертность и абсолютно доверяться окружающему миру — все это сделало народ Манаса в течение многих веков народом, чувствующим себя, как дитя Природы. Проводя кочевой образ жизни, ограничив себя в удовольствиях, но

мощно развив интуицию, приобретая феноменальную память. психическое совершенство, наш народ смог сохранить свои традиции, стать родным для поднебесных гор.

Естественно, если внешний мир дал бы возможность кыргызам жить своим образом жизни, в традициях кочевой цивилизации, не погрязшей в алчности материализма, внешней комфортности, культурной чванливости, мне кажется, интенсивнее пошел бы контакт с внеземным Миром — такая духовная сила могла бы стать связующим звеном этой грандиозной перспективы — дальнейшего развития земной цивилизации в новом веке. Ибо в земной жизни все временны, и только ориентированная на духовность цивилизация имеет шанс выжить, при ее сближении с галактической цивилизацией, что и произойдет в ближайшем столетии.

Но сейчас время варварского отношения к природе усиливается, с каждым годом уменьшается защитная сила земной природы. Вместе с тем, наш доверчивый народ, всегда чувствовавший себя, как дитя природы, испытывает большие трудности. Но иронии судьбы, Кыргызстан становится местом скопления ядерных отходов. Народ беднеет с каждым днем. Кыргызстан как колыбель кочевой цивилизации не оценен по-настоящему и насильно ориентирован теперь на западной образ жизни, объявлен “общим домом”, и традиционные жители из-за бедности фактически лишены перспективы. Не ожидает ли нас судьба индейцев, живущих в резервациях?..

Современное состояние народа плачевно. Жан (Душа) мучается и интуитивно ожидает Милости КӨКӨТӨҢИРА; кровь кипит от зова предков. Так как кыргызский народ был образован духовной силой многих поколений, мы, нынешнее поколение, не имеем морального права быть беспомощными при решении своей судьбы, жить без угрызений совести и нейтрально наблюдать, как разрушается духовная сила целого народа, а его Родина постепенно становится ареной азартной игры сверхмогущественных держав. Мужество каждого должно снова стать защитной силой Ата Мекена. Кыргызстан может стать “общим домом” только для искренно любящих Родину людей, а не для выгоду ищущих.

В такое отчаянное время возможно ли забыть традиции Манаса, Култегина, Бакая, Алманбета, Кошой и др патриотов кочевой цивилизации, их преданность и неподкупность? Возможно ли нам забыть те трудные дни прошедшей истории, когда наш народ не раз оказывался на грани исчезновения, сумев, однако, выкрутиться, благодаря вере в Көкөтөңира и себя, как народ, где каждый человек стал истинным патриотом и сумел вовремя сплотиться вокруг священных идей во имя жизни и свободы.

И снова идет борьба за выживание! Идет не с мечом, идет очень методично и точно, идет на уровне ума и духовности, идет экономическим методом, со всех сторон — тихая ползучая война... Шаг за шагом она побеждает нас, диктует жесткие законы рынка, где всё превращается в товар, все продается и покупается, и целый народ становится уже не хозяином своей судьбы. Кредитный десант, приземленный в дни эйфории нашего суверенитета, моментально вдохновил местных коррупционеров, безропотно подчинив их себе. Его экономическая “петля” с каждым днем все более затягивается, заставляя народ Кыргызстана отходить на грань бедности, имея к тому же реальный груз на своих плечах — долг в 1,5 миллиарда долларов.

Суждено ли нам быть хозяевами своей судьбы? Сможем ли стать дальше народом? Какая духовная сила возглавит нынешний этап на выживание? Вот вопросы, мучающие простых патриотов Кыргызстана. Мы снова вынуждены обратиться к прошлому, чтобы вновь отыскать непреходящие ценности во имя спасения отечества.

Таким образом, мы обязаны обладать высоким самосознанием, чтобы сделать его защитной силой народа и найти более крепкую государственную структуру во имя возрождения.

“1999

ЭНЕРГИЯ ЛЮБВИ СПАСЕТ НАС

От безграничного господства денег и алчности, от варварства против природы на земле страдают все.

Бездуховность, опирающаяся только на материальные богатства, работает денно и ночью против самой жизни. Хочется кричать во весь голос: "Дальше так нельзя!" Но надежда умирает последней. Неужели нет другого пути цивилизации, где только одни деньги не правят балом, а выполняют свою скромную функцию, явно не претендуя на роль земного Бога? И очевидно всем: где господствуют деньги — там не работают законы гуманизма, человеколюбия, вечности. Неужели земная цивилизация исчерпывает последние шансы выживания? Как нам быть? Возможно ли изменить природу денег или она будет диктовать и дальше? Естественно, — это нелегкий вопрос! Но безвыходных ситуаций не бывает. Созданный Всевышним мир всегда универсален, очевидно, деньги тоже выполняют ту роль, которая необходима на современном этапе развития земной цивилизации, и, тем не менее, деньги — не главное. Главная проблема современности — это найти универсальный источник энергии — тогда все изменится в хорошую сторону. Деньги будут вынуждены отдать свою власть более нравственным силам. Для этой цели, убедившись, что так дальше жить нельзя, когда идет борьба за выживание земной цивилизации, оставляя свои претензии, религия, наука и культура в самом широком значении этого слова, постепенно объединятся. Тогда каждый не будет считать себя последней инстанцией Истины. Уже сейчас как-то затихает спор между материей и энергией — спор между видимой и невидимой частями единого целого, взаимообогащаются практицизм Запада и идеализм Востока, дифференциация науки достигла своего предела, идет процесс интеграции на более высоком уровне, национальные культуры уже перестали стремиться к господствующим положениям, начали осознавать универсальность, всеценность истинной культуры — все эти факторы, вместе взятые, обнадеживают, что земная цивилизация вырвется из лап алчности, и человек дорастет до понимания сердцем значений законов Любви. И ее энергия, возвратившись обратно, объединится с Энергией Любви Космоса. Как-то так я представляю себе путь Истины, начертанный Всевышним!

ЗЕМНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ — НА ПУТИ К ГАЛАКТИКЕ

В недавнем прошлом мы, земляне, чуть ли не считали себя единственными живыми представителями цивилизации во всей Галактике. Слава Богу, теперь мы знаем, что есть более развитые цивилизации. В данное время идет интенсивная связь с этим галактическим миром. Мы чувствуем, что они готовы помочь нам подняться на более цивилизованный уровень, появляется более реальный шанс быстрее войти в общегалактический процесс. Разве это не новая эра? Но мы должны проанализировать наши основные недостатки и увидеть перспективу.

Об этом я мечтаю не на пустом месте, а ознакомившись с теми материалами, которыми владеют Бейшенкул Джумашалиев и его коллеги. Я был удивлен, что в нашем Кыргызстане идет интенсивная связь с инопланетной цивилизацией. И это будет практически еще более осуществлено в новом грядущем веке! Очевидно и то, что природа самого человека должна меняться в сторону улучшения, и мы вынуждены будем оставить наш родной земной эгоизм, алчность, ненависть др. отрицательные качества, мешающие человеку стать общегалактическим разумным существом. Для этого откроются заложенные природой возможности нашего организма, и мы приобретем черты универсального мира. Мы воочию увидим жизнь без болезней, а, возможно, и без смерти. Образ жизни, уровень образования, а также качество получаемых информации будут иными, деньги уйдут на второй план. Я реально чувствую, даже вижу перспективу нашей жизни в новом веке. Мне ясно, что придет она — эра Богочеловека, эра Божьего Царства на земле, как утверждали пророки прошлого. Именно об этом нас извещал великий индийский мыслитель XX века Ауродиндо Гхош.

Люди, будьте готовы к таким изменениям!

1999

ТУГЕЛЬБАЙ АТА

Однажды, когда я учился на Высших Литературных курсах в Москве, был приятно удивлен тем фактом, что академик А.Ф.Лосев, этот глубокий старец (тогда ему было за 80 лет), признанный гигант современной гуманитарной науки, начисто забыв о течении времени, с молодым задором, самоотверженно трудился каждый божий день. С каким восхищением говорили о нем посещавшие его люди! Я представлял себе старика, освещенного как бы божественным светом. Его взгляд устремлен в глубокий таинственный античный мир, к истокам европейской цивилизации, и мне заново открылись бессмертные строки Гете из "Фауста":

Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой.

Да, я был горд за Человека и рад, что и в наше время живут на земле "современные Сократы", такие люди, как академик А.Ф.Лосев и наш Тугелбай Сыдыкбеков. Они трудятся во имя совершенствования человеческой натуры, пусть, может, они и одиноки, потому что они единичны, — эти люди подотчетны Вечности. Слава Богу, оказывается, есть и люди, понимающие и оценивающие значение таких неординарных Личностей. Мне было вдвойне приятно, что московская интеллигентная прослойка с особым уважением относилась к А.Ф.Лосеву, гордилась тем, что рядом неутомимо трудится гений, ищет безошибочный путь для людей, чтобы каждый из них стал Человеком, ищет человеческое начало в давным-давно ушедшем античном мире, ищет нечто Вечное, чтобы мы не ошибались и сейчас, и в будущем. Мне кажется, именно таким человеком и был академик, крупнейший эстетик XX века А.Ф.Лосев.

Тогда, в Москве, будучи человеком с Востока, я поневоле сравнивал, искал в своих мыслях: есть ли у нас подобные натуры, работающие неустанно, как пчелы, чтобы оставить для будущих поколений добротный медовый "взятки". И в ряду славных сыновей кыргызского народа первым пришло на ум имя Тугелбая. Вспомнил его бес-

смертную книгу "Кок асаба". Сыдыкбеков, как и Лосев, искал в ней свой кыргызско-тюркский античный мир, нашел его и представил своим читателям. Да, наш народ, в какой-то степени потеряв в первые годы XX века свою твердость духа, национальное начало, глубинное осознание, исторические корни - целый народ находился в состоянии запуганности от ритма нашествия западного прогресса и его неожиданного появления. Сначала колониализм, а затем и социализм структурно убыстрили этот незванный приход западного образа жизни, со всеми его плюсами и минусами. Мы еще не опомнились, и народное эстетическое восприятие в какой-то степени уже не имело шанса на существование, потому что не было главного - твердости народного духа. И мы были довольно быстро и надолго отрезаны от мировоззрения большого Востока, где наши корни естественно впитывали духовное благо. А дорасти до западного мировосприятия безмерно трудно. Так мы и остались в объятиях Запада. Хотя мы и имели "Манаса", но выглядели беспомощными, как будто наши предки жили, не познавая мир, и не оставили духовного наследия, чтобы противостоять капризам реальной жизни. Духовные опоры были шаткими. Как это мучительно! Тогда, в числе первых поколений наших истинно образованных людей, нынешний народный баатыр, признанный теперь классик современной литературы, академик Тугельбай Сыдыкбеков возвратил кыргызскому народу уверенность. С глубоким читательским уважением я повторяю, что, написав бесценную "Кок асабу" - книгу нашего самопознания, он дал народу философию нашей кочевой цивилизации, исторический оптимизм, ту философию, что идет параллельно тибетской, даосской, индийской, славянской, суфийской.

Таким образом, как истинные мудрецы Востока и Запада, наш патриарх Тугельбай Сыдыкбеков, чтобы проложить путь к неизвестному будущему, свой взор обратил на источники жизнепознания - древнетюркскую письменность. В числе первых он пропустил через свой творческий ум и писательское сердце опыт давно прошедших

поколений, стал по-настоящему мостом между прошлым, настоящим и будущим, т.е. нашел ключ к Вечному, Истинному. В этом А.Ф.Лосев и Т.Сыдыкбеков родственны. В этом я вижу несравненную заслугу Тугельбая Сыдыкбекова, крупнейшего реалиста кыргызской литературы советской эпохи, живого носителя народного духа и искателя вечной истины.

Народом давно и по достоинству оценены и другие его книги, такие, как “Кен-Суу”, “Темир”, “Биздин замандын кышылери”, “Тоо балдары”, “Зайыптар”, “Ыйманбайдын пейили”. Каждая его книга имеет своего преданного читателя и является нашим национальным достоянием.

Тугельбай Сыдыкбеков - это, несомненно, разносторонне реализованный талант, энциклопедист кыргызского языка, он представляется нашим Львом Толстым, не только как реалист, но и как совесть нации. Мы гордимся вами, Тугельбай ата!

Пусть горечь за отсталость
Наших предков
В тебе прорвется
Солнечным лучом.
С надеждою смотрю на Вас,
Братишки.
С волнением на старшего
Смотрю.

1997

ОБНОВЛЕННАЯ НАДЕЖДА

Вот и весна. Позади зимние трудности, а впереди - обновленная надежда. Каждый из нас окружен проблемами жизни. Порой эти проблемы невыносимы, и сама атмосфера безысходности, ой, как нас угнетает!

Да, все мы находимся на полосе Вселенского испытания. На весы поставлены Добро и зло, Сострадание и

эгоизм, Любовь и ненависть, Мужество и малодушие. В конечном итоге, согласно общей карме, мы придем к миру или хаосу. Оба варианта, можно сказать, реальны, но хочется, все же чтобы в человеке было больше божественного, чем сатанинского.

Поневоле мы вынуждены осознать наше теперешнее положение, поэтому каждый из нас должен сделать свой выбор, помочь себе сам, при этом быть хоть чуть-чуть добрее, сострадательнее, трудолюбивее. И понять умом и сердцем других.

Несомненно, в этом сила Весны. В такую пору человеку гораздо легче перестраивать себя самого и найти новый, более гармонический лад с обновленным внешним миром, самой природой, потому что есть шанс, данный весной, - стать поближе к Матери-земле, земле-кормилице. Только зря не потеряй быстротечные дни весенней поры...

Теперь мы знаем что такое - гуманитарная помощь, реально почувствовали расчетливость капитализма, смысл и цель внешних кредитов. Мы также осознали цену человеческого труда: любой народ, не сумев хотя бы сам себя накормить, - неизменно попадает в унижительное положение.

И хочется, чтобы обновляющая весна прежде всего пробудила достоинство, веру в свои силы, и чтобы мы - кыргызстанцы - еще больше стали уважать свой менталитет, человека труда. В этом случае, может, и преодолеем пропасть отчужденности народа и властимущих. Только добрый настрой, взаимодоверие и искренность плодотворны. Лицемерие же очень опасно, когда оно становится политикой враждующих политических сил.

Пойдем ли мы надежду пришедшей весны? Готовы ли мы вместе с великой природой понять дух весны и полюбить ее?

Вот и Весна. Встречай!

Прими весну.

Откликнись всей душою.

Промешкать бойся.

Праздным быть страшись,

И станет пусть навек твоей судьбою
От спячки пробудившаяся жизнь.
Встречай весну и песней и работой,
Плотины ставь и расчищай пути.
И вместе с этой вешнею природой
Возрадуйся и тоже расцвети.

1997

ВЗЛЕТНАЯ ПОЛОСА ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

“Мы живем в горах и среди гор, в долинах... Мекен – по-киргизски Родина, тагдыр - судьба: “Мекенимдин тагдыры” – судьба Родины моей! Какое сердце не встретится при этом, какая душа не преисполнится чувством сыновней привязанности и благодарностью к родной земле, породившей его народ”.

Так восторженно на патриотической ноте писал о Родине Чингиз Айтматов - первый всемирно известный кыргыз, которому сейчас семьдесят, который с большой энергией души воистину гениально использовал жизнь гор и степей в качестве взлетной полосы для своей всемирной славы. Причем, создавая бесчисленные галереи ярких образов, стал первооткрывателем, особенно в Европе, кочевой цивилизации народов Центральной Азии. И сегодня он действительно признанный и много издаваемый во всем мире писатель.

Хотя по велению времени Чингиз Айтматов достиг семидесятилетнего рубежа, возраста мудрого старца, он продолжает, как Фауст, упорно трудиться, постоянно совершенствуясь и реализовывая свой творческий потенциал. Надеемся, что он станет в ближайшем времени Нобелевским лауреатом, его здоровое тщеславие достигнет золотой вершины своей художественной мечты, и его всемирная слава начертит полный круг законченности. Воистину наш Чингиз Айтматов зримо соперничает с

вершинами мировой литературы.

Испанский поэт Антонио Мачадо утверждал точно, что вершины мировой литературы становятся народными: "Писать для народа – называться Сервантесом в Испании, Шекспиром в Англии, Толстым в России..." Продолжая эту логику, мы бы сказали - "Манасом" у нас, в Центральной Азии". А Чингиз Айтматов? А он - "океаноподобен" ли? Гигант Достоевский чистосердечно признает достоинства "Дон-Кихота" Сервантеса: "Во всем мире нет глубже и сильнее этого сочинения. Это пока последнее и величайшее слово человеческой мысли, это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек, и, если бы кончилась земля, и спросили там, где-нибудь, людей: "Что вы, поняли ли вы вашу жизнь на земле и что об ней заключили?" — то человек мог бы молча подать Дон-Кихота; "Вот мое заключение о жизни и — можете ли вы за него осудить меня?" (XII, 235, 255)

Сам Чингиз Айтматов так пишет о Шекспире: "Шекспир должен был достигать гигантских художественно-философских обобщений. Он должен был стать неугасимым вулканом человеческих страстей. Для того, чтобы ответить на эти вопросы, Шекспир должен был стать самым яростным обличителем зла, коварства, низости, властолюбия и тирании. Для того, чтобы ответить на эти вопросы, Шекспир воспевал в своих героях свободу мысли и духа, непримиримую борьбу добра со злом, он возвеличивал поборников справедливости, людей, обладающих высочайшими качествами человеческой совести, он возводил до божественной святости героические натуры, героизм которых заключался в благородстве поступков, в чистоте совести, в чистоте любви; в чистоте помыслов и побуждений. Все это ему удалось, и благодаря этому подвигу, имя его стало бессмертным."

Толстым Ч. Айтматов восхищается: "Да, Толстой — действительно чудо!"

Вот так. Возможно, Ч. Айтматов, как детище XX века, более практичен, он, возможно, опережает по тиражу Сервантеса, Шекспира, Толстого, тем более, что они не гнались за

успехом, а Сервантес даже большую часть своей жизни провел в тюрьме, они, как писатели XX века, не лукавили, не были свадебными генералами, не сидели в президентских советах, не использовали попутные дипломатические возможности, в нужный момент не молчали, когда происходили экологические и иные трагедии как, например, Барскоонская. Наоборот, Лев Толстой ради истины осмелился идти против синода и писал: "Я начал с того, что полюбил свою православную веру более своего спокойствия, потом полюбил христианство более своей церкви, теперь же люблю истину более всего на свете".

К сожалению, вот тут у многих знаменитых писателей XX века, "литературных пророков" нынешнего технократического времени с практичным умом, начинается большая трещина в самой правде - нравственной сердцевине таланта, умеющего приспосабливаться ради успеха. В результате, к сожалению, слово начинает расходиться с делом, и камень, отколовшийся от истины, преграждает им путь к бессмертию, хотя человек очень талантлив.

Тем не менее, у Чингиза Айтматова есть большой шанс остаться в истории мировой литературы в качестве прилежного воспитанника русской, а затем и европейской школы художественного слова, хотя он по происхождению человек Востока. Но он как художник - типичный западник. Его не сравнить с Рабиндранатом Тагором или Ясунари Кавабатой, он находится даже "западнее", чем, например, Герман Гессе. Поэтому, естественно, что Ч. Айтматов упорно отмечает "непримиримую борьбу добра со злом" у Шекспира - он сам азартен в борьбе, он более гуманен теоретически. Но это общая болезнь западного мировоззрения.

К счастью, бессмертный Лев Толстой был одновременно человеком Востока и Запада, он поднялся выше "непримиримой борьбы добра со злом" и утверждал: "Опять убийства, опять уличные побоища, опять будут казни, опять страх, ложные обвинения, угрозы и озлобление - с одной стороны, и опять ненависть, желание мщения и готовность жертвы - с другой. Опять все русские люди разделились на

два враждебных лагеря и совершают и готовятся совершить величайшие преступления". Так от души не приемлет враждебность Лев Толстой в своей статье "Царю и его помощникам". Как и у Махатмы Ганди ненасилие было философским кредо Льва Николаевича Толстого и в этом смысле - он европейский буддист.

Чтобы доказать западность мировосприятия Чингиза Айтматова обратимся к Рабиндранату Тагору, его статье "Шакунтала", где поэт великолепно доказывает разницу мировосприятия Запада и Востока на примере аналогий между шекспировской "Бурею" и "Шакунталой" Калидасы. Р. Тагор пишет: "В "Шакунтале" мы видим, что и в пороке есть свой смысл, эта пьеса — убедительное доказательство того, что по воле создателя в этом мире даже зло призвано служить добру. Только под ударами зла добро приобретает истинную силу и озаряется вечным сиянием. . . В "Буре" господствует, насилие, в "Шакунтале" — покой. В "Буре" победа достигается силой, в "Шакунтале" — благодаря добру. "Буря" задерживается на полпути, "Шакунтала" достигает полного завершения. Миранда очаровательна в своей простоте, но эта простота вытекает из неведения и неопытности, простота же Шакунталы — это простота, познавшая измену, страдание, терпение и милосердие, простота, умудренная опытом, глубокая и нерушимая. И мы повторяем вслед за Гетте: "В "Шакунтале" красота юности достигла высшей зрелости и соединила мир земной с миром небесным". (Р. Тагор том XI, стр. 85) Р. Тагором прекрасно раскрыта суть эстетики таинственного Востока. Мне кажется, что после прелестной "Джамили" Ч. Айтматов целенаправленно работает на Запад, но на восточном материале, причем без мировоззрения Востока и в первую очередь на Западе достиг уникальных успехов.

Естественно, Восток и Запад - это "вечный спор". Возможно, в XXI веке сформируется единый философско-эстетический взгляд человечества, и даже бессмертные гении будут тогда оцениваться иначе, "соединив мир земной с миром небесным", и полифония "Гавро Касандры" будет

звучать совсем иначе... Пока же Айтматовский космос ограничивается читательской околоземной орбитой. Для нас и это есть большой шаг. Потому что, высота достигшая писателем большой славы, имеет жизнеутверждающую мощь в глубине многоликого бытия.

Но Запад в глазах мыслителей измучен и убежден, что смерть – это наиболее очевидное для человека проявление бессмысленности жизни. И возникает мысль о том, что существование смерти обязывает человека либо отказаться от жизни, либо придать ей восточный смысл, который не уничтожается смертью. Один из учителей Ч. Айтматова великий Достоевский писал: “Пусть уж лучше я был бы создан как все животные, т. е. живущим, но не понимающим себя разумно; сознание же мое есть именно не гармония, а дисгармония, потому что с ним я несчастлив” (“Приговор”). Налицо “трагедия непонимания, вернее ложного понимания человека человеком, личности - обществом, бога - человеком” (Г. Гессе). Диагноз поставлен точно, червь проник в сердце человека. Но где выход? После такого “кризиса духа и всей жизни” мудрый Герман Гессе сделал сознательный шаг к Востоку.

Западник Чингиз Айтматов считает, что “Разум – наша надежда”, и призывает к планетарному мышлению, но, к сожалению, его новое мышление в политическом аспекте привело к распаду СССР. В результате как идеолог демократии он живет на Западе, как-то отчуждаясь, даже потеряв свою искренность к родному Ата Мекену. Издалека нейтрально наблюдает наш семидесятилетний мудрец с высоты своей славы - для народа может он станет кыргызским Шекспиром? В любом случае, мы гордимся тем, что для его мирового успеха Кыргызстан со своей культурой стал взлетной полосой и искренне радуемся этому.

Как мастер художественного слова Чингиз Айтматов уникален, он поднял своих читателей на уровень европейского мышления, и теперь мы искренне идем на встречу Запада и Востока ради формирования планетарного мышления в целях приобретения гармонии в мировом масш-

табе. Возможно, Чингиз Айтматов ждет нас, находясь на Западе, и, естественно, что и Восток должен идти навстречу - может миссия Чингиза Айтматова в этом и заключается?

Таким образом, 70-летие крупного писателя, заставляет нас думать обобщенно, неся эстетическую нагрузку, ставя нравственные вопросы самоусовершенствования человека, - в этом сила мыслителя такого масштаба!

1998

ЛУННАЯ СОНАТА

Евгений Евтушенко писал:

Как получиться, в мире так могло,
Забыв про смысл ее первопричинный,
Мы женщину сместили, мы ее
Унизили до равенства с мужчиной?

Да, поэт прав! Если бы мы женщин всегда возвышали, то смогли бы сохранить и высокую нравственность, - тогда, возможно, не возникли бы нынешние жестокие проблемы..., проблемы отчужденности, волчий закон взаимоуничтожения, беспредельное самообогащение на фоне обнищания многих - многих семей.

Естественно, женщина- мать Рождения, она чудодейственная сила жизненного обновления на земле и идеал Красоты, она также символ самопожертвования. Женщина- тайна Природы, источник Любви! Можно дальше и дальше размышлять и возвеличивать наших дорогих женщин, но всегда трудно найти подходящее слово достойное их величия! Женщин достоин лишь тот, кто их беспредельно любит. Однако нашу реальность трудно совместить с такой любовью.

Время суровое! Идет борьба за выживание. Жизнь заставляет женщину забыть, что она женщина. Мы разве понимаем их любовь и самопожертвование?! Отчаянность и напуганность гнездятся в женских сердцах, нехватка средств и душевная боль сопровождают их везде. Опасность

стучит в их дом. Сломлены нравственные устои, защищающие женщин от пошлости, - проституция становится профессией, господин доллар делает свое дело, Несмотря на это, в столь трудное время, кажется, женщины оказались более жизнестойкими, чем мужчины. Ради сохранения семьи они быстро "освоили" страны и внутренние рынки, и женские "туристические батальоны", как трудолюбивые пчёлы, отовсюду собирают "пропитание для себя и своих родных". Одним словом, женщины отчаянно защищаются, ищут пути; приспособляются к нынешним условиям, защищают себя и свою семью от дикой жестокости реально вернувшегося капитализма. Хотя женщины вышли в своем большинстве на базар, но их стремление сохранить семейные устои видно во всем, Слава Богу, во многом это им пока чудом удается.

И жизнестойкая, трудолюбивая женская рука снова и снова вынуждена трудиться, возможно, жертвуя собой, чтобы изменить Судьбу к лучшему. Дай Бог, чтобы эту сверхчеловеческую задачу они осилили. Однако представить себе невозможно ту трагедию, ту жестокость, которая постепенно ломит отчаянное сопротивление женщин, защищающих свой семейный очаг!

Сохранить семью, ее жизнеобеспеченность. - вот нынешнее стремление души женской, иначе - хаос! Ради этого женщины трудятся, унижаются, жертвуя собой. Они знают, если сохранят семью материально и духовно, то сумеют сохранить и свое традиционное счастье.

Мне кажется, что каждый из нас обязан помочь женщине сохранить семью, сострадать сердцем и умом, иначе мы все потеряем шанс выжить как достойное общество.

Спокойно ли вокруг?
Что же, мать молодая,
Ты не можешь уснуть
И, поднявшись с постели,
К колыбельке подходишь,
Берёшь дорогое дитя

И даешь ему грудь.
Как он чмокает сладко во сне!
Как нужны вы друг другу!..
Окно распахнула пошире
И, стоишь, озаренная
Летней луной молодой
И своей безграничной
Святой материнской любовью.

1997

НАДЕЖДА СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

Хотя кыргызстанцы живут в самом центре Азии, на стыке основных мировых культур, но судьба распорядилась так, что мы оказались представителями древней кочевой цивилизации Евразии. Мне кажется именно отсюда проистекают наши достоинства, а также характерные недостатки. Да, мы народ в своем большинстве аграрный, то есть сельский, пришедший только недавно к оседлости. И очень упорно стремимся к европейскому образу жизни.

Естественно, наша природная наивность никак не сможет противостоять компьютеризированным ухищрениям нынешней цивилизации, однако, и нам хочется жить достойно. Мы чистосердечно и широко “отрылись” внешнему миру, и этот “готовый на помощь” внешний мир шаг за шагом начал нас “цивилизовывать”. И, естественно, мы тоже стараемся, осваиваем свою роль “подражателя” различных мировых моделей. А подражая всему и во всем, можно ли быть свободным? Как нам быть? Куда идти? Как сохранить Богом данную нам сущность?

А может, действительно, пришло время выгоднее выторговать права человека? Мог ли каждый из нас называться Человеком? Или это политический крючок? Можно ли, приобретая права человека, не потерять свою историчность и народность? Вообще, в современных

условиях, как нам сочетать “кыргызскую душу с европейским знанием?” Что потеряем, а что приобретем? Душа и ум - что первично?

С приобретением демократии Кыргызстан действительно открылся всем ветрам цивилизации”: масскультуре, наркомании, порнографии, коррупции. Все это невероятно быстро адаптировалось к нашим условиям и живет в дружбе и прекрасно сосуществует с алкоголизмом, родной бюрократией, казнокрадством. Народ раздроблен: простой маленький человек теперь одинок и достаточно плотно окружен нищетой.

Обидно, что “негативы” десятикратно опережают “позитивы”! Не приближаемся ли мы к такой черте, где не будет, как такового, народа, хотя будут губернии или штаты, где будут “права человека”, но самого высоконравственного человека не будет? И вокруг будут танцевать под музыку масскультуры, люди имеющие “право” пировать, пьянствовать и покупать все и вся. Разве это перспектива?! Что думают “ново-кыргызы”?

Как нам научиться противостоять негативным явлениям “цивилизации” при открытости общества и сохранить свою жизнестойкость, ту великую силу народа, устоявшую во все испытания времени? Мне кажется, тут “гумпомощь” не поможет, если мы не поможем сами себе величиим духа.

Раз мы бессильны перед кредитным дождем, после чего, видно, соберем обильный урожай “долгов”. Так, куда же ушла воля народа, где его сплоченность, жизненный патриотизм, опора на местный труд, как мы оказались в близи паразитирующей атмосферы?

И все-таки в душе есть пока надежда. Основа этой надежды - благодатная отцовская земля, осознание опасности нынешнего состояния, твердость народного духа, упорный труд во имя выживания.

Пока нас также сильно выручает наша прирожденная кыргызская терпимость и естественная природная доброта. Поможет ли на этот раз?

О жизнь,
Не дай перед норой моей
Капкан поставить!
Двустволку отведи,
Когда устало крылья я
сложу,
На озеро родное
опустившись,
Или тропой пойду на водопой,
обереги меня,
Пускай моих корней не
перережут,
Которыми так связан я с тобой,
С моей землею,
С небом,
Ветром,
Солнцем,
Дитя твоё родное - Человек.

1997

СЧАСТЬЕ ВСЕМ

Единое поле!.. Даже представить себе невозможно — бескрайняя Вселенная и микромир доходящий опять до пустоты... ВСЁ взаимопереходит, взаимопроникает. Прямо дрожь берет. Так, долго посидев в окружении медитационной тишины, почувствовав могущественную пустоту, её вечную силу галактической энергетики, я сперва поймал необъяснимую радость внутри себя и вспомнил теорию живописи востока, так называемый “нулевой путь” — опять круг замкнулся. “Нулевой путь” - идеальное отсутствие; царство великого нуля. Противостоит наполненности; нуль вкусового ощущения, нуль красочного восприятия, нуль деяния - постижение и идеальное воплощение необъятного мироздания. Нуль пребывает в идеальной древности; нуль -

это самоотрешенность, бесплотность, бескрасочность, безбрежность, тишина... Нуль - это не нуль! (Не знаю, как еще можно объяснить?!) Возможно нуль есть бессмертность Любви самого Всевышнего? Пока я не могу по-другому воспринимать Единое поле, но я знаю, что "Единое поле" присутствует во всем проявлении материи, и оно как сила вечности одухотворяет жизнь... Но как доказать? Сможет ли Человек физически объяснить величие Бога? Может Самат Кадыров говорить об этом на языке формул? В мире много еще таинств. Например, цифры Пифагора или китайская классическая "Книга перемен". Но Запад и Восток голько - только начинают понимать друг друга. И вот - Самат Кадыров! Неужели он сблизил две крайности, нашел срединный путь намеченный когда-то великим Буддой, и человечество после грехопадения Адама, после бесконечных мучений поколений снова выйдет на озаренный уровень, на Единое поле Гармонии - к бессмертию? Какая радость! Мечтая об этом, самопожертвовал Христос! Об этом в "Коране" воспевал Мухаммед! Приближается ли Рай? Возможно ли жизнь эгоиста-человека в Раю? Неужели человек выбросив на свалку истории шкуру своего эгоизма, наконец, приобретет совершенное мышление? Слава Аллаху! Единое поле - что это за тайна? Неужели закончится многовековой спор между Наукой и Религией? Неужели Человек достойно воспримет свое счастье! Даже так: если нынешний человек — наш Самат Кадыров — если даже идет по этому великому пути, - он действительно заслуживает глубокого уважения, как кыргызский брахман, по нашему как настоящий Акылман.

Свами Вивекананда писал: "Вся Вселенная для него полна любви и только любви. Такой она кажется истинно любящему. Если человек имеет в себе эту любовь, он становится вечно блаженным, вечно счастливым, и это блаженное безумие божественной любви может навсегда излечить все наши мирские болезни." Но это другой большой разговор... Неужели возможно объяснить физической формулой природу Любви? Если так, то тогда теория об

Едином поле, действительно оповещает о новой эре — счастья Всем! Воистину, Любовь - есть высшее проявление Энергии.

1998

НАРОД БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НЕ ИМЕЕТ БУДУЩЕГО

“Не нравишься ты мне, жалкий ты, не нравишься, сын мой, кровь моя, первенец мой, моя надежда, плохой ты, злости в тебе никакой. У Ишхана все злым должно быть: и собака на цепи, и дети, и крапива у изгороди, и змея в палисаднике. А ты нехороший. Кого ни спрошу, хвалят тебя и смеются, — мол, и добрый ты, и совестливый, да -а -а... И этот смех их меня - ножом по сердцу, ранит меня, сын мой, сын мой.

Говоришь, совесть, но совесть, знаешь, когда хороша, - когда она у зверя. А у тебя не совесть — жалкий ты, вот в чем дело. Весь Ванкер был благодарен Ишхану за что, думаешь? Он мог навредить всем. Мог ведь, сам знаешь, страх перед ним, как смерч, висел и каждую минуту мог обернуться молнией и разорваться над любым. И для всех было великой милостью со стороны Ишхана, что молния эта не разрывалась, а то иной милости, иного прока от него никому никогда не было.

...Совесть, на совести еще совесть, одна сплошная совесть, внутри - совесть, снаружи — совесть. Это совесть или тряпичный заяц, сын мой, моя забота, мое несчастье, мое беспокойство, мой груз пожизненный, горе мое” Так начинается знаменитая книга Гранта Матевосяна.

Действительно, это извечный вопрос. Вопрос зла и добра. Как быть человеку? Например, при социализме вроде бы старались жить по морали. Теперь - свободное общество. Рвачи сейчас не только открыто действуют, они - в почете, они - сидят наверху, заседают, дерутся между собой. Кто

имеет совесть - теперь они сверхбедные. Они - ничто. О них вспоминают, когда референдум или выборы, делают вид, что о них заботятся, организуют встречи. даже награждают. увеличивают на это время пенсию, около них суетятся. раздают иногда гумпомощь, иногда водку. Вот какие заботливые! Прошли мероприятия - начисто забывают. А самое главное - сумели очередной раз обмануть, протолкнуть своего. И в очередной раз, увидев потом страдания сверхбедных, действительно имеешь "пожизненный груз". Но когда кончатся мытарства? Или выгодно всем нам жить не по совести, открыто превратиться в хищника. жить по законам джунглей?

Конечно, и народ "сам виноват", народ сам "готов обмануться", люди слишком доверчивы, слишком быстро веруют сладким словам, и "сильные" умело пользуются их неорганизованностью. Дальше некуда, уже всем вредит слабость политических партий. Кыргызстан отстал политически. Далее привыкать жить не по совести, значит жить на грани разрухи, войны, и беспредела. Стократно обманут народ, далее некуда. Цивилизованная и организованная оппозиция - сегодня уже необходимость.

Ясно, что Кыргызстану не потребуются много партий. Но уже видны ориентиры трех блоков: те, кто исповедуют демократию, рыночную экономику, индивидуализм, западную модель - первый блок политических сил.

Второй - те, кто за социальную справедливость, за коллективный подход, за государственное регулирование, то есть за демократический социализм.

Третий - те, кто за национальный путь развития, за сохранение традиционного эстетико-философского азиатского варианта, со стабильным отношением к природным условиям.

Если дальше народ сам не будет вмешиваться в политику через укрепление и укрупнение партий, создавая перспективные политические силы, ясно, что не только народ будет вечно обманутыми, но и начисто забудутся понятия справедливости и совестливости, можно даже через

конфликты и провокации попасть в большую неприятность - для этого у нас есть достаточные предпосылки.

Именно народ, то есть сверхбедные, должны во имя нормальной жизни активизироваться, иначе наши вожди здорово научатся манипулировать.

В этом плане 1999 год наиважнейший, даже решающий и первейший долг демократического президента - создать систему противовесов настоящих политических сил народа и укрепить систему справедливых работающих законов, регулирующих своевременно противоречия супербогатых и сверхбедных, иначе уже всем ясно, чем тут пахнет.

1998

БОЛЬ ОМАРА ХАЙЯМА

Мне, простому гражданину Кыргызстана, сегодня очень больно. Что мне делать? Главенствует чувство отчаяния, теперь уже ясно, что 17 октября, после Референдума, я буду прощаться с кыргызским менталитетом и образом мышления и пока стану расчетливым и привыкну к западному образу жизни, уже буду лишен родной земли. Наша Родина станет обыкновенным товаром рыночного механизма, мы, "добровольно проголосовав", сами лишимся отцовской земли навечно. Неужели не будет Родины? Будут только одни товаропроизводители, выжимающие соки земли?

Бедный одинокий человек, оставленный один на один с сильным миром, сможет ли он выдержать давление кредиторов, сможет ли устоять в конкуренции с развитым миром? Понятно, что в океане рынка, наш красивый Иссык-Куль - капля, не успеет даже раствориться... Слабые должны уступить, другого не дано, взял кредиты - теперь плати! Вот, до чего мы дожили!

Черт возьми, мне хочется пить! Мне очень горько! Кыргызстан станет Базарстаном, без духовности, без культуры, без духа Манаса, без чувства Родины? Как нам

жить? Безысходность... Голосуешь или нет – ты уже морально живой труп.

Стало ясно, почему россияне пьют, почему “маленькие люди” в США сознательно становятся наркоманами - диагноз один: когда достоинство человека растаптывается, жизнь становится круглым нулем.

Но, к сожалению, я непьющий человек. Я верю Всевышнему, и если Аллаху угодно оставить кыргызов без Родины, без гордости так и суждено дальше существовать нам, как товарному червю под ногой рыночной экономики. Если мы коллективные предатели своей же судьбы, - что мне остается, кроме круглой пустоты? Перед вами человек полностью опустошенный! И пить-то не умеет!

Полное крушение: уходит почва из под ног. На столбе Референдума, как и моя судьба, уже повешены Судьбы миллионов кыргызстанцев – мы вынуждены одобрять это! После этого грешно оставаться трезвым.

Как же так получается? Как же мне себя утешить? Как найти снова смысл жизни?

Пей вино, лишь оно одно забвенье тебе принесет,
Душу врага лишь оно смятением потрясет.

Что пользы в трезвости? Трезвость –

источник мыслей бесплодных.

Все в этом мире — обман, и все бесследно пройдет.

Зачем копить добро в пустыне бытия?

Кто вечно жил средь нас? Таких не видел я.

Ведь жизнь нам в долг дана, и то – на срок недолгий,
А то, что в долг дано, не собственность твоя.

Сердце, воспрянь! Мы по струнам рукой проведем,
Доброе имя уроним с утра за вином.

Коврик молитвенный в доме питейном заложим,
Склянку позора и чести, смеясь, разобьем.

Вот строки Омара Хайяма. Видимо, и ему было трудно, но так он нашел себе выход! Как быть целому народу? Кыргызы – кочевники. Если Ала-Тоо будет рукой рыночной

экономики разделен на клетки с перегородками, куда будет кочевать наш свободный дух? Куда уйдет наша суть? Мы же жили, как дитя природы, и я надеюсь, что Аллах не оставит нас в этот трудный час, и мы возродимся снова, несмотря на предательство современных козкаманов. Но придется идти на Референдум!

1998

НА ЗЕМЛЕ SUOMI

6-11 сентября 1998 г в столицк Финляндии г. Хельсинки состоялся 65-й Международный конгресс PEN - Клубов писателей мира, куда были приглашены более 400 представителей из разных стран. Впервые в этом форуме приняли участие и писатели из стран СНГ. Мне было приятно увидеть там В.Быкова, С. Капутикяна, А Нурпеисова, Мурата Ауэзова, М.С.Мадалиева, Г.Сафиеву, Т.Миннуллина, А.Битова, А.Ткаченко, Аваксберга и др. талантливых и признанных писателей бывшего Союза.

Конгресс ежегодный, в следующем году он пройдет в Польше, затем в России, 65-й конгресс был посвящен Проблемам "Свободы и безразличия". Состоялись оживленные дискуссии по проблемам свободы слова, а также о судьбе современной цивилизации, о значении взаимодействия культур Востока и Запада, произошли интересные встречи с писателями СНГ, финскими, японскими, тайландскими писателями, поэтами из США В. Юриным, А.Соколовым. В.Юрин — известный американский поэт - пригласил меня на конгресс поэтов мира в Мексику, который будет проходить в 1999г. Естественно, я принял его приглашение с благодарностью. Он - человек большой энергии. И абсолютно уверен, что приближению новой эры - взаимодействия и сближения земной и галактической цивилизации - неизбежно. Когда я ему передал нашу газету "Прогресс" с материалами о внеземном Разуме, послание космической станции "Мунхей" планеты Шахары, он просто помолодел

от счастья и подарил мне автограф на своей книге, посвященной космической теме. Мы условились совместно работать по распространению и сближению уфологов мира, наметили себе задачи по "ускоренному вхождению в галактическую эру", мечтая о том, что человек поднимется на более высокий нравственный уровень, преодолев свои пороки.

Другой американский поэт А. Соколов оказался человеком философского склада ума, но испытывавшим многое в жизни. Было интересно узнать о судьбах иммигрантов из бывшего Союза. Он передал свои стихи в нашу газету "Прогресс".

Во время беседы с японскими писателями о великом Басе, Кавабате, Токутоми Роки, Токубоку и др., о достижениях японской литературы мы, естественно, говорили о значении культуры Востока в мировом масштабе, и они восхищались нашим "Манасом"! Действительно, то глубоко национальное произведение имеет общечеловеческое значение, поэтому, мы обязаны приумножать его национальное начало, сохранять жизнеутверждающий светлый дух культуры, невзирая на тяготы пришедшего дикого капитализма в нашу страну.

Безусловно, сравнивая, те явления, и отмечая безразличие загоняющее нашу культуру, особенно художественное слово, в тупик, я задумался о нашем национальном менталитете, так быстро забывшего свои истоки национального духа, и мы, как манкурты, готовы продать родную землю — источник вечного существования любого народа.

Неужели мы, кыргызы, получая свой суверенитет, не сможем по-человечески организовать нынешнюю жизнь, из-за бездарности "кредитополучателей". И под нажимом власти готовы пустить бездумно и поспешно на продажу отцовскую землю? Неужели мы, как всегда первыми из стран СНГ, начнем этот губительный процесс - лишения народа своей земли? Где юридические основы? Какая сатана заставляет нас так хитроумно и поспешно действовать? До чего мы докатились! А знаем ли мы настоящую цену кыргызской

земли? Или нам так хочется быстрее обрести судьбу Палестины?!

Разве мы забыли современные ухищренные методы неокOLONиализма?

Как можно не учитывать стратегическое месторасположение Кыргызстана - находящегося на стыке России, Китая, мусульманского мира и наших гор, с высоты которых можно смотреть орлиным взглядом на равнины? Прежде чем продавать землю мы обязаны подумать о судьбе Евразии, мы обязаны приобрести политический нейтралитет. Кто завтра будет хозяевами "наших проданных земель"? Почему так быстро забыли Барскоонскую трагедию? Ведь наши же люди не могли "проникнуть" на территорию Кумтора! Это о чем-то говорит?

Народ должен сначала понять условия продажи земли, затем голосовать. Какая вседозволенность! Возможно ли такой судьбоносный вопрос решать референдумом? Ведь такой подход показывает неуважение к своему народу, его истории, его будущему.

В Финляндии отношение к земле абсолютно другое. Чувствуется их бережная и трепетная любовь к земле, к культуре, к языку и др. национальным достояниям. Результат налицо. Финляндия имеет высокий уровень жизни. За любовь земля отвечает стократно.

Количество занятых в аграрном секторе Финляндии составляет всего 120 тыс. человек, около двух с небольшим процентов населения. Основной фигурой в аграрном комплексе является фермер. Хозяйства, как правило, сравнительно невелики. Фермы, располагающие площадями до десяти гектаров, составляют более половины от общего их количества. Потому и применение наемной рабочей силы не имеет большого распространения. Фермер и члены его семьи обычно сами выполняют весь основной объем работ, лишь иногда используя сезонных рабочих, как, к примеру, при сборе урожая на клубничных плантациях. Главными помощниками крестьянина в его непростом труде являются техника, продуманная организация и современная техно-

от счастья и подарил мне автограф на своей книге, посвященной космической теме. Мы условились совместно работать по распространению и сближению уфологов мира, наметили себе задачи по "ускоренному вхождению в галактическую эру", мечтая о том, что человек поднимется на более высокий нравственный уровень, преодолев свои пороки.

Другой американский поэт А. Соколов оказался человеком философского склада ума, но испытывавшим многое в жизни. Было интересно узнать о судьбах иммигрантов из бывшего Союза. Он передал свои стихи в нашу газету "Прогресс".

Во время беседы с японскими писателями о великом Басе, Кавабате, Токутоми Роки, Токубоку и др., о достижениях японской литературы мы, естественно, говорили о значении культуры Востока в мировом масштабе, и они восхищались нашим "Манасом"! Действительно, то глубоко национальное произведение имеет общечеловеческое значение, поэтому, мы обязаны приумножать его национальное начало, сохранять жизнеутверждающий светлый дух культуры, невзирая на тяготы пришедшего дикого капитализма в нашу страну.

Безусловно, сравнивая, те явления, и отмечая безразличие загоняющее нашу культуру, особенно художественное слово, в тупик, я задумался о нашем национальном менталитете, так быстро забывшего свои истоки национального духа, и мы, как манкурты, готовы продать родную землю — источник вечного существования любого народа.

Неужели мы, кыргызы, получая свой суверенитет, не сможем по-человечески организовать нынешнюю жизнь, из-за бездарности "кредитополучателей". И под нажимом власти готовы пустить бездумно и поспешно на продажу отцовскую землю? Неужели мы, как всегда первыми из стран СНГ, начнем этот губительный процесс - лишения народа своей земли? Где юридические основы? Какая сатана заставляет нас так хитроумно и поспешно действовать? До чего мы докатились! А знаем ли мы настоящую цену кыргызской

земли? Или нам так хочется быстрее обрести судьбу Палестины?!

Разве мы забыли современные ухищренные методы неоколониализма?

Как можно не учитывать стратегическое месторасположение Кыргызстана - находящегося на стыке России, Китая, мусульманского мира и наших гор, с высоты которых можно смотреть орлиным взглядом на равнины? Прежде чем продавать землю мы обязаны подумать о судьбе Евразии, мы обязаны приобрести политический нейтралитет. Кто завтра будет хозяевами "наших проданных земель"? Почему так быстро забыли Барскоонскую трагедию? Ведь наши же люди не могли "проникнуть" на территорию Кумтора! Это о чем-то говорит?

Народ должен сначала понять условия продажи земли, затем голосовать. Какая вседозволенность! Возможно ли такой судьбоносный вопрос решать референдумом? Ведь такой подход показывает неуважение к своему народу, его истории, его будущему.

В Финляндии отношение к земле абсолютно другое. Чувствуется их бережная и трепетная любовь к земле, к культуре, к языку и др. национальным достояниям. Результат налицо. Финляндия имеет высокий уровень жизни. За любовь земля отвечает стократно.

Количество занятых в аграрном секторе Финляндии составляет всего 120 тыс. человек, около двух с небольшим процентов населения. Основной фигурой в аграрном комплексе является фермер. Хозяйства, как правило, сравнительно невелики. Фермы, располагающие площадями до десяти гектаров, составляют более половины от общего их количества. Потому и применение наемной рабочей силы не имеет большого распространения. Фермер и члены его семьи обычно сами выполняют весь основной объем работ, лишь иногда используя сезонных рабочих, как, к примеру, при сборе урожая на клубничных плантациях. Главными помощниками крестьянина в его непростом труде являются техника, продуманная организация и современная техно-

логия. Все это в сочетании с отлаженной системой хранения, сбыта и надежной дорожной сетью, позволяющей без помех вывозить урожаи с полей даже в дождь, делает сельхозпроизводство стабильным и почти независимым от капризов погоды. По крайней мере, здесь не услышишь взволнованных рассуждений о видах на предстоящий урожай. Аграрное производство зависит больше от экономической обстановки и ситуации на рынке, чем от климатических и погодных условий.

Техника на финских полях в большинстве случаев новая. Старых или хотя бы выдавших виды тракторов и других машин вы не увидите. Этому способствует налоговое законодательство, экономически стимулирующее использование новой техники и оборудования. Объемы основных видов сельхозпродукции, как правило, превышают уровень их потребления, за исключением хлебного зерна, производство которого составляет 80% от необходимого количества. Часто уровень производства искусственно сдерживается государством путем компенсации, выплачиваемой сельскохозяйственным производителям за те убытки, которые они несут от такого регулируемого снижения. Как бы то не было, производство основных видов сельхозпродукции в Финляндии по отношению к уровню их потребления составляет: мяса - 102%; молока - 108%; яиц - 125%. Учитывая, что в страну во множестве поступают и импортные продукты, нетрудно догадаться, что финны активно экспортируют сельхозтовары во многие другие страны. Правда, экспорт несколько ниже по объему, чем импорт, главным образом по причине ввоза большого количества овощей и фруктов из теплых краев. Тем не менее, Суоми имеет положительный баланс внешней сельскохозяйственной торговли с такими странами, как Россия, США, Бельгия. Много продукции отправляется в Великобританию, Швецию и даже Японию.

В заключение хочется сказать, что речь в конце концов идет не о продаже земли - речь идет о другом. Наши вожди ничего не смогли сделать, так как хотели сотворить рынок и демократию на одних кредитах. Никто никуда за эти годы

нацию не призывал. Все речи были построены на обещании манны с небес. А когда ничего из обещанного не получилось, стали лихорадочно искать, что же можно еще продать? Казна пуста, а долгов свыше миллиарда долларов. Вот и возник соблазн продать последнее - землю. Вот эти, не совсем приятные мысли, постоянно тревожили мою голову на ухоженной, взлелеянной человеческой любовью финской земле, расположенной по соседству с вечной мерзлотой.

1998

СТРАНА УВЕРЕННЫХ ЛЮДЕЙ

Известно всем, что обычным показателем цивилизованности любой страны является ее высокая бытовая культура. И поэтому интересно узнать, как ведут себя люди в естественных условиях, как они живут, как ценят или берегут то, что имеют, как сохраняют и приумножают свои мощные жизненные силы, и развивают свойства характеризующие их образ жизни.

В этом смысле в Финляндии сразу наблюдается свой особый северный колорит. И этот немногочисленный, но в борьбе за жизнь много испытавший на своем веку гордый народ в довольно суровых условиях сформировал свой терпеливый и мудрый характер, национальное достоинство. Наблюдая за ним проникаешься искренним уважением.

Действительно, живя на севере, они сумели сегодня сделать свою страну высоко развитой. Все мы помним заслугу Финляндии в годы холодной войны. Жизнелюбивая Финляндия, находясь на границе двух ядерных взаимоничтожающих сил, мужественно сохранив свой политический нейтралитет, у края гибели ядерного XX века вернула всем нам всеобщий мир. Это был настоящий подвиг! Все мы тогда жили, каждый день ожидая мировую ядерную войну. Да, разве можно забыть! Помним, как в те годы Кыргызстан не раз принимал, высокого Финского гостя -

президента Урхо Кекконена!

Сейчас мир стал другим, время изменилось. В качестве доброжелательного гостя я особо почувствовал, что корень финского общества и теперь нравственно устойчив: Suomi действительно страна уверенных в себе людей, где каждый имеет твердый взгляд на жизнь. Общество состоит из личностей, сознательность чувствуется во всем, манипулировать политикам очень трудно, люди искренни и ответственные, аккуратны и свободны, и каждый умест сам обустроить свою жизнь, то есть каждый человек хозяин своей судьбы. Достоинство Человека превышает всего. Это прекрасно!

Поэтому Финляндия горда, ухожена и красива. Бережливость и принципиальность во всем. Мне кажется, они даже сиюминутные задачи решают для долгого пользования. Каждый дом, даже каждый камень, уложенный на улицах, должен служить финнам насколько возможно дольше, а природа - лес и озера - звучит красотой музыки Сибелиуса.

Отрадно что, финны духовно сильны, они истинные хозяева своей страны и, естественно, дальновидны. Видимо, поэтому, они не разбазаривают на продажу свою землю, наоборот, приобретают и приумножают национальное богатство своим умом, энергией и талантом. Высоко развито машиностроение и электроника, финское судостроительство признано во всем мире. Труд не дает жить безработице, и ложь, видимо, знает свое место. Одним словом Финляндия развивается в нормальной русле, здесь все - о'кей!

И "секретом успеха" является тот же "человеческий фактор". Президент и правительство особо не выделяются из народа, здание резиденции президента оформлено подчеркнуто просто. У них - "прозрачный бюджет", который парламент жестко контролирует, то есть власть давно четко разделена "по ветвям", и все жизнеспособные ветви "цветут и плодоносят". Раздувание штатов по государственным структурам не приобретает дикой формы. Финляндия - относительно не крупная страна и ее возможности лимити-

тируется строго, разумно, поэтому, характерная нам ханская помпезность там просто не приживется - все целесообразно, аккуратно и цивилизованно. видно, что госпожа Власть - в подчинении у Закона.

У финского "человеческого фактора" свои секреты. Чтобы решить нужный им, современный кадровый корпус, система образования и культура поставлены на высочайший уровень. Переквалификация работающих людей по нужным новым профессиям производится классно, быстрым темпом, на мировом уровне.

Чтобы Финляндия не отстала от развитых стран, даже, по возможности их опережала, в их системе образования делается очень много. Меня удивил тот факт, что библиотеки имеют свои территории, и сотни библиотек-автобусов курсируют, библиотеки компьютеризированы, книги можно сдавать круглосуточно, передвижные библиотеки доходят до каждого своего читателя. Есть даже суда—библиотеки, обслуживающие, вероятно, тех, кто живет на маленьких островах. И если, допустим, в сельской библиотеке интересующего вас материала не нашлось, вам закажут его из Хельсинки или даже из Бонна. Библиотеки являются центром изучения иностранных языков, имеются библиотеки с музыкальным направлением. Таким образом, именно библиотеки служат одной из главных опор образования, культуры, во многом нравственности.

Теперь о том, как функционируют культурные учреждения. И у них, например, начиная с оперы, кончая эстрадой, есть круглогодичные циклы и строго разработанный график фестивалей, концерты разумно чередуется, не дают скучать народу. Таким образом, культура не забыта, не унижена - она жива и, как единая жизнеспособная система, служит народу. То есть, капитализм действует планомерно, я бы сказал очень расчетливо и разумно.

Финский писательский пенклуб также служит обществу как центр интеллектуалов, чутко изучаются мнения, особенно восхищает уровень книгоиздания - какая бумага! Писателей в Финляндии насчитывается тысячи, причем есть и авторы с мировым именем. Достаточно сказать, что один

из них, Силанляя, был удостоен Нобелевской премии. Кстати, Роберт Винонен, мой давнишний московский друг, оказывается, теперь живет в Финляндии. Он обрадовался, увидев “своих советских” писателей. Также искренно, всегда эмоциональная Белла Ахмадулина при встрече на финской земле сразу обнимала “нашего Роберта”. Действительно приятно увидеть в чужой стране своего знакомого. Финны открытые люди, в дни работы международного конгресса пен-клубов писателей мира я подружился с финским писателем Юккой, он оказался человеком сердечным, трудолюбивым, с неустойчивой энергией, он был у нас в Кыргызстане, восхищается нашей природой и гостеприимством народа. И Юкка намерен пропагандировать нашу культуру на общесвропейском уровне, мы условились сотрудничать.

Другой близкий человек для кыргызской литературы оказалась госпожа Улла - Лиза Хейно. Она неустойчивая трудяга. Перевела Б.Пастернака, А.Чехова, И.Тургенева, Л.Толстого, К.Паустовского, М.Горького, Абрамова, Астафьева, А.Платонова, М.Булгакова и мн. др. писателей. И особенно нашего Чингиза Айтматова. Благодаря ей, переведены почти все его произведения и изданы собрания сочинений, но ей до сих пор неизвестно о “Тавро Касандры”, так как за последние пять лет она потеряла связь со знаменитым кыргызским писателем. Она хотела узнать от меня новые вести о Чынгыз Торокуловиче. Я поблагодарил ее труд за и обещал послать ей “Тавро Касандры”.

Дни быстро пролетели. Хотелось бы, чтобы и наши люди жили достойно. Супербогатые имели совесть, сверхбедные - социальную защиту; государственные чиновники не коррумпировались бы и не кормили народ обещаниями, а президент имел бы мужество признать правду! Может, тогда еще лучше пойдем “менталитет” запада, дай Бог!

1998

БОЛЬ ПЕНСИОНЕРА

Он в республике очень известный человек, всегда открытый и в меру жизнерадостный. У него отсутствует суетливость, он по-своему гордый. Когда-то был министром, и, видимо, за независимость характера был снят с высокой должности, но не огорчился. Был мужиком и остался им, слава богу. Он из тех, кто не болел бюрократической болезнью, видимо, поэтому, в свои семьдесят с лишним лет он до сих пор сохранил бодрость. Но сегодня я видел его грустным, подавленным, его настроение было никудышним...

Посмотрев мне в лицо, он прямо спросил: "Слушай, куда мы идем?" И я ответил: "Конечно, не к коммунизму". Он когда-то был честным коммунистом, а теперь остался один на один со своей пенсией, недавно похоронил жену. Мне стало жаль его.

Я замедлил свой шаг, пошел с ним вместе. Он молчал, и я молчал, мы прошли немного, он остановился и, пристально посмотрев на меня, сказал грустно: "Мы с женой в родном моем аиле, где нас все знают и уважают, весной посадили картошку и чеснок. Понимаешь, с женой, а ее уже нет... И какие-то молодые люди выкопали все это и, видимо, продали... Сегодня съездил - в поле пусто... Теперь скажи, куда мы идем?.. Кыргызы сегодня воруют, кыргызы пьют, кыргызы продают свое тело... Когда-нибудь мы будем народом?.." Я не стал ему возражать - пусть выскажется... И когда он остыл и замолчал, я ответил тихо: "Безработица".

А ты знаешь, такую народную пословицу: "чем ходить без толку, лучше работай бесплатно"... Почему Молодые не чувствуют стыда и ответственности за себя, почему они не хотят работать, а воруют с огорода пенсионеров и, продавая, пьют водку?" Вопрос был прямой. Было такое чувство, как будто мир оставил меня один на один - мне было стыдно и горько.

В этот день, как на зло, был опубликован закон о пенсии, возмущивший его вдвойне: "На, читай, и тут нас обокрали..." Я понял его возмущение, и мне стало стыдно не только за

тех сельских воришек, но больше всего - за наших высоких госчиновников. Я, молча, проводил его до дома и передал нашу газету "Прогресс", где было опубликовано обращение пенсионеров. Я хотел представить его состояние после чтения, хотелось чтобы ему стало, хоть немного легче. Но будет ли? Он, без жены, совсем одинок в этой жизни. Да, действительно, куда мы идем?..

1998

ЕЩЕ РАЗ О СВОБОДЕ СЛОВА

Тишина входит во владения Вечности... И шумливая жизнь со своими постоянными изменениями, эгоистическими претензиями и недовольствами, иногда просто любознательностью, иногда, как говорят, проходя через огонь, воду и медные трубы, потеряв всякую надежду, вынуждена будет прислушиваться к тишине и стучать сердцем в дверь Вечности.

Сейчас время такое, что жизнь в странах СНГ осталась в окружении хаоса. И некому руку подать! Карабкаемся в долговой яме, и, рано или поздно, крепкая цепь полученных кредитов, нас привязав, при нашей безалаберности заберет все то, что пока еще нам принадлежит. Возможно, в том числе - и отцовскую землю. И мы увидим судьбу Палестины у себя дома.

Пока ловкачи хапают, прихватизируют, монополизируют - тут винить некого, ибо процесс давно "пошел", и каждый дальновидный, властьюмиющий всеми возможными и невозможными методами накапливает себе капитал. А наш наивный народ уже сейчас дошел до черты бедности. После отчаяния, когда окончательно почувствуется дыхание неизбежности, наш терпеливый, но много пьющий народ скажет свое последнее, разгневанное слово и вынужден будет прийти к тишине. Но мне не хочется иметь в виду тишину могильную. Просто истории известно как исчезают народы...

Ясно, что музыка жизни начинается с тишины, видимо тут надо искать “заколдованный круг” или круг Вечности. А жить - то нам хочется! Возможно мы забыли слушать тишину, и как маленькие дети полностью увлечены только игрой жизни и люди в своем большинстве начисто забыли о вечности.

Однако, мудрецы всех времен и народов предупреждали о силе тишины. Иногда тишина приходит перед бурей. В тишине накапливается вся энергия и зреет необходимость нового. Ясно, что за словом стоит тишина. И, если человек не дает возможности проникать в себя тишине, он никогда не научится думать сердцем, а любое слово не идущее от сердца является фальшью. Да, нас окружает ложь, творящая безверие. Затем наступает упадок...

Давайте опять вернемся к тишине и подумаем о вечности. В великих книгах сказано, что вначале было “Слово”. Да, действительно, тишина зреет, накапливается и рождает необходимое сказанное Слово, приобретающее божественную силу, несет в себе энергию, Правду. И люди верят сказанному, данное Слово становится судьбоносным.

Если дух свободы слова будет однажды потерян, немедленно возникнет психология рабства. А это ясно - к чему приводит.

А теперь проанализируем то, как мы относимся к Слову. В повседневности наши слова не рождаются из источника тишины. Мы не говорим ответственно, и не возникает то Слово, которое необходимо в данный момент а, наоборот, течет одно словоблудие. Нужен эколог для очищения самой природы человека, надо очищать “вишудху чакру”, как говорят йоги.

Честно говоря, мы перестали отличать правду от лжи. Мало того, силой железоголосой культмассовой музыки из наших квартир выгнана тишина. К чему это может привести?

Редакция газеты “Прогресс” в первых своих номерах опубликовала Декларацию о свободе слова в Кыргызстане. Надеемся, что наши современники поймут наши усилия по восстановлению изначального смысла слов. Каждый человек есть своего рода духовная тишина. Он пребывает в самом

себе и с другим общается через слово. Слово - великий посредник, и какая огромная ответственность возникает при диалоге двух свободных личностей!

В этом диалоге, через сказанное слово, два однажды встретившихся человека могут друг другу подарить Любовь, то-есть нечто Прекрасное... К великому сожалению, мы в своем большинстве научились порождать больше ненависти и зависти. Таким образом, мы потеряли ответственность каждого перед своим словом и нанесли удар по свободе слова. И, что особенно горько, перестали дорожить достоинством человека.

Если мы хотим выжить, то обязаны говорить правду. Наши властимушье не должны лукавить, не должны делать вид, что народ их сплетенных слов и хитростей не понимает. Нет, так относиться к человеку нельзя! Свобода слова есть свобода самого человека, иначе он должен пребывать во тьме, то-есть, в "заколдованном круге".

Человеку свойственно ошибаться. Никто не является владельцем Истины! Только через искренние слова мы, сообщая можем найти выход из тупика. Мы обязаны добиться ухода из национального телевидения душителее свободы слова, и наш главный канал должен дать слово оппонентам и оппозиции власти. Народ должен говорить и слушать различные точки зрения, анализировать и аккумулировать идеи. Правда должна торжествовать! Телевидение должно стать поистине народным - тогда и будет оно национальным достоянием, и налогоплательщик не будет горестно смотреть на узкое торжество, как на счастье всего народа.

Тишина входит во владение Вечности, а вечность - от Бога; он в сердце каждого. И Всевышний следит за каждым сказанным словом: истинно ли оно, не является ли ложью? Только Бог поможет нам возродиться в жизни. Поэтому, давайте сначала научимся говорить правду, быть искренними, уважать свободу слова - богом данный статус каждому человеку. И мы увидим очищенную ауру нашего государства. И мы уверены, что это будет первый шаг к прогрессу.

НА ПУТИ К ДУХОВНОСТИ

Сегодня, на пороге третьего тысячелетия, когда происходит глобализация культур и цивилизаций, когда истинно западное становится восточным, истинно восточное - западным, когда азиата можно встретить в Африке, Европе, Америке, каждому землянину необходимо знать основы древних культур: мусульманства, буддизма и христианства. Поэтому работая в газете "ОБО" главным редактором я в кратчайшей и доступной форме конспектировал и затем опубликовал основные положения из мусульманства и буддизма. Итак:

ОБ ИСЛАМЕ

Затронув разнообразие темы, касающиеся человека, Бога, мира и обязанностей человека, даже в самом обобщенном виде, нельзя назвать это перечисление достаточным даже с учетом его краткости. И, тем не менее, мы попытались вызвать живой глубинный интерес к священному Корану, так как человек не только мыслящее, но и чувствующее существо. Он не может удовлетвориться рассудочно-сухой схемой мироздания. Человеку нужен всеохватывающий Бог, которому он мог бы всецело посвятить себя, и в этом бескорыстном служении реализовать свою сущность и обрести полноту бытия. Таким образом, важен первый шаг в сторону духовности и самоусовершенствования. В этом значение Корана неопределимо, так как истина раскрывается только в личном ощущении, в непосредственном соприкосновении с объектом любви. Поэтому, тема любви к Богу в Коране является стержневой и основополагающей, так как "Он наделяет Бытием всю вселенную", и " Не двинется ни одна пылинка без соизволения Аллаха".

СУУРАТУ-Л-КУРАЙШ

Бисмиллахи ррахмааниррахиим

1. Ли-илаафи курайшин
2. Иилаафихим рихлата шшитаан ува ссайфи
3. Фа ли-йабуду рабба хазаа-л-байти
4. Аллази атамахум минжууин
5. Ува ааманахум мин хауфин

КУРАЙШЫЛАР

Алланын ысымына ырайымдуу, ыраахымы артык!

1. Курайшылар бирдиги бекем болсун,
2. Жайы-кышы сапарга жетээр болсун...
3. Кудайдын уйуне алар кулдук урсун:
4. Тоюнтуп азык берип, аман сактап,
5. коргогон коркунучтан, ачкалыктан.

КУРАЙШ

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

- 1(1). За союз курайшитов,
- 2(2). союз их в путешествии зимой и летом...
- 3(3). Пусть же они поклоняются Господу этого дома.
- 4(4). который накормил их после голода и обезопасил после страха.

1997

ЦЕНТРАЛЬНОЕ В КОРАНЕ - АЛЛАХ

Аллах - имя Бога. Аллах в Коране - единый и единственный Бог, Творец мира и господи́н Судного дня, пославший к людям Мухаммада в качестве своего посланника. Кратчайший символ веры ислама гласит: "Нет никакого божества, кроме Аллаха, и Мухаммад -посланник Аллаха!". По мусульманским представлениям, Коран прямая речь Аллаха, непосредственно или через ангелов обращенная к Мухаммаду.

Единственность и внутреннее единство Аллаха - одна из главных тем Корана. "Он - Аллах - един, Аллах вечный; не родил и не был рожден: и не был Ему равным ни один".

В Коране также постоянно говорится о совершенстве, могуществе и величии Аллаха. Ему подчинено и повинуются все в мире, ничто не может совершиться без его воли и его знания об этом. Он властвует обо всем и опекает свои творения.

Все существующее на свете - это чудо, сотворенное Аллахом, это - его знамения людям. Одним из дарованных людям чудес Аллах объявляет Коран. Аллах - высшее и необходимое совершенство, высший Разум и высшая Любовь. Нам надлежит постичь Вечность Аллаха его единство с его семью Атрибутами. Названия семи Атрибутов таковы: первый - Жизнь, второй - Знание, третий - Воля, четвертый - Могущество, пятый - Речь, шестой - Слух, седьмой - Зрение. Сущность неотделима от этих семи Атрибутов. Когда вы уразумеваете значение семи Атрибутов, вы сможете Его постигнуть совершенным постижением.

СУУРАТУ-Л-КААФИРУУН

Бисми ллахи ррахмаани ррахим

1. Кул йаа аййухаа-л-каафируун
2. Лав абуду маа табудууна
3. Ува лаа антум аабидууна маа абуд
4. Ува лаа анаа аабидун маа абадтум
5. Ува лаа антум аабидууна маа абуд
6. Лакум диинукум ува лийа диин

КААПЫРЛАР

Алланын ысымы менен ырайымдуу, ырахымы артык!

1. Айт: "О, кайрыдин-каапырлар!
2. Силер сыйынганга - мен сыйынбайм,
3. Мен сыйынганга - силер сыйынба.
4. Мен кул эмес - силер кулдук урганга,
5. Жана силер кул эмес - мен сыйынган Кудайга,
6. Силердин дин - силерге, менин диним - меники!"

НЕВЕРНЫЕ

Во имя Аллаха милостивого. Милосердного!

1 (1). Скажи: "О вы неверные!

2 (2). Я не стану поклоняться тому; чему вы будете поклоняться,

3 (3). и вы не поклоняйтесь тому, чему я буду поклоняться,

4 (4). и я не поклоняюсь тому, чему вы поклонялись,

5 (5). и вы не поклоняетесь тому, чему я буду поклоняться!

6 (6). У вас - ваша вера, и у меня - моя вера!"

1997

МУХАММАД - ПОСЛАННИК АЛЛАХА.

Мухаммад-пророк Аллаха и его посланник, через которого был передан людям текст Корана. Когда Мухаммаду было около 40 лет, во время одного из периодов уединения ему стали являться видения, а затем - речения извне, позднее записанные по памяти с его слов и составившие священную книгу мусульман - Коран. Мухаммад уверился, что избран божеством в качестве посланника (расул) и пророка (наби), чтобы нести людям слово божье. На протяжении всей истории ислама личность Мухаммада была предметом широкого почитания, вокруг его фигуры возникли понятия о чудесах. Например, - что ангелы рассекли молодому Мухаммаду грудь и омыли его сердце; или легенда о его ночном путешествии на волшебном животном аль-Бураке в Иерусалим и последующем вознесении на небеса; также - в его присутствии недоенная овца дает молоко; малой пищи хватает на множество людей и т.д. Пророка спросили, какое деяние наиболее добродетельно? Он ответил "Чтобы ты умирал, а язык твой поминал Аллаха, Великого и всемогущего. Пророк... сказал; "Восхваление Аллаха... и утром, и вечером лучше, чем сооружение мечетей во имя Аллаха

или щедрые пожертвования денег . Ислам есть предание себя воле божьей. Согласно Закону, тот, кто произносит своим языком: “Нет Бога, кроме Аллаха, а Мухаммад - Посланник Аллаха”, является мусульманином. О том же, кто произносит эти слова в сердце своем, ведомо лишь Аллаху. Как сказал Пророк (да пребудут с ним благословение Господа и мир!): “Тот, кто с чистым сердцем произносит: “Нет Бога, кроме Аллаха”, войдет в рай.

Пророк утверждает, что это поистине так, ибо имя и его обладатель едины: когда произносится имя, тот, кто его произносит, и обладатель произнесенного имени, ощущают свое единение.

СУУРАТУ ТТАКААСУР

Бисми ллахи ррахмаанаани ррахиим

1. Алхаакуму ттакаасур
2. Хатгаа зуртуму-л-макаабир
3. Калла сауфа тьаламууна
4. Сумма калла сауфа тьаламууна
5. Калла лау тьаламууну бил-л-йакиина
6. Латаравунна-л-жахиима
7. Сумма латаравуннахаа байни-лйакиини
8. Сумма латусалунна йаумаизин баниннабийи

АРБЫТУУГА ДАДАЛАТ

Алланын ысымына ырайымдуу, ырахымы артык!

1. Алган сайын алууга артты кумар,
2. башыңар көргө киргенче тойбодуңар
3. Жок, силер аны билээрсинер!
4. Жок дегенде, кийинчерээк билээрсинер!
5. Эгер акыйкат билимин билсеңер...
6. Сөзсүз тозок отун көрөсүңөр!
7. Көргөндө нак чындыктын көзү менен көрөсүңөр!
8. Анан, жыргалыңар жөнүндө сурак бересинер!

ОХОТА К УМНОЖЕНИЮ

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

1 (1). Увлекла вас страсть к умножению,

2 (2). пока не навестили вы могилы.

3 (3). Так нет же, вы узнаете!

4 (4). Потом нет же, вы узнаете!

5 (5). Нет же, если бы вы знали знанием достоверности...

6 (6) Вы непременно увидите огонь!

7 (7) Потом непременно вы увидите его оком достоверности!

8 (8) Потом вы будете спрошены в тот день о наслаждении!

1997

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ПРОРОКА

Обычно датой рождения Мухаммада считается 570 г н.э. Он рано осиротел. Абдаллах скончался еще до его рождения, а мать Амина умерла, когда ему было шесть лет от роду. Вскоре, через два года, умер и дед Абд аль-Муталиб, приютивший его у себя после смерти матери. Заботу об осиротевшем ребенке взял на себя его дядя по отцу Абу Талиб. К обоим Мухаммед на всю жизнь сохранил глубокое чувство признательности за их любовь и поддержку:

В двенадцатилетнем возрасте Мухаммад принял участие в многомесячной поездке Абу Талиба по торговым делам в далекую Сирию. Когда Мухаммаду исполнился 21 год, он, снискавший себе в мекканском обществе репутацию амина (т.е. верного, надежного человека), получил место приказчика у богатой вдовы Хадиджи.

В 595 г. Мухаммал и Хадиджа поженились. К тому времени Хадидже было уже около сорока лет, она имела от первых браков двух сыновей и дочь. Тем не менее, взаимная любовь Мухаммада и Хадиджи стала легендарной. Она первой из всех окружавших его людей поверила в его Пророческую миссию и не жалела ни сил, ни своего

состояния, чтобы поддержать Мухаммада в очень нелегком начале борьбы за новую веру-ислам. Мухаммал платил Хадидже большим взаимным чувством, глубокой признательностью и уважением. На протяжении всех 25 лет совместной жизни они имели двух сыновей и четырех дочерей. Однако лишь Фатима, самая младшая, стала продолжательницей его рода. К сорокалетнему возрасту религиозные размышления и искания занимают все большее место в жизни Мухаммада. В один из таких моментов, когда Мухаммад находился в пещере Хира, под Меккой, где он часто уединялся для своих религиозных бдений (особенно ночью), он вдруг ясно "увидел" ангела, обратившегося к нему с приказом начать "читать" людям истинное слово - слово Аллаха (Коран, сура ХСVI).

Первыми, кто безоговорочно признал Мухаммада в качестве посланника Аллаха, стали Хадиджа и его двоюродный брат Али (сын Абу Талиба) и приемный сын Зайд. Вскоре к ним присоединился именитый мекканский купец Абу Бакр, за ним - Осман, Тальха и Абд ар-Рахман. В начале последователей Мухаммада было не более 50 человек.

СУРАТУЛ КАВСАР

1. Иннаа аътайнаакал кавсар
2. Фасалли лираббика ванхар
3. Инна шааниъака хувал абтар

КАВСАР

Алланын ысымына ырайымдуу, ырахымы артык!

1. Биз бердик сага Кавсарди
2. Аллага намаз окушун чун жана курмандык чал
3. Сени кереалбоочу куу баш луйнелен етет.

КЕВСЕРЬ (ОБИЛЬНЫЙ)

Во имя Бога, милостивого, милосердного

1. Мы дали тебе кевсерь;
2. потому молись Господу твоему и заколи жертву.
3. Ненавидящий тебя исчезнет.

1997

О БУДДИЗМЕ

ВОСЬМЕРИЧНЫЙ ПУТЬ

Мир непостоянен. В нем нет ничего прочного. Мир исполнен страданий. Буддизм не утверждает, что счастья вообще нет. Он доказывает, что страдание в той или иной форме присутствует в любом аспекте существования. А вот что такое благородная истина страдания. Рождение - это страдание, старение - страдание, болезнь - страдание, смерть - страдание, контакт с неприятным - страдание, разобщение с приятным - страдание, неисполнение любого желания - страдание - одним словом, все пять составных частей личности - страдание.

А вот что такое благородная истина прекращения страдания. Это - значит - прекращение жажды, когда не остается никакой страсти, - оставление ее, свобода от нее, избавление от нее, полное изгнание ее.

А вот что такое благородная истина пути, который ведет к прекращению страдания. Это - благородный восьмеричный путь - правильное воззрение, правильное решение, правильная речь, правильное поведение, правильный образ жизни, правильное усилие, правильное запоминание и правильная медитация. Вот что такое срединный путь, который способствует видению и знанию, ведет к миру, высшей мудрости, просветлению и нирване.

Текст из Дхаммапады:

Глава о глупцах

61. Если странствующий не встретит подобного себе или лучшего, пусть он укрепитсЯ в одиночестве: с глупцом не бывает дружбы.

63. Глупец, который знает свою глупость, тем самым уже мудр, а глупец, мнящий себя мудрым, воистину, как говорится, глупец.

66. Не имея разума, глупцы поступают с собой, как с врагами, совершая злое дело, которое приносит горькие плоды.

69. Пока зло не созреет, глупец считает его подобным меду. Когда же зло созреет, тогда глупец предается горю.

74. "Пусть думают и миряне, и отшельники, что это сделано мной. Пусть они зависят от меня во всех делах" - таково намерение глупца; его желание и гордость возрастают.

75. Ибо одно средство ведет к приобретению богатства, другое - к нирване. Зная же это, бхикшу, ученик Будды, не возрадуется почестям, но возлюбит одиночество.

1997

СТУПЕНИ БУДДИЗМА

Первая ступень - это ступень радости, характеризующаяся появлением мысли о бодхи. Именно здесь бодхисаттва принимает те важнейшие решения, которые определяют дальнейшее развитие, чтобы сделать сердце чистым, ум свободным от иллюзии о "Я". Понимание того, что вещи непостоянны, расширяет сострадательную натуру, стремящуюся к состоянию Будды, и мы здесь приближаемся к следующей ступени чистоты. На этой ступени практикуется нравственность и проявляется мудрость, которые дают ему возможность уничтожить гнев, ненависть, заблуждение, и развивают в нем веру, сострадание, милосердие и бескорыстность. Это и есть третья ступень, где стремящийся к состоянию Будды излучает мягкость и терпимость. Для того, чтобы освободиться от всех следов эгоизма, бодхисаттва упражняется в совершении добрых дел и особенно занимается воспитанием в себе добродетелей, связанных с бодхи. Это - четвертая ступень, ступень лучезарности.

Текст из Дхампады:

100. Одно полезное слово, услышав которое становятся спокойными, лучше тысячи речей, составленных из бесполезных слов.

103. Если бы кто-нибудь в битве тысячекратно победил тысячу людей, а другой победил бы себя одного, то именно этот, другой, - величайший победитель в битве.

104. Поистине, победа над собой человека, живущего в постоянном самоограничении, смирившего себя, лучше, чем победа над другими людьми.

106. Пусть некто месяц за месяцем, тысячекратно в течение ста лет совершает жертвоприношения и пусть другой воздаст честь - хотя бы на одно мгновение - совершенствующему себя. Поистине такое почитание лучше столетних жертвоприношений.

109. У того, кто почитателен и всегда уважает старых, возрастают четыре дхаммы: жизнь, красота, счастье, сила.

110. Один день жизни добродетельного и самоуглубленного лучше столетнего существования порочного и распущенного человека.

1997

После ступени лучезарности бодхисаттва приступает к изучению и размышлению с целью познать четыре благородные истины в их подлинном свете. О четырёх благородных истинах мы писали в предыдущих главах. Это и есть пятая ступень - ступень непобедимости. Затем, в результате морального совершенствования и размышления, он обращается к рассмотрению основных принципов зависимого происхождения не субстанциональности. Эта ступень называется ступенью "обращения". Однако он ещё полностью не освободился от страсти и по-прежнему имеет желание стать буддой и намерение спасти человечество. Он посвящает себя достижению такого знания, которое дает ему возможность достигнуть своей цели - всеобщего спасения.

Он находится теперь на седьмой ступени. Когда он освобождается от страсти к частному, его мысли утрачивают связь с какими-либо частными объектами, и он становится непоколебимым. Это - восьмая ступень. Деятельность бодхисаттва не осквернена ни двойственностью, ни эгоизмом. Он не удовлетворяется покоем, а активно стремится сообщить другим учение дхармы. Это - девятая ступень, ступень творящих добро, на которой все его действия бескорыстны и совершаются без желания.

Глава о мудрых

77. Пусть он советует, поучает и удерживает от зла. Он ведь приятен доброму и неприятен злему.

78. Пусть никто не соединяется с плохими друзьями. Пусть никто не соединяется с низкими людьми. Привяжитесь к хорошим друзьям, привяжитесь к благородным людям.

80. Строители каналов пускают воду, лучники подчиняют себе стрелу, плотники подчиняют себе дерево, мудрецы смиряют самих себя.

81. Добродетельные продолжают свой путь при любых условиях. Благие, даже томясь желанием, не болтают. Тронутые счастьем или же горем мудрецы не показывают ни того, ни другого.

89. Те, чей ум должным образом опирается на начала просветления, отказавшиеся от привязанностей, радующиеся освобождению, с уничтоженными желаниями, полные блеска - они в этом мире достигли нирваны.

1997

Заповеди Буддизма

1. Я даю обет воздержания от причинения вреда живым существам.

2. Я даю обет не брать того, что не дано.

3. Я даю обет воздерживаться от ложных речей;

4. Я даю обет воздерживаться от дурного поведения,

внушенного влиянием страстей.

5. Я даю обет воздерживаться от суры, мерайи и маджжи (алкогольные напитки), порождающих беспечность.

6. Я даю обет воздерживаться от приема пищи в запрещенное время (после полудня).

7. Я даю обет воздерживаться от пения и танцев, музыки и театральных представлений.

8. Я даю обет воздерживаться от пользования гирляндами, благовониями, мазями и драгоценностями.

9. Я даю обет воздерживаться от пользования высокой или широкой постелью.

10. Я даю обет воздерживаться от получения золота и серебра.

Глава о зле

116. Пусть он торопится совершать благое, от зла пусть он удерживает свой ум. Ибо ум того, кто не спешит делать добро, находит удовольствие в зле.

117. Если даже человек сделал зло, пусть он не делает его снова и снова, пусть не строит на нем свои намерения. Накопление зла горестно.

118. Если человек сделал добро, пусть он делает его снова и снова, пусть строит на нем свои намерения. Накопление добра - радостно.

123. Пусть избегает он зла, как купец, без путников, но с большим богатством, опасной дороги, как желающий жить избегает яда.

125. К тому, кто обижает безвинного человека, - именно к такому глупцу возвращается зло, как тончайшая пыль, брошенная против ветра.

127. Ни на небе, ни среди океана, ни в горной расселине, если в нее проникнут, не найдется такого места на Земле, где бы живущий избавился навсегда от последствий злых дел.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ О ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА АСАНА ЖАКШЫЛЫКОВА

Молодое суверенное государство Кыргызстан сегодня нуждается не только в талантливых организаторах производства, политиках, ученых, но еще больше нуждается в талантливых поэтах, писателях.

Асан Жакшылыков представляет собой молодое поколение кыргызской поэзии. Сегодняшний авторский вечер Жакшылыкова — это не подведение итогов по случаю какого-либо юбилея, это выражение его состоятельности, его зрелости. Ярким примером является избрание его во Всемирную Академию искусств и культур, в Международный конгресс поэтов мира.

От имени Национальной Комиссии по делам ЮНЕСКО мы хотели бы пожелать Асану Жакшылыкову развивать, обогащать кыргызский язык, его поэтику, музыку, стоять на страже чистоты, богатства языка, творить на благо не только ее сегодняшних читателей, но и будущих поколений.

Национальная комиссия
Кыргызской Республики
по делам ЮНЕСКО

Ваши стихи хорошо известны многомиллионному российскому читателю. Ваши поэтические книги выходившие большими тиражами в издательствах "Молодая Гвардия" и "Советский писатель" являются достойным вкладом в общемировую культуру, идеями мира, дружбы народов, человеческого братства, справедливости проникнуто все ваше светлое жизнеутверждающее творчество.

Валерий Ганичиев, Валентин Устинов,
Игорь Ляпин, Валентин Распутин,
Василий Белов, Петр Прокурин,

Исхак Манбаш, Сергей Михалков,
Расул Гамзатов, Валентин Сорокин,
Сергей Сартаков, Станислав Куняев,
Бронтой Бедюров, Владимир Гусев.

Дорогой друг Асан, мы глубоко ценим тебя замечательного поэта, известного далеко за пределами Кыргызстана, но и общественного деятеля много и плодотворно работающего во имя духовного единства всех собратьев по перу на необъятных просторах Евразии.

Т.Пулатов, С.Михалков,
В.Ганичев, Ю.Бондарев,
В.Солоухин, В.Гусев,
Р.Гамзатов, Мустай Карим,
Д.Кугультинов, К.Найманбаев,
Аскар Хаким, А.Худайназаров,
А.Арипов, Хута Берулава, Анар.

Когда мне довелось впервые прочитать подстрочные переводы стихов Жакишылыкова я сразу заинтересовался. Меня привлекла его естественная тяга к светлым сторонам бытия, его ничем не замутненное жизнелюбие. На мой взгляд одно из самых ценных качеств поэта - именно умение радоваться жизни, ценить ее. Это вовсе не значит, что поэт не должен задумываться над противоречиями, возмущаться несправедливостью и насилием, иногда грустить... Нет, в стихах как в жизни, Асан Жакишылыков и негодует, и досадует, и решительно отстаивает свои убеждения, и задается вопросами на которые не всегда, не вдруг можно дать ответ. И все же жизнелюбие, радостное мироощущение остается в его творчестве и в его человеческой натуре.

Мне очень нравится распахнутость, широта Жакишылыкова. Это поэт, который оставаясь глубоко нацио-

нальным, не замыкается в границах только своего аила, своего края, своей Киргизии. Он каждой жилкой чувствует биение жизни.

Нельзя разделить поэзию на политическую, гражданственную и т.д. Что ударит поэта в сердце, о том он и будет писать. И я вижу в Жакшылыкове действительно большого поэта.

У Асана Жакшылыкова есть ценное поэтическое качество - хорошая историческая память. Человек послевоенного поколения, он пристально вглядывается в трагическое и славное время Великой Отечественной войны. Он поэт масштабного мышления, четко определенной гражданской позиции, которую он осознал и принял всем своим существом. Я верю, что у Асана Джакшылыкова впереди много больших, по-настоящему творческих удач. И порукой этому его чистая, беспокойная, жизнелюбивая душа, его неистребимая память о прошлом и жизнеутверждающая вера в высокое призвание человека на земле.

Игорь Ляпин

Лауреат Всесоюзной премии
Ленинского комсомола,
первый секретарь Союза
писателей России.

Его философская проблематика меня трогает. Этот киргизский колорит и философское осмысление мира. Он очень национален и в то же время по-настоящему поэт земного шара.

Мне Асан интересен как личность. Я тоже сторонник того, что через трагедию катарсиса добиться легче. И если поэт добивается катарсиса через это, он вдвойне поэт, и он мне вдвойне интересен.

В. Устинов, поэт.

И. Ляпин передал в стихах Асана гражданственность, подлинное и светлое в самом лучшем смысле слова, оптимистическое мироощущение.

Если говорить о трагедийности, как об одной из основ искусства, то она вовсе не обозначает, что художник должен обращать внимание на негативные темы. Если человек светел по своему мироощущению, почему он должен быть трагичным в каждом стихотворении. Игорь Ляпин передал мироощущение Асана Жакшылыкова, и даже о трагедийности говорит без утешительности. Это "Обращение к ровесникам". Для меня это подлинная гражданственность.

С.Золотцев,
поэт, критик.

Стих автора раскован: Асан Жакшылыков смело отходит от привычной классической формы киргизского стиха, здесь есть и белый стих, и верлибр, но форма, как правило, органична для данного стихотворения.

Если говорить о гражданственности, она у него органична. Это у него получается само по себе, он видит большой мир. У него в этом получаются большие удачи, это ему дано.

И.Г.Волобуева, поэт.

ДОБРЫЙ ЛУЧ НАДЕЖДЫ

Нам, русским, нередко приходится убеждать, что Киргизия — это и наша родина, это и наш с детства родной и любимый край. И горы, и Иссык-Куль, и все другие красоты природы — все это нам не менее близко и дорого, как и любому коренному жителю страны. И это естественно. Особенно для тех русских, которые здесь родились, выросли и вросли, так сказать, корнями в этот край.

Но вот какой возникает вопрос: знаем ли мы (а если не знаем, стремимся ли узнать) культуру народа, с которым бок-о-бок живем в одной стране?

Имеются в виду высокоинтеллектуальные ее грани. В данном случае разговор — о поэзии.

Не следует ли нам, воспитанным на поэзии Пушкина, Лермонтова, Есенина..., в какие-то поры с интересом посматривать и на поэтический небосклон коренных кыргызстанцев: какая нынче “звезда” на нем вспыхнула? Ведь мы, те, чей интеллект требует живых поэтических мироощущений, порой сами упускаем возможность их обрести.

Вот так, к примеру, и я, автор этих строк, сделала для себя открытие. Асан Жакшылыков... Почему же я его раньше не знала как поэта?.. Такой задавала я себе вопрос, столкнувшись как-то вдруг с его поэзией. Хотя знала, как и все, Аалы Токомбаева, Алыкула Осмонова, Суюнбая Эралиева...

А потом вышло так, что меня попросили подкорректировать вот этот, 5-том, поэзии А. Жакшылыкова, выпускаемого на русском языке. И удивительное дело! Вначале это было и в самом деле была лишь чисто механическая работа над текстом. А затем... Уж и не знаю, на каком таком стихе я вдруг почувствовала, что увлекаюсь его поэзией все больше и больше. Какая богатейшая гамма красок! Жизнь наша будничная, серая, суетная, в вечных поисках хлеба насущного вдруг да полыхнула таким заревом своих ярких возможностей, которые мы упускаем, как песок меж пальцев.

Будто и не живем вовсе, а стоим на шумном, гудящем перроне, мимо которого скорым поездом уплывают от нас эти самые возможности ощущения радостей нашей быстротечной жизни.

... Лес — бываем ли мы в нем?.. Россыпи цветов на лугу и пенье птиц — видим ли мы и слышим ли все это?.. Бьющий из-под камня родник — помним ли вкус его хрустальной чистоты воды?.. А что знаем мы, утомленные нелегким днем, задавленные к тому же криминальными событиями, о летней ночи? А, между тем, сколько мы теряем волшебства! Например, такого, каким его передает нам Асан!

Я музыкою ночи переполнен.
Так мелодично льется свет луны
Над горным лесом,
Над просторным полем,
Над миром синевы и тишины...

Так воздух чист.
Так мирно спит отара.
Течет река,
Глубоких тайн полна.
И голосом кудесника Аяра
Вот - вот заговорит ее волна.

... Любим ли мы цветы? Конечно, любим. Правда, любить нам их теперь чаще бывает некогда. В лучшем случае поставили в вазу один - три цветка - и забыли. Вспомнили лишь при уборке квартиры — пора выбросить... А ведь цветок — это истинное чудо природы. Это есть украшение земли и всей нашей жизни. Это наш маленький праздник... И поэт напоминает нам об этом:

Тугой бутон на солнце золотом
Почувствовал, что приобщился к чуду.
К пчелиному прислушиваясь гуду,
Он распускался трепетным цветком.

Какое солнце яркое над ним!
Какой простор! Голубизна какая!

Он смотрит, в удивлении моргая,
Не вера до конца глазам своим.

А что мы знаем о пении птиц, помимо их обычного
щебета и гама? Быть может, какая-то из них о чем-то тоскует,
чего-то просит у своего, птичьего, бога, раскрывая нам душу,
желая, чтобы мы ее поняли... Что ж, попробуем вместе с
поэтом понять ее:

В лесу, который знаю наизусть,
Никак шальная птица не уймется.
Такая в ней кричит тоска и грусть,
Что слушаешь — на части сердце рвется.

Быть может, одиночество гнетет?
А, может, тени прошлого тревожат?
Ведь что-то ей уняться не дает,
Ведь что-то эту душу птичью гложет...

А когда очередь дошла до поэмы "Макмал Тёр", поэзия
Асана Жакшылыкова окончательно покорила меня. Чис-
тейшим родником бьет в ней национальный колорит и
богатство поэтических мироощущений со всеми их
оттенками, тонами и полутонами... Пленяют образы, картины
природы. А сколько жизненной силы и мудрости вложено
поэтом в свои философские размышления над добром и злом,
любовью и ненавистью, жизнью и смертью, благородством
и предательством!

Кредо поэзии... Какое же оно у Жакшылыкова? Теперь,
в годы суверенитета, в годы возросшего национального
самосознания? Вспомним, что давило ранее, в эпоху
тоталитаризма, над талантами: проявляешься ли ты в
партийном масштабе или нет? Если нет, увы, увы... А в
интернациональном плане? Тоже скупое? Что ж, значит, ты
уже и не выразитель ни дум своего народа, ни силы и красоты
своей земли. То есть, для полета нужны крылья, а они
связаны.

Думаю, что я не ошибусь, если скажу, что кредо поэзии
А. Жакшылыкова — как свежий ветер, как озон после грозы!
Расправленные крылья его стихов, в своей раскрепо-

щенности, уносят нас в мир светлый и радостный, в мир надежд и благородных порывов. Все его глубокое знание жизни: от юношеского ее восприятия до ощущения трагедийности жизни уже в зрелые годы — весь этот пласт времени (от Адама и Евы до сегодняшней действительности) — он перед нами, в его творчестве.

Вчитавшись в его поэзию, вы соберете добрый урожай. Это будут зерна мудрости, поданные в философском, медитационном ключе. Открыв им дверь в еще незнакомую вам поэзию, вас удивят в ней и формы, и содержание. Стихи по форме многогранны. Начинаясь от традиционных, они могут перейти в свободные, белые и дойти до графических. Такое впечатление, что не осталось уже такой формы в мировой поэзии, которую бы он не освоил и не применил, чтобы передать всю полифонию жизни. Однако "освоенность" эта естественна и органична — как бы его душа сама рождает нужные формы.

Мысли и чувства, мудрость и искренность, дух времени и дух народа, плач истории и надежда на будущее, доброта к людям и любовь к жизни — все это и рождает его как поэта.

Но вернемся с небес на землю. Что тревожит душу поэта, что её гнетет? Оглянитесь вокруг — сколько же скопилось на ней грязи и пошлости! Мы уже теряем всякие параллели между понятием плохого и хорошего. Все как-то измельчало и снизилось в своей морали. А приподняться над всем этим, можно только вернувшись к поэзии, к музыке, ко всему мудрому и вечному, что мы уже утратили, но еще не поздно обрести вновь. К этому нас и призывает поэзия Асана Жакшылыкова: живите в красоте и обязательно чему-нибудь радуйтесь! И вы почувствуйте, взяв в руки том его стихов, как словно что-то вас приподнимает над всем порочным и неприятным и уносит прямо в благодатную синь неба. И вам легко и свободно. Вы поняли — бальзам для души найден. Он — в стремлении к доброму, разумному, и вечному.

Во всем этом — сила поэта, нашедшего свой стиль, свой почерк и свой голос. Поэтому любое из его стихотворений, даже самое короткое, заставляет думать, размышлять о путях

земных, вдохновляет на добрые начала, создает настроение, обогащает духовно.

Всмотритесь, как строит он свои стихи. Это уже поэт — архитектор! Сколько в них необычности и прямо — таки виртуозности! Если цифрами обозначить строки, а буквами — ритмы, то вот что происходит с техникой его стиха, например, в поэме “Макмал - Тёр”: 1—а, 2—а, 3—б, 4—а, 5—б, 6—б, 7—в, 8—б, 9—в, 10—в. В этой поэме вообще просматривается какая-то бесподобная (жакшылыковская) лаборатория стиха.

К своему полувековому рубежу поэт Асан Жакшылыков подошел с весомым багажом, в котором можно найти стихи и поэмы, драму и роман в стихах, детские стихи и мудрые крылатые изречения, песни и баллады, рассказы и публицистику. И, конечно же, он занимался много переводами — переводит А. Пушкина, Р. Тагора, Абая, М. Бсису, Л. Леонова, М. Светлова, М. Дудина, С. Капутикяна, Б. Олейника и др. Приходится поражаться его работоспособности и одержимости в самом хорошем смысле этого слова. А ведь он, Асан Жакшылыков даже не филолог, а в своих изначальных истоках — гидротехник, которым он стал после окончания сельхозинститута. Только уже в 1983—85 гг. заканчивает он Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького в Москве. Многие годы он возглавлял Союз писателей Киргизии, пройдя путь к этому от молодого литконсультанта до секретаря СП и председателя его правления.

В настоящая время он — Заслуженный деятель культуры КР, член Всемирного Конгресса поэтов Академии искусств и культур. С недавних пор — президент “Пен - клуба” писателей, а до этого времени был директором киргизского литфонда, главным редактором газеты “КТР-ОБО”, которую он и создал, директором продюсерского центра “Рух”, главным редактором газеты “Прогресс” и т.д. Но как еще не добавить к этому, что взлетная полоса его поэтического творчества началась когда то с Лауреата премии Ленинского комсомола...

Великое берет начало в малом.
Стремительная вольная река
И море, что встает девятом валом,
Когда - то родились из ручейка.

Приемля чудный дар природы мудрой,
О, горец — брат, в лихие наши дни
Тот родничок, пробившийся за юртой,
Обереги и светлым сохрани.

Галина Емельянова

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

В переводе ИГОРЯ ЛЯПИНА:

СОВЕТ СТАРИКА.....	5
ЖИЗНЬ.....	6
ВРЕМЯ.....	8
ГИМН ЖИЗНИ.....	9
ДЕТСТВО.....	10
ЗВЕЗДА ЛЮБВИ.....	10
“МИР ДЛЯ МЕНЯ ВСЕГДА БЫЛ ЧИСТ И СВЕТЕЛ”.....	11
НЕМЕРКНУЩИЙ ОГОНЬ.....	12
ОДИНОЧЕСТВО.....	13
КУМЫС.....	14
ПУТИ ЗЕМНЫЕ.....	16
ТАКОВА СИТУАЦИЯ.....	17
ОБРАЩЕНИЕ.....	17
АРЧА.....	18
РАССВЕТ В ГОРАХ.....	19
ПОКЛОН ПАВШИМ.....	21
УКРАИНСКИЙ ЛЕС.....	23
СТОКГОЛЬМСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ.....	24
КРАСНОЕ ЗНАМЯ.....	26
ДОБРОЕ УТРО.....	27
ГОРСТЬ ЗЕМЛИ.....	28
РОДНИК.....	29
В ГОРАХ.....	30
РАДОСТЬ ЖИЗНИ.....	31
МОСТ.....	33
СИЛА ЖИЗНИ.....	34
ДОМ ПОД СОЛНЦЕМ.....	35
НОЧНОЙ ДОЖДЬ.....	37
ТРОПА.....	37
ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ.....	39
ПРЕЛЮДИЯ.....	41
НАИГРЫШ.....	41

ЮНОСТЬ.....	41
ЖИЗНЬ В ГОРАХ.....	42
ЦВЕТOK.....	44
РОВЕСНИКАМ.....	45
РАЗДУМЬЕ.....	47
ТОСКА.....	48
ВЕСНА.....	48
ВЕЧНАЯ СВЯЗЬ.....	50
ЖЕРЕБЕНОК.....	51
ЖИЗНЬ ОЗЕРА.....	51
ХЛЕБ.....	52
ПОЛИВАЛЬЩИК.....	53
В ТЕНИ ДЕРЕВЬЕВ.....	54
ДЕДУШКА И ВНУК.....	56
НА ВЕРШИНЕ.....	57
МЕЛЬНИЦА.....	58
ГОРОД.....	60
ОГНИ ГОРОДА.....	61
ПЕСНЬ.....	62
ЛЕТНЯЯ НОЧЬ.....	63
ЛЮБОВЬ.....	65
МЕЛОДИЯ.....	65
ВЗГЛЯД.....	66
ТАЙНА.....	66
К ТЕБЕ.....	67
ТВОИ ГЛАЗА.....	68
МОЛОДОСТЬ.....	68
ЛУЧИ ТВОИХ ГЛАЗ.....	69
ГЛАЗА.....	70
ЛЮБИМАЯ.....	70
СЧАСТЬЕ.....	71
ТЕНЬ РАЗЛУКИ.....	72
АВГУСТОВСКАЯ НОЧЬ.....	74
ДОЖДЬ.....	75
ПРОСЬБА.....	76
ВОСПОМИНАНИЕ.....	78
КРАСОТА.....	78
ПОЖЕЛАНИЕ.....	79

ВЕСТНИК РАДОСТИ.....	80
ЗЕМЛЯ.....	81
МАТЕРИНСТВО.....	82
ПЕРВЫЙ ШАГ.....	83
ПЕРВЫЙ СНЕГ.....	84
ОБРАЩЕНИЕ К СЫНУ.....	84
ИГРУШКИ.....	86
ГОРНАЯ РЕКА.....	87
ОТ ВСЕГО СЕРДЦА.....	88
МОЙ НАРОД.....	91
ДОЛОН.....	92
ОГОНЬ.....	94
ДЕРЕВО.....	95
ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ.....	96
МЛАДШИМ.....	97
ЗАПОМНИ!.....	99
РАЗГОВОР СО СЛЕПЫМ.....	100
СВОБОДНАЯ БЕСЕДА.....	101
УМЕЙ СЛУШАТЬ.....	103
НЕ УСЕРДСТВУЙ!.....	104
В АРЧАЛУУ.....	105
ПТИЦА.....	106
РЕКА.....	107
СКАЛА.....	108
ЛЕТНЯЯ НОЧЬ.....	109
ОТЕЧЕСТВО.....	110
ЗАРУБЕЖНОМУ РОВЕСНИКУ.....	
Перевод ВИЛЕНА БОРИСОВА.....	111
СКАЗКА БАКУ. Перевод СЕРГЕЯ МАКАРОВА.....	113
ЛАМПА. Перевод ВЯЧЕСЛАВА ШАПОВАЛОВА.....	114
ПЕСНЬ. Перевод В.ШАПОВАЛОВА.....	115
ПОСВЯЩЕНИЕ КАРАМОЛДО ОРОЗОВУ.....	
Перевод В.ШАПОВАЛОВА.....	117
ТРЕВОГА. Перевод СЕМЕНА ЛАЕВСКОГО.....	118
НОЧНОЕ НЕБО. Перевод С. ЛАЕВСКОГО.....	119
ГИТАРА. Перевод С.ЛАЕВСКОГО.....	120
ЖАВОРОНОК. Перевод С. ЛАЕВСКОГО.....	121
СКАЛА И ЦВЕТОК Перевод С. ЛАЕВСКОГО.....	122

ПОЭТ. Перевод С. ЛАЕВСКОГО.....	122
В ДОРОГЕ. Перевод С. ЛАЕВСКОГО.....	123
ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ. Перевод С. ЛАЕВСКОГО.....	125
СТРЕМЛЕНИЕ. Перевод САВЕЛИЯ ЗАМАЛИНА.....	126
БРИТВА . Перевод С. ЗАМАЛИНА.....	126
ВОПРОС. Перевод С. ЗАМАЛИНА.....	127
“ВСЕ КОНЧАЕТСЯ СМЕРТЬЮ”.	
Перевод ИГОРЯ ФЕДОРОВА.....	127
АКСАКАЛ. Перевод С. ЛАЕВСКОГО.....	128
МУРАВЕЙ. Перевод С. ЛАЕВСКОГО.....	129
“КОГДА ТВОЯ ДУША СТИХОМ ГОРИТ”	
Перевод С. ЛАЕВСКОГО.....	130
НА РАССВЕТЕ. Перевод ОЛЕГА ДМИТРЕВА.....	131
К Р Ы Л А Т Ы Е И З Р Е Ч Е Н Ь Я	
Перевод ГАЛИНЫ ЕМЕЛЬЯНОВОЙ.....	136
В Е С Н А Д О Л Г О Ж Д А Н Н А Я	
Перевод ИГОРЯ ЛЯПИНА.....	142

ПОЭМЫ

В переводе ВАЛЕНТИНА УСТИНОВА:	
М А К М А Л Т Ё Р.....	160
ЗАВЕТ.....	160
ОЛДЖОБАЙ.....	164
ПОЕЗДКА НА САЛБУРУН.....	170
ГИБЕЛЬ АККОЗА.....	177
ПОВЕСТЬ ПЛЕННИКА.....	184
ПУТЬ.....	193
ЗАВЕЩАНИЕ (ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ).....	204

ПУБЛИЦИСТИКА

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ СЧАСТЬЯ, ТВОЙ УМ ДОЛЖЕН СТАТЬ ИСТОЧНИКОМ ДОБРЫХ МЫСЛЕЙ.....	221
САМОСОЗНАНИЕ - ЗАЩИТНАЯ СИЛА НАРОДА.....	224

ЭНЕРГИЯ ЛЮБВИ СПАСЕТ НАС.....	227
ЗЕМНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ - НА ПУТИ	
К ГАЛАКТИКЕ.....	229
ТУГЕЛЬБАЙ АТА.....	230
ОБНОВЛЕННАЯ НАДЕЖДА.....	232
ВЗЛЕТНАЯ ПОЛОСА ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА.....	234
ЛУННАЯ СОНАТА.....	239
НАДЕЖДА СКВОЗЬ СЛЕЗЫ.....	241
СЧАСТЬЕ ВСЕМ.....	243
НАРОД БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НЕ ИМЕЕТ	
БУДУЩЕГО.....	245
БОЛЬ ОМАРА ХАЙЯМА.....	247
НА ЗЕМЛЕ SUOMI.....	249
СТРАНА УВЕРЕННЫХ ЛЮДЕЙ.....	253
БОЛЬ ПЕНСИОНЕРА.....	257
ЕЩЕ РАЗ О СВОБОДЕ СЛОВА.....	258
НА ПУТИ К ДУХОВНОСТИ.....	261
ОБ ИСЛАМЕ.....	261
О БУДДИЗМЕ.....	268

О ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА	273
ДОБРЫЙ ЛУЧ НАДЕЖДЫ.....	277

Литературно художественное произведение

Жакшылыков Асан
Избранные. Том V

Редактор: А.Иманбаев
Художник: М.Асаналиев
Тех. редактор: Ж.Кадыров
Компьютерный набор: А.Асанова

Сдано в набор 15.04.1999 г. Подписано к печати 28.07
1999 г. Формат 84 х 108/32 Бумага офсетная 18 физ. печ.
л. Тираж 1000. На заказной основе. Цена договорная.

№ 764

Издательский дом "Кыргызстан", Советская, 170

АО "Эркин-Тоо", бульвар Эркиндик, 45

Особая благодарность меценатам, спонсорам, людям,
оказавшим неоценимую помощь в издании книги.

Желающие высказать свои мнения и замечания по
данной книге, заинтересованные в сотрудничестве, а также
желающие приобрести книгу могут обращаться по адресам:

- Тыныстановна 64/1, Городская библиотека.
Тел: 22-36-97;

- ул. Советская, 171, издательский дом "Кыргызстан",
(магазин) отдел маркетинга. Тел: 66-41-51, 66-19-15,

- книжный магазин "Нуска" - 22-43-44.

Редколлегия.

В книге использованы фотографии
Н.Кочнева, И.Бажуткина и Т.Кашымова.

